

Вячеслав Никонов

ОКТАБРЬ 1917

Кто был ничем, тот станет всем

Никонов Вячеслав. Книги известного политолога

Вячеслав Никонов

**Октябрь 1917. Кто был
ничем, тот станет всем**

«ЭКСМО»

2017

УДК 355/359
ББК 63.3

Никонов В. А.

Октябрь 1917. Кто был ничем, тот станет всем / В. А. Никонов —
«Эксмо», 2017 — (Никонов Вячеслав. Книги известного
политолога)

ISBN 978-5-04-088568-8

Революцию 1917 года часто называют Великой. Она определила судьбы России и мира. И только сейчас мы обретаем способность спокойно и трезво оценивать, что тогда с нами случилось. В новой книге Вячеслава Никонова вы узнаете, каким образом за восемь месяцев на развалинах великой евразийской державы в разгар мировой войны в октябре 1917 года возникло государство Советов под руководством крошечной партии большевиков, предложившей альтернативу всей предыдущей истории человечества. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 355/359
ББК 63.3

ISBN 978-5-04-088568-8

© Никонов В. А., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Вместо введения	6
Глава 1	19
Происхождение двоевластия	19
Кондиции временной власти	25
Власть Советов?	34
Правительство либеральной мечты	39
Совет социалистической мечты	48
Новый партийно-политический ландшафт	61
Большевики без Ленина	72
Глава 2	86
Легитимность под вопросом	86
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Вячеслав Алексеевич Никонов
Октябрь 1917. Кто был
ничем, тот станет всем

© Никонов В., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Вместо введения Февраль 1917 года. Крушение России

*Февральская революция была только оболочкой, в которой скрывалось ядро Октябрьской революции.
Лев Давидович Троцкий*

Мы все вышли оттуда. Хотя никто из ныне живущих не участвовал в революции 1917 года, мы все так или иначе ее дети. И каждый до сих чувствует множество ее отголосков. Мы только приходим в себя от той революции. Только восстанавливаем те чудом устоявшие усадьбы, дворцы, дома, церкви, монастыри, которые начали разрушать сто лет назад. Мы только сейчас обретаем способность более-менее спокойно и трезво оценивать то, что тогда случилось с нашими прародителями, с Россией.

Революция – крупнейшее событие новейшей истории, во многом определившее судьбы мира. В течение нескольких месяцев на развалинах великой евразийской державы, находившейся под властью династии Романовых, возникло государство Советов, которым руководила еще недавно маргинальная партия большевиков, предложившая альтернативную всей предыдущей истории модель общественного устройства. Модель, которая в течение 74 лет будет вдохновлять или приводить в ярость остальное человечество. Трагедии и взлеты порожденной революцией советской эпохи до сих пор в огромной степени влияют на нашу повседневность. Споры о революции, которые заметно оживились в связи с ее столетием, выявил разногласия, проходящие по самым актуальным линиям современного политического противостояния. Мы еще во многом живем в той эпохе, пользуемся его языком, черпаем из нее опыт.

Эта книга – продолжение другой, которая выходила в издательстве АСТ под названием «Крушение России. 1917». В ней речь шла о Февральской революции. Как это принято перед продолжением сериала – краткое содержание предыдущей серии.

1917 год многим нравится. Одним – Февральская революция – как первый прорыв к свободе, положившей конец самодержавию. Другим – Октябрьская – как начало создания государства диктатуры пролетариата. Революцию нередко называют Великой, она окружена множеством мифов.

Чаще всего считают, что у революции были объективные причины: слабая и нищая Россия терпела поражение в Первой мировой войне, ее экономика рухнула, армия развалилась, людские ресурсы иссякли, свирепствовал голод, недееспособное и неадекватное самодержавное правительство вело страну путем измены, за что буржуазия его и свергла в Феврале, а ее, в свою очередь, в Октябре свергли пролетариат и крестьянство. Все это весьма далеко от истины.

У Октябрьской революции было много героев. Сотни и тысячи людей оставили воспоминания о своем вкладе в ее подготовку и осуществление. У Октября есть публичные лидеры, среди которых на первом месте Ленин. А Троцкий, Сталин, Зиновьев, Каменев и другие многие годы спорили о том, чей вклад был более значим. Десятки и сотни доказывали, что именно они несли бревно с Лениным на первом субботнике. Очень многие хотели быть среди победителей, установивших свою власть на 1/6 части суши на три четверти века и создавших сверхдержаву.

Февральская же революция осталась сиротой. Никто не захотел признаться в отцовстве, предпочтя версию стихийного народного восстания. Хотя ни до, ни после в мировой истории не было спонтанных, неподготовленных, без лидеров и активных участников революций. Или, во всяком случае, мне такие случаи не известны. Объективного в истории вообще очень мало. Революции рождаются в головах немногих, которые в силу ряда обстоятельств часто действительно от них не зависящих, оказываются способными заразить своим антисистемным пафо-

сом критическую массу людей. Причем не обязательно во всей стране – достаточно столицы, здесь Ленин был прав.

Сергей Владиславович Завадский, опытнейший юрист, работавший в 1917 году заместителем председателя Чрезвычайной следственной комиссии, напишет: «Принято говорить: движение началось стихийно, солдаты сами вышли на улицу. С этим я никак не могу согласиться... Когда кто-либо ссылается на стихию, на случай, он, в сущности, признается, что подлинная причина события ему не известна. «Самопроизвольное зарождение» еще меньше уместно в социологии, чем в естествознании. Оттого, что никто из революционных вождей с именем не мог привесить к движению свой ярлык, оно становится не безличным, а только безымянным»¹.

Конечно, и у Февральской революции были и лидеры, и вдохновители, и активные исполнители. Просто они оказались столь сильно разочарованы, ошарашены результатами содеянного уже после первых дней революции, что предпочли свою роль не только не афишировать, но даже прямо отрицать. Знали они и широко распространенное мнение подавляющего большинства российской элиты, переставшей быть таковой после 1917 года, что «те, кто делал революцию во время войны в наивном предположении, что можно ее остановить на той грани, на которой они захотят и что можно будет продолжать войну – являются также преступниками перед Родиной»². А для большевиков это была чужая, буржуазная революция, и они не претендовали на лавры ее главных организаторов.

В начале 1917 года не было предпосылок, неумолимо толкающих страну в революцию, кроме общей бедности большей части населения (что в России было всегда) и наличия необычайно активной и оппозиционно настроенной олигархической и аристократической элиты, а также интеллигенции, поставлявшей в большом количестве кадры фанатичных революционеров.

Россия оставалась огромной и жизнеспособной страной. Она не была сверхдержавой. Но она, безусловно, была одной из великих держав. Российская империя была самым крупным государством на планете – предки постарались. Ее площадь превышала 22,4 млн квадратных километров – от западных пределов Царства Польского и Финляндии – до Чукотки, от Северного Ледовитого океана – до Памира (площадь современной Российской Федерации – около 17 млн квадратных километров).

За полвека после Великих реформ население страны удвоилось, составив около 170 млн человек³, почти каждый восьмой на планете. Больше жило только в Китае и Индии. Страна стояла на одном из первых мест в мире по уровню рождаемости, почти половина ее обитателей была моложе двадцати лет⁴. Только за первые двадцать лет правления Николая II население Российской империи выросло более чем на 50 млн человек. Сохранялись традиции крепких больших семей в деревнях, весьма сильны были устои брака. По сведениям выдающегося социолога Питирима Александровича Сорокина, среди православного населения Европейской России ко времени революции на 1000 браков приходилось порядка 2,5 развода, то есть один развод на 400 браков (уже в 1920–1922 годах этот показатель достигнет 1 развода на 11,7 брака, то есть увеличится на три с половиной порядка)⁵. Наш великий ученый Дмитрий Иванович Менделеев в начале XX столетия предсказывал, что к 2050 году численность населения соста-

¹ Завадский С. В. На пути к революции: из архива моей памяти; на великом изломе: Отчет гражданина о пережитом в 1916–1917 годах. М., 2017. С. 159.

² Лукомский А. С. Очерки из моей жизни. Воспоминания. М., 2012. С. 336.

³ Статистический ежегодник России. 1914 г. Пг., 1915. С. 57; Статистический ежегодник на 1914 г. СПб., 1914. С. 5–6; Отчет о состоянии народного здоровья и врачебной помощи в России за 1913 год. Пг., 1915. С. 1, 66–67, 98–99; Население России в XX веке: Исторические очерки. М., 2000. С. 13.

⁴ Население России в XX веке. С. 13.

⁵ Сорокин П. Социология революции. М., 2005. С. 413.

вит 800 миллионов человек⁶. Идея избранности Святой Руси, маргинальная в интеллигентской среде, была сильна в народном сознании, составляла идеологический фундамент, который скреплял общество и власть, давал им смысл существования и основу для духовного самоуважения.

Экономическая модель не была идеальной, но она не была и провальной, русское экономическое чудо не было фигурой речи. Промышленное производство с 1860-х годов и вплоть до Первой мировой войны увеличивалось в среднем на пять процентов в год. К 1917 году Россия была четвертой экономикой на планете. Конечно, Россия отставала от ведущих держав по качественным хозяйственным параметрам, технологии, уровню жизни, и плоды индустриальной революции, как и следы рыночных отношений, были слабо заметны на селе, где было занято семь восьмых населения. Ожидаемая продолжительность жизни составляла 32 года для мужчин, 34 – для женщин (в Англии того времени – 50 и 53), каждый четвертый ребенок умирал в возрасте до года⁷. Весьма низким был уровень образования, к 1913 году читать и писать умели лишь около половины горожан и до четверти крестьян⁸.… Повсеместно наблюдался подъем национальных чувств и движений, что, в свою очередь, питало и великорусский национализм, выдержанный на принципах сохранения России как единого и неделимого государства. Страну ожидало серьезное испытание на разрыв из-за роста национального сознания на окраинах. Но в социально-экономической структуре России не было ничего, что объективно толкало бы страну к разрушению.

К 1917 году российский государственный строй не был самодержавным. После революции 1905 года Россия получила Основные законы, политические свободы, двухпалатный парламент и стала конституционной дуалистической монархией. Николай II был достаточно адекватным руководителем страны. Царь был умен, высокообразован – он успешно прошел программы университета и Академии Генштаба – свободно владел несколькими иностранными языками. За обходительными манерами, мягким обращением, граничащим со скромностью и даже робостью, простотой нрава скрывалось упрямое мужество, основанное на глубоких и выстраданных убеждениях. Он проявил это мужество, когда принял на себя командование армией, идя на сознательный риск в надежде исполнить то, что он считал долгом, и помочь победе. И в чем-то его расчет был небезосновательным. Именно август 1915 года стал тем поворотным пунктом, после которого заметно улучшились и результаты работы Ставки, и боеспособность русской армии.

Николай не был противником перемен, он провел больше реформ, чем большинство его предшественников. Но он также понимал, насколько опасно одномоментно разрушать традиционные, сложившиеся органично государственные и общественные институты. И опыт Временного правительства, воплотившего в жизнь рецепты оппозиции того времени и полностью разрушившего государство, это полностью подтвердит.

С позиций сегодняшнего дня представляется совершенно очевидным, что нараставший политический кризис требовал от Николая решительной реакции – либо установления диктатуры (что вполне укладывалось бы в логику военного времени), либо действительно создания ответственного перед Думой правительства. Но император не решился ни на то, ни на другое. Почему? Царь жил Ставкой и фронтом, опрометчиво обращая мало внимания на положение в столицах. Он полагал, что Россия с ним, а что до оппозиционеров в Москве и в Питере, то они погоды не сделают. В Западной Европе диктатура де-факто в годы войны появилась с согласия общественности, считал историк и активный народный социалист Сергей Петрович Мельгу-

⁶ Каррер д'Анкокс Э. Николай II: расстрелянная преемственность. М., 2006. С. 29.

⁷ Вишневецкий А. Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. М., 1998. С. 12, 13.

⁸ Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.). Статистические очерки. М., 1956. С. 293, 295.

нов: «В России таковая могла быть только диктатурой наперекор общественности»⁹. Николай – не диктатор по природе – не хотел обострять свои и без того непростые отношения с элитой.

Что же касается перехода к парламентскому правлению, то, во-первых, царь идеологически не был сторонником представительной монархии. Во-вторых, он не собирался предпринимать каких-либо кардинальных реформ до победы, которая уже виднелась на горизонте. В-третьих, до 1917 года не известен был в принципе ни один пример либерализации политического режима во время серьезной войны – это самоубийственно. Наконец, император слишком хорошо знал всех тех, кто требовал власти для себя. Он мог быть твердо уверен в их полной нелояльности, которую они демонстрировали не один год. Николай имел основания считать оппозицию скорее изменниками, чем патриотами, как оценили бы ее риторику и деятельность лидеры любой другой воевавшей страны. И он не сомневался в очевидной некомпетентности потенциальных министров, которая проявлялась в работе Думы, Земгора, ВПК и других цитателей альтернативного правительства. И весь мир вскоре получит подтверждение этой несостоятельности, когда правительство Львова, Гучкова и Милюкова не удержит власть и двух месяцев.

В революции была вина императора Николая II. Однако она состояла не в том, в чем его чаще всего обвиняют: отсутствии либеральных реформ или предательстве национальных интересов в пользу Германии под влиянием «темных сил». Его главная слабость заключалась в том, что он был монархом-венценосцем, монархом-чиновником, но не был монархом-политиком. Он вообще не был политиком в классическом смысле и не доверял политикам. Крупные политические фигуры были редки в окружении Николая II и чувствовали себя инородными элементами, как Витте или Столыпин. Он чрезмерно уповал на рок и покровительство Небесных сил, но слишком мало предпринимал усилий для завоевания симпатий элиты, проиграл информационную войну. Царь не уделил должного внимания настроениям улицы и актуализации массовой опоры власти, которая была – в лице основной массы населения. Наконец, он не проявил решимости бороться за власть до конца, что лишал силы порядка точки опоры, открывая простор революции. Царь проявлял нерешительность, когда речь шла о применении силы. И это воспринималось как слабость, а для императора и было слабостью. Ее в России руководителям не прощают.

Николай занимался делом, которое считал основным: осуществлял функции Верховного главнокомандующего. На внутреннем фронте он пытался демонстрировать свою волю, неподвластность требованиям Думы и в то же время лавировать, идя на точечные уступки требованиям оппозиции. В результате произошло то, что вошло в историю под названием министерской чехарды. Всего с осени 1915 по февраль 1917 г. сменилось четыре премьера, пять министров внутренних дел, три военных министра, что, конечно, исключительно непродуктивно во время войны. Кроме того, такая кадровая политика воспринималась как утрата контроля за ситуацией. И вела к утрате.

Февральскую революцию часто называли буржуазной. Но буржуазия как класс ее не осуществляла. Торгово-промышленная элита оставалась скорее «классом в себе». Политическая активность бизнеса в России проявилась довольно поздно и по своему размаху уступала активности всех других социальных групп, включая даже дворянство. Во многом это объяснялось тем, что буржуазия не имела опоры в народе, который откровенно ее не любил и не ценил, что объяснялось и особенностями российской интеллектуальной культуры, антибуржуазной в своей основе, и особенностями бизнеса, который не всегда демонстрировал образцы высокой предпринимательской этики.

Однако предпринимательский класс поучаствовал в лице своих ярких представителей в свержении режима. Крупнейший банкир Павел Павлович Рябушинский возмущался, что

⁹ Мельгунов С. П. Легенда о сепаратном мире. Канун революции. М., 2006. С. 567.

нужно ездить в Петербург «на поклон, как в ханскую ставку» и обещал, что «наша великая страна сумеет пережить свое маленькое правительство»¹⁰. В начале войны бизнес активно способствовал переводу экономики на военные рельсы, принял активное участие в формировании военно-промышленных комитетов, земских и городских союзов (Земгор), взявшихся оказывать всестороннюю помощь фронту. Однако именно эти организации и стали одним из важнейших инструментов дестабилизации императорской власти. И именно из олигархической среды вышел ряд очень активных революционеров, которые будут готовить заговор по свержению царя, а затем войдут в состав Временного правительства.

Ведущей социальной группой, приближавшей революцию, явилась интеллигенция. Во время войны пораженческие, антиправительственные настроения в интеллигентской среде оказались распространены достаточно широко, многие действительно считали патриотизм прибежищем негодяев. В борьбе за светлые идеалы именно интеллигенция давала целеполагание и наиболее эмоциональные аргументы противникам власти.

Пролетариат в революции выполнил в основном роль массовки, причем не на главной сцене. Из-за неразвитости городов рабочий класс был немногочисленным и представлял в значительной части своей скорее разновидность крестьянства, не порвавшего связи с землей. В начале войны, как и весь народ, рабочий класс испытал прилив патриотических чувств. Ситуация резко стала меняться в 1916 году, что было связано и с углублением экономических проблем, и с общим изменением морального климата в стране, и с творческой деятельностью Земгора. Главным раздражителем стал рост стоимости жизни. Темпы увеличения заработной платы в 2–3 раза отставали от роста цен на продовольствие, жилье и одежду. Но в целом сил самого рабочего класса было совершенно недостаточно для совершения революции.

Крестьянство проявило в предреволюционную эпоху очевидную пассивность, его существовавший политический режим вполне устраивал. Крестьянство с непониманием относилось к идеям политических прав и свобод и отличалось повышенным чувством патриотизма и лояльности православному царю. Деревня связывала свои проблемы исключительно с безземельем. Требуя земли, крестьяне избирали в Думу весьма радикальных депутатов – как левых, так и правых.

Основной причиной растущего недовольства села стало затягивание войны, которая уносила все больше жизней, в России – в основном жизней крестьянских. Количество мобилизованных в армию составит к моменту Октябрьской революции в общей сложности 15,8 млн человек, из них 12,8 млн призывались из деревни. Крестьяне начали задавать вопросы о справедливости целей войны, правильности правительственной политики и не всегда находили устраивающие их ответы. Но выступать инициаторами изменения существовавшего государственного строя крестьяне, настроенные в основном консервативно, не могли и не хотели.

В подготовке Февральской революции приняло участие большинство российских политических партий – в спектре от октябристов до большевиков. При этом вплоть до революции в стране не сложилось партии, которую хоть с каким-то основанием можно было считать правящей. Ни одна из партий не проходила испытания на власть, не имела ни малейшего опыта практического государственного управления.

На крайнем правом фланге располагались черносотенцы («черной сотней» со Средних веков называли податное посадское население), ведущей организацией которых выступал Союз русского народа, были последовательными ревнителями самодержавия и националистами. Но разочарование во власти не обошло стороной и черносотенцев, чувствовавших себя невоцеркованными и недооцененными властью.

Более умеренные правые разделились на националистов-балашевцев, националистов-шульгинцев и партию центра. Обе фракции националистов представляли западные реги-

¹⁰ Хорькова Е. П. История предпринимательства и меценатства в России. М., 1998. С. 356–357.

оны страны, «где принадлежность к русской нации сама по себе влекла за собой принадлежность к правым партиям», а их расхождения объяснялись исключительно личными разногласиями между Петром Николаевичем Балашевым и редактором газеты «Киевлянин» Василием Витальевичем Шульгиным. Партия центра («конституционно-консервативная») во главе с Павлом Николаевичем Крупенским и Владимиром Николаевичем Львовым внятной программы не имела, ориентируясь то на правительство, то на октябристов и кадетов.

В годы Первой мировой войны проповедуемые правыми патриотические идеи поначалу обрели большую популярность. Но ослабление поддержки правительства по мере затягивания войны обваливало и авторитет ассоциировавшихся с ним партий. Оставаясь лояльными трону, но они все больше оказывались в положении разочарованных генералов без армий.

Октябристы (Союз 17 октября) – консервативная партия, ее принципами была наследственная конституционная монархия. Программа партии содержала весь набор прав граждан, в то же время октябристы исходили из необходимости сохранения «единой и неделимой» России. В партии оказался собран едва ли не весь цвет российской торгово-промышленной и финансовой буржуазии, уже частично «одворяненной», а также служилого дворянства. В III Думе партия была скорее проправительственной, ее лидеры Александр Иванович Гучков и Михаил Владимирович Родзянко последовательно были председателями Государственной думы. Градус оппозиционности октябристов в IV Думе заметно возрос во многом из-за радикализации позиции Гучкова, которого либеральная пресса нарекла «Александром Ивановичем Буревестником». В начале войны партия раскололась, ее лидеры отказались от оппозиционности, но вернулась к ней под влиянием военных неудач 1915 года.

Либеральной партии конституционных демократов (кадетов) или Партии народной свободы симпатизировал цвет российской интеллигенции. Были там и видные представители аристократии. Для партии, лидером которой был профессор истории Павел Николаевич Милоков, политическим идеалом выступала конституционная монархия британского типа. Но кадеты были вынуждены соперничать за симпатии народа с исключительно радикальными социалистическими организациями, а потому сами занимали более радикальные позиции, чем либеральные партии на Западе. Так, многие из них не были против экспроприации крупных помещичьих имений, государственных и церковных земель.

С началом войны оппозиционность и пацифизм либералов сменились страстным патриотизмом, они в полной мере поддержали цели войны, включая усиление российского влияния на Балканах, захват проливов, приращение территорий. Но уже в 1914 году появились противники союза с правительством, все больше занимали темы, связанные с изменой и распутинщиной. Чтобы создать политический вакуум вокруг правительства, лидер кадетов предложил широкий альянс, включающий и умеренных консерваторов, и либералов, и социалистов.

В этот период активизировались контакты конституционных демократов с более молодой партией прогрессистов. Партия эта рождалась на квартирах крупных московских предпринимателей Рябушинского и Александра Ивановича Коновалова, где регулярно проходили «экономические беседы» с участием широкого круга интеллигентов, бизнесменов, членов Думы и Государственного совета. Прогрессизм явился альянсом левых октябристов с правыми кадедами. К прогрессистам примкнул и ряд крупных бизнесменов, прежде всего сам Коновалов и крупный сахарозаводчик Михаил Иванович Терещенко.

В марте-апреле 1914 года на собраниях в особняках Рябушинского и Коновалова открыто заговорили о необходимости подготовки дворцового переворота, обсуждали состав будущего Временного правительства.

Кадеты были инициаторами формирования большой оппозиционной коалиции, которая нашла свое воплощение в Прогрессивном блоке, куда вошли шесть фракций Думы – прогрессивных националистов, центра, земцев-октябристов, Союза 17 октября, прогрессистов и кадетов. Формальным лидером блока в Думе стал октябрист Сергей Илиодорович Шидловский,

хотя реально им руководил Милюков. Прогрессивный блок начал действовать в союзе с социалистическими партиями.

Из народнических корней, которыми можно считать «Народную волю», «Землю и волю», «Черный передел» выросло множество революционных организаций, однако ко времени революции имели значение три группы – эсеры, энесы и трудовики.

Идеологом нового – эсеровского – народничества выступил в первую очередь Виктор Михайлович Чернов, попытавшийся выработать европеизированное социалистическое учение для страны с преимущественно крестьянским населением. Сформулировал он ее так: «Бей чиновников царских, капиталистов и помещиков! Бей покрепче и требуй – земли и воли!»¹¹ Главной программной задачей эсеры видели экспроприацию капиталистической собственности и реорганизацию производства и всего общественного строя на коллективистских началах под руководством социально-революционной партии рабочего класса. Земля должна быть социализирована, что означало отмену частной собственности на землю без выкупа, обращение ее в общенародное достояние, распределяемое местными органами самоуправления на основе «уравнительно-трудового» принципа.

Партия включала в себя несколько возрастных пластов, отражавших историю ее становления: отбывшие каторгу старые народники – Екатерина Константиновна Брешко-Брешковская, Марк Андреевич Натансон; народовольцы – Михаил Рафаилович Гоц, Осип Соломонович Минор; собственно эсеры, заложившие основы партийной идеологии организации – Чернов; энергичное пополнение начала XX века – Владимир Михайлович Зензинов, Николай Дмитриевич Авксентьев, Абрам Рафаилович Гоц, Борис Викторович Савинков. Эсеры всегда страдали организационным нигилизмом, который граничил с организационной расхлябанностью. Кто и когда входил в их ЦК, сказать невозможно.

Народно-социалистическая партия (энесы) возникла летом 1906 года по инициативе Алексея Васильевича Пешехонова и Венедикта Александровича Мякотина. Партия выступала за поэтапное обращение всей земли в общенародную собственность, предоставляя ее только в пользование и только тем, кто ее обрабатывает. Под этими лозунгами охотно подписывалась сельская интеллигенция, да и многие крестьяне.

Война разделила эсеров. Авксентьев и его сторонники оказались в лагере оборонцев. Савинков стал военным корреспондентом, вошел во французские офицерские круги и писал благонамеренные очерки в поддержку политики Антанты. И Чернов, и Натансон вместе с Лениным принимали участие в конференциях интернационалистов в Циммервальде и в Кинтале.

Если в начале войны позиции оборонцев были заметно сильнее, то постепенно баланс сил стал меняться. В июле 1915 года в Петрограде состоялось совещание эсеров, энесов и Трудовой группы в Государственной думе, которое пришло к выводу о наступлении момента для борьбы за решительное изменение государственного строя. Совещание было созвано по инициативе Трудовой группы, лидером которой был Александр Федорович Керенский. В партии эсеров он занял место... над партией, являясь ее самым ярким представителем в Думе и не являясь формально членом ее ареопага.

Однако организации народников были крайне малочисленными, чтобы сыграть сколько-либо заметную роль в подготовке Февральской революции. То же можно сказать о социал-демократах – меньшевиках и большевиках.

Характерными чертами российской социал-демократии стали почти постоянное проживание ее лидеров за границей, а также перманентные расколы и борьба с разного рода марксистскими ересями. Хотя лидер большевиков Владимир Ильич Ленин и вел историю своей партии с ее II съезда, состоявшегося в 1903 году, по формальным критериям к 1917 году боль-

¹¹ Чернов В. М. Перед бурей. Мн., 2004. С. 215.

шевики оставались левой фракцией меньшинства в единой РСДРП, имевшей во многом объединенные низовые организации.

Среди меньшевиков традиционно существовало несколько течений, которые схематично выглядели следующим образом: Александр Николаевич Потресов олицетворял правый фланг, Лев Давидович Троцкий, пока был в партии, – крайне левый. Лидером правого центра был скорее Георгий Валентинович Плеханов, а левого центра – Юлий Осипович Мартов.

РСДРП(б) без преувеличения может быть названа партией Владимира Ильича Ленина, который станет главным героем не только Октябрьской революции, но и всей советской истории. Большевизм, представлявший собой систему взглядов Ленина, сложился в общих чертах из сочетания народничества, марксизма, французского якобинства, наложенных на российскую политическую традицию. «Вера в духе Чернышевского и левых народовольцев, якобинцев-бланкистов в социалистическую революцию и неискоренимая, недоказуемая, глубокая, чисто религиозного характера уверенность, что он доживет до нее, – вот что отличало (и выделяло) Ленина от всех прочих (большевиков и меньшевиков) российских марксистов. В этом была его оригинальность»¹², – писал хорошо знавший Ленина Николай Валентинов (Николай Вольский).

Малочисленные организации, в одних местах объединенные, в других – расколотые и слабые сами по себе, были сверху донизу пронизаны полицейской агентурой. В РСДРП не было единства по вопросу о целесообразности революционных действий во время войны.

Ленина она застала в Поронино, где он вместе со своим секретарем Григорием Евсеевичем Зиновьевым в качестве подданных враждебного государства были арестованы австрийской полицией. Но за них немедленно вступились влиятельные австрийские и польские социалисты, которые убедили выпустить Ленина как последовательного противника российского царизма. Оказавшись на свободе, лидеры большевиков переехали в нейтральную Швейцарию. Здесь Ленин сделал однозначный вывод: «С точки зрения рабочего класса и трудящихся масс всех народов России, наименьшим злом было бы поражение царской монархии и ее войск, угнетающих Польшу, Украину и целый ряд народов России...» Поэтому «превращение современной империалистической войны в гражданскую войну есть единственно правильный пролетарский лозунг»¹³. Но когда фракция попыталась реализовать пораженческую политику на практике, большевистских депутатов отправили в Сибирь.

В меньшевистской среде однозначно оборонческую позицию занял Плеханов. Николай Семенович Чхеидзе, руководивший фракцией в Думе, оргкомитет РСДРП осуждали агрессивную политику всех великих держав, империалистическую войну, выступали за скорейшее заключение демократического мира. Ленин считал эту «группу интеллигентов» очагом «оппортунизма и либеральной рабочей политики»¹⁴. Сотрудничали же большевики с меньшевиками-интернационалистами во главе с Мартовым. Совместными усилиями они возродили интернациональное рабочее движение, выступив инициаторами конференции в Циммервальде, в которой участвовали и Ленин, и Мартов, и Троцкий, и левые эсеры.

В Петербурге меньшевики продолжали существовать в виде малоактивной думской фракции. У большевистских организаций возможности для легальной деятельности исчезли. В ссылке или эмиграции находились все члены ЦК. Петербургский комитет (который, в отличие от города, не был переименован, дабы не поддаваться шовинистическим настроениям) сохранял партийчейки лишь в Выборгском районе. Поручение Ленина воссоздать хоть в каком-то виде Русское бюро ЦК выполнил Александр Гаврилович Шляпников, петроградский рабочий, много лет проживший в эмиграции. Русское бюро ЦК к моменту Февраля состояло из самого

¹² Валентинов Н. Недорисованный портрет... М., 1993. С. 104.

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 6, 22; Т. 49. С. 13.

¹⁴ Там же. Т. 30. С. 235.

Шляпникова, а также бежавшего из сибирской ссылки бывшего ответственного редактора «Правды», недоучившегося студента столичного Политеха Вячеслава Михайловича Молотова и рабочего Франко-русского завода и члена ПК Петра Антоновича Залуцкого.

Но социалистические партии к Февралю были слишком слабы, чтобы сыграть существенную роль в осуществлении революции.

Куда более значимым было участие государственных и полугосударственных институтов, находившихся в перманентном конфликте с правительством: Государственной думы и самостоятельных организаций, которые выступят могучим революционным тараном. IV Дума, с которой Россия встретила революцию, отличалась политизацией, поляризацией и оппозиционностью. Центром оппозиции стал Прогрессивный блок.

Самодетельные организации – Всероссийские Земский и Городской союзы, а также военно-промышленные комитеты – имели центром своей деятельности Москву, которая была центром оппозиционных настроений в отношении официального и бюрократического Санкт-Петербурга. И именно председатель Земского союза князь Георгий Евгеньевич Львов сменил Николая II на посту лидера Российского государства. Хотя царю хорошо было известно об оппозиционных настроениях, доминировавших в Земгоре и ВПК, он шел на сотрудничество с ними, видя практическую пользу в подключении бизнеса и общественности к помощи армии. Военно-промышленным комитетам был придан официальный статус. В земгоровских кругах были составлены еще в 1915 году списки будущего правительства, которые почти полностью совпали с составом первого Временного правительства, возникшего после Февраля.

Из земгоровских кругов вышла и широко распространявшаяся по стране концепция «блока черных сил»: германофильской придворной партии, связанной с германской военной аристократией и выступающей за сепаратный мир. Главой немецкой партии объявлялась императрица Александра Федоровна и Георгий Ефимович Распутин. Эта концепция легла в основу идеологии, агитации и пропаганды всех оппозиционных партий и групп. Многие приписывали авторство концепции Гучкову. Еще одним, не менее важным, направлением деятельности самодетельных организаций стало развертывание ими антиправительственного пролетарского движения в виде рабочих групп ВПК во главе с Кузьмой Антоновичем Гвоздевым, который станет инициатором создания Петроградского Совета в первый день Февральской революции.

Одной из причин революции называют национально-освободительное движение по окраинам «тюрьмы народов». Первая мировая война действительно показала недостаточность формулы «единой и неделимой», особенно в условиях, когда австро-германская коалиция предпринимала попытки расчленить Россию, разыгрывая карту национальной самобытности и прав на самоопределение населявших ее народов. Особенно успешно это удавалось делать в Польше, Финляндии, Прибалтике, Украине. Брожение наблюдалось и в других регионах – Закавказье и даже в Средней Азии. Однако до Февраля нигде, за исключением Польши, почти полностью оккупированной Центральными державами, сепаратистские движения не приняли масштабов, угрожающих целостности государства или прочности ее власти. В революции сыграли роль внешние силы. Как и другие воюющие страны, Россия была объектом подковерной дипломатии, дестабилизирующих усилий спецслужб. Центральные державы проводили активную деятельность против России.

Но к моменту Февральской революции Россия не проигрывала войну. Она была готова в военном и экономическом отношении к успешному продолжению военных действий, планируя решающее наступление на апрель. Страна вооружила, снабдила и выставила на поле боя 60 армейских корпусов вместо тех 35, которыми располагала в начале войны. Численность только Действующей армии выросла за последний предреволюционный год с 4 до 7 млн человек. Фронтные части оставались вполне боеспособными, вооружения было больше, чем когда-либо с начала войны. Чувствовать себя обреченными было куда больше оснований у стран

Четверного союза во главе с Германией. Уже было ясно, что в войну на стороне Антанты в ближайшее время вступит экономически наиболее сильная страна мира – Соединенные Штаты. В гораздо большей степени, чем в начале войны, наладилось взаимодействие между союзниками, стала поступать реальная военно-техническая помощь с Запада. В относительно удовлетворительном состоянии (опять же в сравнении с другими воюющими странами) были финансы.

Ситуация в народном хозяйстве во время войны везде была непростой, а беспорядка в России всегда хватало. Однако, следует заметить, что, с одной стороны, продовольственные трудности в России имели меньшие масштабы, чем в других воевавших странах, наблюдались только в крупных городах, а основную массу населения – крестьянство – не затронули. Голод и разорение России зимой 1916/17 года не грозили. Хотя урожай 1916 года составил только 72 % от среднего за предшествовавшие годы, хлеба хватало, тем более что его экспорт был остановлен.

Людские жертвы войны были огромными, но гораздо меньше, чем будет принято считать в советские времена. Наши потери убитыми, умершими от ран и ранеными (5,5 млн человек) были меньше, чем у Германии (6,05 млн), сражавшейся на два фронта. А по отношению к общему числу мобилизованных были вообще наименьшими из всех основных воевавших стран – 35,5 % по сравнению с 47 % – у Франции и 55 % – у Германии. Ситуация с людскими ресурсами в России также была лучше. За всю войну у нас было мобилизовано в армию 8,7 % населения страны, тогда как Великобритании – 10,7, во Франции и Австро-Венгрии – 17, а в Германии – целых 20,7 %¹⁵.

Известно, что история не терпит сослагательного наклонения, и нам уже не дано знать, когда и как закончилась бы Первая мировая война, не свершилась революция, следствием которой действительно было позорное поражение России и вынужденный унижительный сепаратный Брестский мир. Но мы знаем, как война реально закончилась: Германия капитулировала в ноябре 1918 года. Логично предположить: если бы Россия осталась в числе воевавших стран, если бы были реализованы согласованные стратегические планы союзников, война могла бы кончиться тем же – триумфом Антанты, – но только намного раньше и с участием России. И именно до конца войны Николай II откладывал основные внутренние реформы.

Армия, становясь более многочисленной, лучше вооруженной и управляемой, в то же время теряла в качестве личного состава и моральном духе. Нравы огрубели. Реквизиции – неизбежные спутники любой войны – подрывали понятия о собственности или законности. Но самой взрывоопасной была ситуация в запасных батальонах. Особенно много их оказалось в столице, где было расположено до двадцати запасных частей численностью около 200 тысяч человек, которым не хотелось отправляться на передовую. Именно они выступят главной вооруженной силой революции.

Российская государственность в феврале 1917 года пала жертвой нескольких разрушительных потоков, которые сойдутся в двух точках – на улицах столицы и в Ставке. Все эти потоки носили форму мало скрываемых заговоров, которые вынашивались в думских, аристократических, земгородских и социалистических кругах и уже в полной мере затронули армейскую верхушку.

Первым залпом революции стали выступления Милюкова и ряда других депутатов на открытии сессии Думы 1 ноября 1916 года, где они обвинили руководство страны в измене, воровстве и попытках заключить сепаратный мирный договор с врагом за спиной народа, Милюков каждый свой тезис перемежал вопросом:

– Что это, глупость или измена?

¹⁵ Урланис Б. История военных потерь. СПб. – М., 1998. С. 146–149, Головин Н. Н. Россия в первой мировой войне. М., 2006. С. 174.

На что трибуны Прогрессивного блока, левых партий и забитая публикой галерка дружно кричали в ответ:

– Измена!

Спусковой механизм революции был приведен в действие. «Он поднял революционный дух страны и, без сомнения, был могучим фактором приближения первой революции»¹⁶, – писал о Милюкове американский посол в Петрограде Фрэнсис.

В столицах застучало бесчисленное количество печатных машинок земгоровских учреждений, министерств, редакций, штабов, размножая выступления. Резонанс был ошеломляющим: Милюков доказал, что императрица и премьер Борис Владимирович Штюрмер предадут Россию императору Вильгельму. «В самом деле, могла ли образованная, читающая газеты публика подвергать сомнению обвинения, высказанные с трибуны Думы наиболее интеллектуальным и до сих пор наиболее умеренным лидером оппозиции? Если уж Милюков сподобился выдвинуть обвинение в измене против премьера, все были уверены, что он располагает надежной информацией из источника, не подлежащего сомнению»¹⁷, – подмечал историк, оксфордский профессор Георгий Михайлович Катков. Но такой информации не могло быть.

«Прогерманская партия» существовала только в воспаленном сознании оппозиции. Распутин – ловкий и бывалый сибирский мужик, который умел блестяще играть на человеческих слабостях и религиозно-мистических струнах, – безусловно, пользовался доверием и симпатией Александры Федоровны, в чем едва ли не главную роль сыграла гемофилия наследника, которую Распутин, по ряду свидетельств, мог лечить. В годы войны его имя как символ аморальности власти все активнее поднималось на щит оппозицией. Да и сам «старец» давал для этого основания. Распутин оказался подлинным проклятием Романовых. Николай весьма скептически относился к советам Друга и к его святости, уважая, однако, чувства жены.

Императрица – немка?! Но по самоощущению, родному языку, кембриджскому образованию внучка самой великой английской королевы – Виктории – никогда не была немкой, она была скорее англичанкой, говорила по-русски или по-английски (реже по-французски), переписку с мужем вела на английском. Женщина деятельная, она была одним из крупнейших организаторов санитарного дела в России. Только в Царском Селе императрица организовала 10 госпиталей, число которых затем возросло до семидесяти. В лазарет превратится и Зимний дворец в Петербурге. Императрица Александра Федоровна не была предательницей. Но темы измены императрицы, правительства и засилья распутинщины не просто доминировали, они стали едва ли не единственными обсуждаемыми в столицах и, достигая чудовищных размеров, стали важнейшим инструментом разрушения династии.

Для правых монархистов, включая членов царской семьи, все зло мироздания воплотилось в именах императрицы и «сибирского варнака». В ночь с 16 на 17 декабря князь Феликс Феликсович Юсупов, великий князь Дмитрий и черносотенец Владимир Митрофанович Пуришкевич исполнили приговор знати Распутину. Но это не остановило слухи по поводу «темных сил».

Вокруг трона всюду плелись заговоры, имевшие целью «спасение монархии от монарха». Генералу Александру Сергеевичу Лукомскому было известно, что «группой общественных деятелей предполагается в марте-апреле 1917 г. дворцовый переворот. Было якобы два предложения. Одни считали достаточным добиться удаления из России Императрицы Александры Федоровны и настоять перед Государем на установлении широкой конституции: другие считали необходимым добиться отречения от престола Государя в пользу Наследника с назначением регентом Великого князя Михаила Александровича». Керенский, которого как-то упрекнули в том, что он был одним из руководителей революционного движения и этим сыграл в

¹⁶ Francis D. R. Russia from the American Embassy. April, 1916 – November, 1918. N.Y., 1921. P. 87.

¹⁷ Катков Г. Февральская революция. М., 2006. С. 215.

руку немцев, будто бы ответил: «Революцию сделали не мы, а генералы. Мы же только постарались ее направить в должное русло»¹⁸.

В центре одного из заговоров, готовивших отречение Николая в пользу наследника Алексея при регентстве брата царя Михаила, был Гучков, опиравшийся на близкие ему армейские круги. Гучков пожалуется генералу Петру Александровичу Половцову: «Революция, к сожалению, произошла на две недели слишком рано. Существовал заговор. Предполагалось уговорить Царя поочередно приводить гвардейские кавалерийские полки в столицу на отдых и для поддержания порядка, а затем выманить Царя из Ставки и при помощи кавалергардов, совершить дворцовый переворот, добившись отречения в пользу цесаревича и регентства. Все это должно было произойти в середине марта»¹⁹. Но, пожалуй, Гучков преуменьшил свои личные заслуги, как и все другие, кто был причастен к Февралю.

Предложенный именно этой группой план свержения Николая II – задержание императорского поезда на дальней станции и принуждение к отречению под воздействием авторитета армии или угрозы силой – технически и будет претворен в жизнь. Гучков вел активную переписку с руководителем штаба Ставки генералом Михаилом Васильевичем Алексеевым, который представит царю самый убедительный аргумент в пользу отречения – позицию армейской верхушки. Чего заговорщики не учитывали, так это своей неспособности контролировать раскрепощенный народ на улице, куда его звали.

О заговорах и нарастании революционных тенденций было известно спецслужбам. Почему же они не смогли предотвратить революции? Потому, что они создавались для борьбы с революционным движением снизу, со стороны пролетарских, разночинных масс и их политических партий. А удар по государственности наносился из тех сфер, куда офицерам спецслужб вход был заказан.

Февральское восстание в Петрограде было порождено антиправительственной пропагандой, паническими настроениями и подкреплено бунтом запасных батальонов. Легитимацию перевороту дала Дума.

На протяжении трех первых недель февраля было исключительно холодно, в Петрограде средняя температура приближалась к тридцати ниже нуля. Снег засыпал железнодорожные пути, по всей стране простаивали десятки тысяч вагонов с продовольствием и топливом. Продуктов питания в столице еще вполне хватало, но кончались топливные запасы, из-за чего стали закрываться хлебопекарни и даже крупные предприятия. К началу 20-х чисел поползли слухи о введении нормирования отпуска хлеба. Люди в панике бросились к булочным, где образовались очереди, стоявшие ночь напролет на лютом морозе.

22 февраля (8 марта), когда убежденный в полном контроле МВД над ситуацией император отправился в Ставку – в Могилев, стало резко теплеть, показалось солнце. Уставшие от долгих холодов люди всех возрастов и профессий присоединились к женской процессии с требованиями хлеба. С этого момента забастовочная и митинговая волны стремительно стали нарастать. Руководство Петроградского военного округа приняло крайне опрометчивое решение отправить в наряды воинские части – те самые запасные батальоны. Оказавшись на улицах, военные патрули, равно как и казачьи наряды, вели себя крайне пассивно, явно сочувствуя митинговавшей публике. Очевидная мягкость силовиков немедленно сообщила уверенность толпе, над которой уже витал дух вседозволенности.

27 февраля начался бунт запасных частей. Масштабы волнений, которые охватили только столицу, были во много раз меньше, чем в 1905–1907 годах, и возможности для их подавления, безусловно, существовали.

¹⁸ Лукомский А. С. Очерки из моей жизни. С. 337, 336.

¹⁹ Половцов П. А. Дни затмения. Записки Главнокомандующего Петроградского военного округа генерала Половцова в 1917 году. М., 2016. С. 53–54.

Николай II полагал возможным пресечь восстание силой, однако этот сценарий был фактически просаботирован армейской верхушкой. 1 марта в Пскове, где оказался императорский поезд, командующий Северным фронтом Николай Владимирович Рузский и генерал Алексеев (из Могилева) уговорили Николая II во имя успешного завершения войны отказаться от подавления восстания, согласиться с созданием ответственного перед Думой правительства. А к двум часам дня 2 марта Рузскому стали поступать инспирированные Алексеевым телеграммы от военачальников: от командующего Юго-Западным фронтом генерала Алексея Алексеевича Брусилова, Западным фронтом – генерала Алексея Ермолаевича Эверта, Кавказским фронтом – великого князя Николая Николаевича, Румынским фронтом – генерала Владимира Викторовича Сахарова. Все призывали царя принести жертву на алтарь Отечества и отречься. Генерал Николай Николаевич Головин обращал внимание на то, что «решение Императора Николая II отречься от престола было принято им вследствие настояний высших начальников армии раньше, чем такое требование было ему предъявлено Временным комитетом Государственной думы», что «показывает, какое решающее значение в ходе революции сыграла армия»²⁰. Осведомленный современник Уинстон Черчилль недоумевал: «Как ни странно, низложение царя было осуществлено его собственными генералами»²¹.

Царь сложил корону к ногам предавшего его армейского руководства, отрекшись в пользу своего брата Михаила. «В час ночи уехал из Пскова с тяжелым чувством пережитого. Кругом измена и трусость, и обман»²², – эти справедливые слова Николай II написал в своем дневнике, когда поезд тронулся из Пскова. 3 марта от престола отрекся и Михаил Романов.

Российская империя была исторической формой существования России.

Последовало Крушение России.

²⁰ Головин Н. Н. Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. Т. 1. С. 35–36.

²¹ Черчилль У. Мировой кризис. Восточный фронт. М., 2014. С. 324.

²² Дневники императора Николая II. М., 1992. С. 625.

Глава 1

Новая власть

Происхождение двоевластия

Угнетенные никогда не могут господствовать, ибо в момент господства они становятся угнетателями.

Николай Александрович Бердяев

Формирование новой власти началось еще тогда, когда Николай II оставался императором.

Объявленный императором перерыв в занятиях Государственной думы «условно можно было приравнять к вынужденным думским ваканциям, в ходе которых могли работать руководящие органы Думы, ее комиссии, фракции и аппарат. То есть Дума была работоспособным органом, причем на 27 февраля большинство депутатов еще оставалось в Петрограде»²³. Около восьми часов утра депутатов стали поднимать телефонными звонками и от имени председателя Родзянко приглашать в Думу. Поутру в ее здании общими были растерянность, апатия и испуг. Впрочем, были и очевидные исключения. Керенский, судя по его мемуарам, сразу понял, что для него «час истории пробил».

Человек, который станет воплощением межреволюционного режима, подходил к своему 35-летнему рубежу. Сын директора гимназии в Симбирске, Керенский учился на историко-филологическом факультете Петербургского университета, но передумал и закончил юридический. Стал членом коллегии адвокатов. В 1905 году был арестован и три месяца просидел в тюрьме по подозрению в принадлежности к боевой организации эсеров. Имя себе сделал, выступая адвокатом по наиболее громким политическим делам, он был защитником на процессе партии «Дашнакцутюн», по делу об аресте большевистских депутатов IV Думы, расследовал «Ленский расстрел». Сейчас уже везде можно прочесть, что своей стремительной политической карьерой он обязан принадлежности к влиятельным масонским ложам. Депутатом его избрали от Саратовской губернии, в 1915 году Керенский возглавил фракцию «Трудовая группа». Консул в Москве и наблюдательный глава английской разведки в России Роберт Брюс Локкарт видел его в революционные дни: «Лицо его мертвенно-бледно, даже желтовато. Узкие, монгольские глаза устали. С виду кажется, что ему физически больно, но решительно сжатые губы и коротко постриженные под бобрик волосы создают общее впечатление энергичности... Всего несколько месяцев назад ему удалили больную почку, но его энергия неугасима!»²⁴

Уходя утром из дома, Керенский успел позвонить нескольким своим друзьям и «попросил их отправиться в охваченные восстанием военные казармы и убедить войска идти к Думе»²⁵. После чего зашагал навстречу истории. «Казалось, каждый шаг к Думе приближал меня к трепещущим силам зарождающейся новой жизни, и, хотя старик швейцар привычным жестом распахнул передо мной дворцовую дверь, я подумал тогда, что он навсегда преградил мне обычный путь к прежней России, где в то самое утро занималась заря прекрасных и ужасных мартовских дней. Дверь закрылась за мной. Я сбросил пальто. Больше для меня не было

²³ Николаев А. Б., Поливанов О. Л. К вопросу об организации власти в феврале-марте 1917 г. // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 131.

²⁴ Локкарт Р. Б. Агония Российской империи. Воспоминания офицера британской разведки. М., 2016. С. 184, 185.

²⁵ Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте. Мемуары. М., 1993. С. 136.

ни дня, ни ночи, ни утра, ни вечера»²⁶. Керенский стал центром притяжения для решительно настроенных депутатов, которые добивались открытия официального заседания Думы в нарушение царского указа.

Решение об этом должен был принять Родзянко. Один из лидеров октябристов, представитель состоятельного дворянского рода, который благодаря женитьбе на княжне Голицыной породнился с русской аристократией. Воспитанник Пажеского корпуса и гвардейский кавалерист, до избрания в Думу Родзянко успел побывать предводителем дворянства и председателем земской управы Екатеринославской губернии, членом Государственного совета. «Он отличался хлебосольством, добродушием, приветливостью, был хорошим русским баринком в лучшем значении этого слова, – подмечал саратовский предводитель дворянства Николай Александрович Мельников. – Но большим умом он не обладал, переоценивал себя, любил иногда порисоваться и сравнительно легко подчинялся влияниям»²⁷. Недолюбливал спикера Милюков: «За раскаты голоса шутники сравнивали его с «барабаном», а грузная фигура вызвала кличку «самовара». За этими чертами скрывалось природное незлобие и вспышки напускной важности, быстро потухавшие»²⁸.

Ближе к 11 часам утра группа депутатов прорвалась в его кабинет и стала настаивать на созыве Совета старейшин (сеньорен-конвента). Тот отмахивался и говорил, что ему нужно написать телеграмму императору. В 12 часов 40 минут Родзянко просил высочайшим манифестом официально возобновить деятельность Думы и Госсовета²⁹. Изгнанные из его кабинета депутаты отправились в комнату Финансовой комиссии, где под председательством Николая Виссарионовича Некрасова началось частное совещание Совета старейшин.

Лидер левого крыла партии кадетов, инженер-железнодорожник и профессор Томского технологического института, Некрасов демонстрировал «огромные деловые способности, умение ориентироваться, широкий кругозор, практическую сметку»³⁰. Ариадна Владимировна Тыркова-Вильямс, гимназическая подруга жены Ленина Надежды Константиновны Крупской, модная журналистка и писательница, замечала о Некрасове: «Он жаден к почету и неразборчив в средствах»³¹.

Керенский настаивал на проведении заседания Думы, чтобы она взяла власть в свои руки. Его поддержал меньшевик Матвей Иванович Скобелев.

Сын промышленника, сектанта-молоканина, Скобелев учился в Бакинском техническом училище, но вылетел оттуда за участие в забастовке. С конца 1906 года жил в Вене, входил в редколлегию той «Правды», которую издавал Троцкий. В 1912 году окончил Венский политехникум, вернулся в Россию, где избрался в IV Думу от русского населения Закавказья. Скобелев запомнился Джону Риду – американскому журналисту левых взглядов – как человек, «похожий на светского ухажера, с выхоленной белокурой бородой и желтыми волнистыми волосами»³².

Более умеренные депутаты с Керенским и Скобелевым не соглашались.

«Вопрос стоял так: не подчиниться указу Государя Императора, т. е. продолжать заседания Думы, – значит стать на революционный путь... Оказав неповиновение монарху, Государственная дума тем самым подняла бы знамя восстания и должна была бы стать во главе этого восстания со всеми его последствиями... Но на это ни Родзянко, ни подавляющее большин-

²⁶ Керенский А. Ф. Русская революция 1917. М., 2005. С. 11.

²⁷ Мельников Н. А. 19 лет на земской службе // «Русский архив». История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Вып. 17. М., 2008. С. 294–295.

²⁸ Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 2. М., 1990. С. 79.

²⁹ Красный архив. № 2 (21). 1927. С. 6–7.

³⁰ Набоков В. Д. Временное правительство (Воспоминания). М., 1991. С. 52.

³¹ Цит. по: Думова Н. Г. Кадетская партия в период 1-й мировой войны и Февральской революции. М., 1988. С. 72.

³² Рид Дж. Избранное. Кн. 1. Десять дней, которые потрясли мир. Восставшая Мексика. М., 1987. С. 76.

ство из нас, вплоть до кадет, были совершенно не способны»³³, – писал Шульгин. Было решено провести частное заседание всего наличного состава депутатов, и чтобы подчеркнуть его частный характер, собраться не в большом Белом зале, а в Полуциркулярном. Частное заседание открылось в полтретьего дня.

Предложение Думе взяться за формирование нового правительства прозвучало из уст Чхеидзе³⁴. Дворянин, не доучившийся в Новороссийском университете в Одессе, он дважды арестовывался, избирался гласным Батумской и Тифлисской городских дум. После избрания в Третью Госдуму возглавлял в ней фракцию социал-демократов. Набоков находил в нем «что-то трагикомичное: во всем даже его внешнем облике, в выражении лица, в манере говорить, в акценте»³⁵. Троцкий считал Чхеидзе «честным и ограниченным провинциалом»³⁶.

Заметим, инициатива исходила в те часы от Керенского, Некрасова, Скобелева, Чхеидзе. Их объединила не столько идеологическая близость, сколько масонское братство – все они были членами лож. «От нашей группы исходила сама инициатива образования Временного комитета, как и решение Думы не расходиться, т. е. первых революционных шагов Думы, – поведает Некрасов. – Весь первый день пришлось употребить на то, чтобы удержать Думу на этом революционном пути и побудить ее к решительному шагу взятия власти, чем наносился тяжкий удар царской власти в глазах всей буржуазии, тогда еще очень сильной»³⁷.

Тут слово попросил лидер кадетов Милюков. Выпускник историко-филологического факультета Московского университета, ученик великого Василия Осиповича Ключевского, он более десяти лет преподавал, но в 1895 году его уволили за «вредное влияние на студентов» и выслали в Рязань. Оттуда Милюков уехал читать лекции в Софию, много путешествовал по Балканам. Он с успехом преподавал в университетах Чикаго и Бостона, ездил по Европе. В Россию 1905 года Милюков приехал начинающим политиком, но вскоре благодаря своим зажигательным выступлениям стал настоящей звездой либерального движения. В самой его внешности не было ничего властного и величественного. «Так, мешковатый городской интеллигент, – писала Тыркова-Вильямс. – Широкое, скорее дряблое лицо с чертами неопределенными. Белокурые когда-то волосы ко времени Думы уже посерели. Из-под редких усов поблескивали два или три золотых зуба, память о поездке в Америку. Из-под золотых очков равнодушно смотрели небольшие серые глаза... Но в нем было упорство, была собранность около одной цели, была деловитая политическая напряженность, опиравшаяся на широкую образованность»³⁸.

Член кадетского ЦК профессор права Владимир Дмитриевич Набоков, отец будущего нобелевского лауреата, считая лидера своей партии «самой крупной величиной – умственной и политической», причину его популярности видел в незаурядных ораторских способностях: «На митингах ораторам враждебных партий никогда не удавалось смутить его, заставить рас- теряться»³⁹.

Милюков выступил с предложением: «создать временный комитет членов Думы “для восстановления порядка и для сношений с лицами и учреждениями”. Эта неуклюжая формула обладала тем преимуществом, что, удовлетворяя задаче момента, ничего не предreshала в дальнейшем. Ограничиваясь минимумом, она все же создавала орган и не подводила думцев под криминал»⁴⁰.

³³ Шульгин В. В. Годы. Дни. 1920 год. М., 1990. С. 440–441.

³⁴ Воля России. 1921. 15 марта.

³⁵ Набоков В. Д. Временное правительство. С. 72.

³⁶ Троцкий Л. Д. История русской революции. Т. 1. М., 1997. С. 178.

³⁷ Из следственных дел Н. В. Некрасова 1921, 1931 и 1939 гг. // Вопросы истории. № 11–12. 1998. С. 20.

³⁸ Тыркова-Вильямс А. На путях к свободе. М., 2007. С. 373, 376.

³⁹ Набоков В. Д. Временное правительство. С. 55.

⁴⁰ Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 2. С. 251.

В полуциркулярный зал ворвался офицер, представился начальником думской охраны и срывающимся голосом закричал, что его помощника тяжело ранили, а его самого чуть не убили врывающиеся в Думу солдаты. Керенский встал со своего места. Говорит решительно и властно:

– Медлить нельзя! Я постоянно получаю сведения, что войска волнуются! Я сейчас еду по полкам. Я должен знать, что сказать народу! Могу я заявить, что Государственная дума – с ними, что она берет на себя ответственность за управление страной, что она становится во главе движения?

Это был тот Керенский, который, по словам Виктора Чернова, «в лучшие свои минуты... мог сообщать толпе огромные заряды нравственного электричества, заставляя ее плакать и смеяться, опускаться на колени и взвизгивать вверх, клясться и каяться, любить и ненавидеть до самозабвения»⁴¹. Шульгин объяснял феномен Керенского чуть более прозаично: «Он рос... Рос на начавшемся революционном болоте, по которому он привык бегать и прыгать, в то время как мы не умели даже ходить»⁴².

Шидловский увидел, как толпа вошла в сквер внутри ограды дворца и стоит в некоторой нерешительности перед подъездом. «Решили, что нужно выйти и говорить с толпой. Все бросились на подъезд, уже занятый толпой, и в результате некоторой давки удалось попасть на ступени лицом к лицу с пришедшими четверьмя членами Думы: Чхеидзе, Скобелеву, Керенскому и мне. Начал речь к толпе Чхеидзе, за ними говорили Скобелев и Керенский... После этих речей толпа ворвалась в Таврический дворец и начала там хозяйничать»⁴³.

Присутствие солдатских и рабочих масс придало депутатам ускорение. За неимением лучшего было решено поддержать формулу Милюкова. Но как избирать Временный комитет? Было решено поручить его формирование сенъорен-конвенту, который незамедлительно – было около половины четвертого – удалился в кабинет Родзянко. Управились за полчаса.

Спикер появился за столом президиума и зачитал фамилии членов Временного комитета Государственной думы (ВКГД). Были представлены все партии за исключением крайне правых, представителей которых в зале и так практически не было. Справа налево: Шульгин (националист), Владимир Львов (центр), Родзянко, Иван Иванович Дмитрюков, Шидловский (октябристы), Владимир Алексеевич Ржевский, Коновалов, Михаил Александрович Караулов (прогрессисты), Некрасов и Милюков (кадеты), Керенский (трудолик) и Чхеидзе (социал-демократ). «В сущности это было бюро Прогрессивного блока с прибавлением Керенского и Чхеидзе, – написал Шульгин. – Страх перед улицей загнал в одну «коллегию» Шульгина и Чхеидзе». Отныне и вплоть до Октября власть будет только леветь.

«С этой минуты Государственная дума, собственно говоря, перестала существовать, – констатировал Шульгин. – Перестала существовать даже физически, если так можно выразиться. Ибо эта ужасная человеческая эссенция, эта вечно снующая, все заливающая до последнего угла толпа солдат, рабочих и всякого сброда – заняла все помещения, все залы, все комнаты, не оставляя возможности не только работать, но просто передвигаться... Кабинет Родзянко еще пока удавалось отстаивать, и там собирались мы – Комитет Государственной думы»⁴⁴.

Временный комитет Госдумы не в состоянии был ни на что решиться – страх и неуверенность. Напишет Милюков: «Никто из руководителей Думы не думал отрицать большой доли ее участия в подготовке переворота. Вывод отсюда был тем более ясен, что... кружок руководителей уже заранее обсудил меры, которые должны были быть приняты на случай перево-

⁴¹ Чернов В. Рождение революционной России. Прага, 1934. С. 333.

⁴² Шульгин В. В. Годы. Дни. 1920 год. С. 443.

⁴³ Шидловский С. И. Воспоминания // Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции. М., 1991. С. 121.

⁴⁴ Шульгин В. В. Годы. Дни. 1920 год. С. 444, 445–446.

рота. Намечен был даже и состав будущего правительства. Из этого намеченного состава кн. Г. Е. Львов не находился в Петрограде, и за ним было немедленно послано. Именно эта необходимость ввести в состав первого революционного правительства руководителя общественного движения, происходившего вне Думы, сделала невозможным образование министерства в первый же день переворота»⁴⁵.

В кабинете Родзянко появился член Госдумы полковник Генерального штаба Борис Александрович Энгельгардт (он входил во фракцию центра, а затем перешел к октябристам), считавшийся одним из главных думских экспертов по военным вопросам. Энгельгардт уверял, что «ни военная, ни гражданская власти ничем себя не проявляют, что грозит полная анархия и что Временному комитету необходимо безотлагательно взять власть в свои руки»⁴⁶. В полночь Энгельгардта кооптировали в состав Временного комитета, а еще через час он был назначен комендантом Петроградского гарнизона. Присутствие кадрового военного всех заметно приободрило. Все наперебой бросились уговаривать Родзянко заявить о принятии власти Временным комитетом. Спикер отбивался:

– Я не желаю бунтоваться. Я не бунтовщик, никакой революции я не делал и не хочу делать.

Полагаю, весомым для Родзянко оказалось мнение самого правого из членов ВКГД – Шульгина, который с неожиданной решительностью произнес:

– Берите, Михаил Владимирович. Никакого в этом нет бунта. Берите как верноподданный. Берите потому, что держава Российская не может быть без власти. И если министры бежали, то должен же кто-то их заменить»⁴⁷.

Шульгина не менее решительно поддержал Милюков. Родзянко просит четверть часа на размышление и удаляется в свой кабинет. «Тяжкие четверть часа! От решения Родзянко зависит очень многое, даже, может быть, зависит весь успех начатого дела». Родзянко вышел из кабинета и сел к столу. Откинувшись на спинку кресла и ударив кулаком по столу, он произнес (со слов Энгельгардта):

– Хорошо, я решился и беру власть в свои руки, но отныне требую от всех вас беспрекословного мне подчинения. Александр Федорович, – добавил он, обращаясь к Керенскому, – это особенно вас касается.

Милюков заметил: «О, великий Шекспир! Как верно ты отметил, что самые драматические моменты жизни не лишены элементов юмора. Михаил Владимирович уже чувствовал себя в роли диктатора русской революции. Удивленный Керенский сдержался и осторожно напомнил, что состоит товарищем председателя еще одного учреждения, которому обязан повиноваться»⁴⁸. Он имел в виду Советы.

Уже в 2 часа ночи 28 февраля Родзянко подписал датированное задним числом постановление: «Временный комитет членов Государственной думы при тяжелых условиях внутренней разрухи, вызванной мерами старого правительства, нашел себя вынужденным взять в свои руки восстановление государственного и общественного порядка»⁴⁹.

ВКГД в течение ночи лихорадочно выпускал воззвания и обращения, забирая власть явочным порядком. В телеграмме командующим фронтам и начальнику штаба Верховного главнокомандующего ВКГД сообщил, что ввиду устранения от управления всего бывшего состава министров правительственная власть перешла в его руки, и Комитет приложит все силы к борьбе с внешним врагом. Временный комитет постановил отрешить от должности

⁴⁵ Милюков П. Н. История второй русской революции. М., 2001. С. 43.

⁴⁶ Цит. по: Бурджалов Э. Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967. С. 235.

⁴⁷ Шульгин В. В. Годы. Дни. 1920 год. С. 456–457.

⁴⁸ Последние новости. 1927. 12 марта.

⁴⁹ Революционное движение в России после свержения самодержавия. М., 1957. С. 402.

членов царского кабинета и впредь до формирования нового правительства назначил комиссаров для заведования делами министерств. Кадровым резервом стали Прогрессивный блок Госдумы и масонские организации. Они лучше всех были подготовлены к происходящему.

Мандаты комиссарам в большинстве случаев подписывал Родзянко, но формулировал их полномочия и занимался инструктажем Некрасов. Всего в ту ночь было назначено 24 комиссара, имена которых на следующий день появились в печати. Милюков справедливо заметил: «Вмешательство Государственной думы дало уличному и военному движению центр, дало ему знамя и лозунг и тем превратило восстание в революцию, которая кончилась свержением старого режима и династии»⁵⁰. Однако Дума скоро уйдет в небытие, а делить власть придется с Советами.

⁵⁰ Страна гибнет сегодня. С. 15.

Кондиции временной власти

Затяжка с формированием нового правительства также объяснялась опасениями брать на себя ответственность. Однако серьезную роль сыграло и то обстоятельство, что наиболее активные руководители революции не желали, чтобы новое правительство вело свою легитимность от Государственной думы как института старого режима. И их совершенно не устраивала фигура Родзянко в качестве главы будущего правительства.

Об этом откровенно писал Милюков: «Дума была тенью своего прошлого»⁵¹. Общим было убеждение, что Родзянко совершенно не приемлем для левых, с которыми предстояло находить общий язык. Левые, подтверждал Шульгин, «соглашались на Львова, соглашались потому, что кадеты все же имели в их глазах известный ореол. Родзянко был для них только помещик Екатеринославский и Новгородский, чью землю надо прежде всего отнять»⁵².

Князь Львов после полудня 1 марта приехал из Москвы. Он принадлежал к обедневшей ветви Рюриковичей. Окончив юридический факультет Московского университета, вернулся в родовое имение Поповку Тульской губернии и превратил ее вместе с братом в доходное хозяйство. На его политическое становление и мировоззрение в решающей степени повлиял сосед по имени граф Лев Николаевич Толстой, с которым князь был дружен и от которого усвоил идеи создания справедливого общественного строя. Философ Федор Августович Степун отмечал у Львова «славянофильское народолюбие, толстовское непротивленчество и несколько анархическое понимание свободы: «Свобода, пусть в тебе отчаются иные, я никогда в тебе не усумнюсь»⁵³. Львов женился на графине Бобринской, которая являлась прямым потомком Екатерины Великой и графа Григория Орлова. Но супруга скоропостижно скончалась, и безутешный князь уединился в Оптиной пустыни, где даже хотел принять постриг. Но его сочли недостаточно готовым к монашескому подвигу. Из Оптиной Львов от общеземского движения отправился с врачебно-продовольственным отрядом на поля русско-японской войны, где его ближайшим коллегой стал Гучков.

Львов был депутатом I Думы, примыкал к правым кадетам. «Хотя он числился в рядах партии народной свободы, но я не помню, чтобы он принимал сколько-нибудь деятельное участие в партийной жизни, в заседаниях фракции или центрального комитета. Думаю, я не погрешу против истины, если скажу, что у него была репутация чистейшего и порядочнейшего человека, но не выдающейся политической силы»⁵⁴, – замечал Набоков. Затем политической карьере князь предпочел широкую филантропическую деятельность.

Сразу после начала войны возникла инициатива создания Всероссийского земского союза (ВЗС) для поддержки фронта. Львов выдвинул свою кандидатуру на пост председателя и прошел большинством в один (собственный) голос. Правой рукой Львова в ВЗС был Гучков. Локкарт подметил, что князь «говорил немного отрывисто и односложно. Он был скромн и, вопреки аристократической фамилии, больше походил на деревенского доктора, чем на аристократа. На мало его знающих он производил впечатление хитреца – исключительно благодаря своей застенчивости»⁵⁵.

Появление князя Львова в Таврическом дворце дало толчок формированию правительства. «Мы почувствовали себя наконец «*au complet*»⁵⁶, – писал Милюков. Слово Шульгину:

⁵¹ Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 2. С. 260.

⁵² Шульгин В. В. Годы. Дни. 1920 год. С. 488.

⁵³ Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. СПб., 2000. С. 330.

⁵⁴ Набоков В. Д. Временное правительство. С. 39.

⁵⁵ Локкарт Р. Б. Агония Российской империи. Воспоминания офицера британской разведки. М., 2016. С. 183.

⁵⁶ Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 2. С. 256.

«Между бесконечными разговорами и тысячью людей, хватающих его за рукава, принятием депутатий, речами на нескончаемых митингах в Екатерининском зале; сумасшедшей ездой по полкам; обсуждением прямопроводных телеграмм из Ставки; грызней с возрастающей наглостью «исполкома» Милоков, присевший на минутку где-то на уголке стола, писал список министров»⁵⁷.

В основу состава правительства были положены ходячие списки проектировавшихся «ответственных министерств». Предполагалось наличие у них организационных структур и возможностей, а также наличие тесных связей с армейскими кругами. Кроме того, конъюнктура диктовала включение кого-то из социалистов.

Князь Львов, который был весьма слабо известен в думских кругах, оказался консенсусной фигурой на пост главы правительства как воплощение Земства. Следующие два по значимости портфеля – министра иностранных дел и военного министра, – как и планировалось задолго до революции, были закреплены за самим Милоковым и Гучковым.

Еще два ключевых поста достались людям, которых не называли ранее в качестве возможных министров и чьи кандидатуры вызвали недоумение, которое не скрывал в своих воспоминаниях и Милоков. Некрасов и Терещенко получили министерства путей сообщения и финансов. Почему, хорошо поняли посвященные и сам Милоков, недвусмысленно указавший на их близость к конспиративным кругам – по масонской линии: «Я хотел бы только подчеркнуть еще связь между Керенским и Некрасовым – и... Терещенко и Коноваловым... Дружба идет за пределы общей политики. Из сделанных здесь намеков можно заключить, какая именно связь соединяет центральную группу четырех»⁵⁸.

Вечером 1 марта ВКГД и будущее правительство встретились. «В тот момент мы занимались в основном формированием министерств, – писал Керенский. – Вопрос о верховной исполнительной власти в повестке дня не стоял, ибо большинство Временного комитета Думы все еще считало само собой разумеющимся, что вплоть до достижения совершеннолетия наследником престола Алексеем Великий князь Михаил Александрович будет выполнять функции регента. Однако в ночь с 1 на 2 марта почти единодушно было принято решение, что будущее государственное устройство страны будет определено Учредительным собранием»⁵⁹.

Именно в этом духе был выдержан манифест ВКГК, который гласил: «Временный комитет членов Государственной думы в целях предотвращения анархии и для восстановления общественного спокойствия после низвержения старого государственного строя постановил: организовать впредь до созыва Учредительного собрания, имеющего определить форму правления Российского государства, правительственную власть, образовав для сего Временный общественный Совет министров в составе нижеследующих лиц, доверие к которым страны обеспечено их прошлой общественной и политической деятельностью»⁶⁰. В списке значилось 12 фамилий министров. Председатель князь Львов был формально беспартийным. Кадетов оказалось больше всех – Милоков, Некрасов, Мануйлов, Шингарев, Родичев. Октябристов представляли Гучков и Годнев, центр – Владимир Львов, прогрессистов – Коновалов и Терещенко, трудовиков – Керенский.

В ночь на 2 марта члены только что сформированного правительства встречались с представителями Совета. Около часа ночи представители Исполкома Совета – Чхеидзе, Стеклов, Суханов, Скобелев – явились во Временный комитет Госдумы. Никаких полномочий от Исполкома у них не было. Именно с этими незнакомыми (за исключением Чхеидзе) людьми члены Временного комитета и только что сформированного правительства должны были вести пере-

⁵⁷ Шульгин В. В. Годы. Дни. 1920 год. С. 478, 487.

⁵⁸ Милоков П. Н. Из тайников моей памяти. М., 2015. С. 879–880.

⁵⁹ Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте. С. 144.

⁶⁰ ГА РФ. Ф.6. Оп.2. Д.120. Л.1.

говоры о «кондициях», позволявших функционировать новой власти. В приемной к советским представителям присоединился Керенский.

Стеклов встал с торжественным видом, держа в руке листок бумаги, и зачитал выстраданные в Совете 8 принципов организации власти. Там не было того, чего больше всего опасались «буржуазные» политики, – вопросов о мире и землевладении. Но тем не менее весьма примечательно, что люди, так долго добивавшиеся власти для себя как для квалифицированнейших лидеров страны, почти моментально согласились реализовывать весьма примитивную социалистическую программу, многие пункты которой были убийственны для страны.

Когда Стеклов закончил, на лице Милюкова можно было прочесть что-то вроде облегчения. «Для левой части (Прогрессивного. – В.Н.) блока большая часть условий была вполне приемлема, так как они входили в ее собственную программу»⁶¹, – напишет Милюков. Тем не менее разногласия, споры затянулись почти до четырех утра. Когда текст был согласован, Милюков повернулся к советским представителям:

– Это ваши требования, обращенные к нам. Но мы имеем к вам свои требования. Суть этих требований состоял в том, «чтобы и делегаты Совета... осудили уже обнаружившееся тогда враждебное отношение солдат к офицерству и все виды саботажа революции, вроде незаконных обысков в частных квартирах, грабежа имущества и т. д., и чтобы это осуждение было изложено в декларации Совета вместе с обещанием поддержки правительству в восстановлении порядка и в проведении начал нового строя. Оба заявления – правительства и Совета – должны были быть напечатаны рядом, второе после первого, чтобы тем рельефнее подчеркнуть их взаимную связь»⁶². Советские деятели согласились.

Последним обсуждался вопрос о составе Временного правительства. Представители Совета доложили постановление своего Исполкома, дававшего фактический карт-бланш в этом вопросе цензовым элементам. «Нам сообщили намеченный личный состав, – не упомянутая, между прочим, о Керенском, – припоминал Суханов. – Мы помянули не добром Гучкова, поставив на вид, что он может послужить источником осложнений. В ответ нам сообщили, что он, при своих организаторских талантах и обширнейших связях в армии, совершенно незаменим в настоящих условиях... Удивлялись насчет Терещенки»⁶³.

Итак, к раннему утру 2 марта были согласованы состав Временного правительства, принципы его деятельности и совместная декларация о преодолении анархии. Но страна еще более суток будет в полном неведении об этих решениях. Почему? Печатать эти документы хотели сразу, но не нашли бодрствующих печатников. А около пяти утра в Таврическом дворце появился Гучков, всю ночь объезжавший войска и готовивший оборону столицы от ожидавшейся карательной акции.

Гучков был неординарной личностью. Потомственный почетный гражданин и бизнесмен, «он получил очень хорошее образование, прекрасно говорил по-французски и имел изящные манеры, приобретенные им от матери, по происхождению француженки»⁶⁴. Окончил гимназию с золотой медалью, поступил на историко-филологический факультет Московского университета, где учился вместе с Милюковым. Военная служба будущего военного министра ограничилась одним годом в 1-м лейб-гвардии Екатеринославском полку, где вольноопределяющийся Гучков был по увольнении произведен в прапорщики запаса. Затем уехал за границу, где три года изучал историю, право, политэкономия в Берлинском, Тюбнгенском и Венском университетах.

⁶¹ Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 2. С. 262.

⁶² Милюков П. Н. История второй русской революции. С. 46.

⁶³ Суханов Н. Записки о революции. Кн. 1. С. 213.

⁶⁴ Шульгин В. В. Годы. Дни. 1920 год. М., 1990. С. 268.

В 1890-е он с братом отправился в армянские вилайеты Малой Азии, документируя факты резни армян турками. Затем записался в оренбургскую казачью сотню, охранявшую КВЖД. Из-за дуэли подал в отставку и совершил вояж верхом через Китай, Монголию и Среднюю Азию длиной 12 тысяч километров. Через год он отправился в Южную Африку, чтобы воевать против англичан на стороне буров, которым горячо сочувствовала вся российская общественность. Был тяжело ранен в бедро в бою близ Линдлея в Оранжевой республике и навсегда остался хромым. Немецкий госпиталь, в котором Гучков лечился, захватили англичане, он оказался в плену. Британцы отпустили его под честное слово, как только он смог передвигаться. В 1901 году он стал директором крупного Московского учетного банка, и председателем наблюдательного комитета страхового общества «Россия». Но уже через два года, отложив собственную свадьбу, поехал воевать с турками на стороне восставших македонцев.

Еще большую известность Гучков приобрел в годы русско-японской войны, когда отправился в Маньчжурию в качестве помощника главного уполномоченного Красного Креста. По возвращении он выдвинулся на политической арене, призвав императора положить конец войне, созвать Земский собор, а также вступившись за честь всеми критикованной армии. С тех пор за Гучковым закрепилась слава крупного политика и ведущего специалиста в военных вопросах. Но он предпочел карьере партийного лидера.

Успех пришел к возглавляемым Гучковым октябристам на выборах в III Думу, их фракция числила в своих рядах более 200 человек. Огромное значение имело создание в III Думе по инициативе и под руководством Гучкова комиссии по государственной обороне. Внимание Гучкова к работе в армии усилилось после того, как в 1908 году султан Абдул Гамид II был свергнут группой офицеров и генералов Генштаба, получивших название «младотурок». Вот оно! Гучков распорядился полученными с санкции военного министра знаниями весьма специфически: для критики высшего армейского руководства страны с думской трибуны, что стало для него трамплином к посту Председателя Государственной думы.

В психологии перехода Гучкова в решительную оппозицию власти пытался разобраться Мельников, утверждавший, что тот «был чрезмерно самолюбивым и честолюбивым... Ему непременно надо было привлечь к себе особенное внимание, резко выдвинуть свою фигуру, встать на высокий пьедестал»⁶⁵. Генерал Лукомский писал: «Начал он борьбу с военным министром Сухомлиновым и прибегал иногда к недопустимым приемам. Затем возненавидел Государя и позволял себе недостойные выходки»⁶⁶. Именно Гучков вбросил в общественное мнение тему управляющих Николаем «темных сил» и «распутинщины».

Во время войны Гучков ездил представителем Красного Креста в Восточную Пруссию, бросился в создание организаций помощи фронту, формировал Военно-промышленные комитеты. Однако очень быстро патриотический подъем Гучкова стал сменяться «патриотической тревогой». В речи 25 октября 1915 года Гучков заявил о необходимости пойти на «прямой конфликт с властью», неумолимо ведшей страну «к полному внешнему поражению и внутреннему краху»⁶⁷. В это же время охранное отделение зафиксировало его слова: «Если я не умру раньше, я сам арестую царя»⁶⁸.

Генерал от инфантерии Павел Григорьевич Курлов уверял, что «Россия обязана Гучкову не только падением Императорской власти... но и последующим разрушением ее как великой мировой державы»⁶⁹. Генерал-майор отдельного корпуса жандармов Александр Иванович Спиридович назвал его «величайшим из политических интриганов»⁷⁰.

⁶⁵ Мельников Н. А. 19 лет на земской службе. С. 295–296.

⁶⁶ Лукомский А. С. Очерки из моей жизни. Воспоминания. М., 2012. С. 208.

⁶⁷ История политических партий России. М., 1994. С. 111.

⁶⁸ Васильев А. Т. Охрана: русская секретная полиция // «Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений. Т. 2. М., 2004. С. 454.

⁶⁹ Курлов П. Г. Гибель императорской России. М., 1992. С. 188.

А тогда – утром 2 марта – он был в ужасе от состояния Петроградского гарнизона и страшно возмущен тем, что Совет запретил распространение его прокламации, призывавшей к укреплению обороноспособности для победы над врагом. Ознакомившись с 8 пунктами и декларацией, Гучков устроил скандал и заявил о намерении уйти в отставку. В результате демарша Гучкова договоренности с Советом повисали в воздухе.

Тем утром Гучков успел не только торпедировать (хоть и не на долго) 8 пунктов, но и выступить с серьезной инициативой, озвученной уже своим – без ушедших представителей Совета. Шульгин в мемуарах вложил в его уста решительные слова:

– Положение ухудшается с каждой минутой... Без монархии Россия не может жить. Но, видимо, нынешнему Государю царствовать больше нельзя. Я предлагаю немедленно ехать к Государю и привезти отречение в пользу наследника⁷¹.

Если не знать, что Гучков занимался свержением Николая уже не один год, действительно можно было предположить, что идея впервые его осенила. Милюков, который был о заговоре осведомлен, определил настроение Гучкова в тот момент немецким словом *Schadenfreude*, которое лучше всего перевести как злорадство, свойство, которое неоднократно замечали в Гучкове. «Низложение Государя было венцом этой карьеры, – констатировал новоиспеченный министр иностранных дел. – Правительство не возражало и присоединило к нему по его просьбе в свидетели торжественного акта В. В. Шульгина»⁷².

После демарша Гучкова переговоры делегатов от Исполкома Совета с думским Временным комитетом продолжились. Большевики, не участвовавшие в переговорах из-за принципиального нежелания «торговаться с буржуазией», воспользовались случаем, чтобы провести заседание Бюро ЦК. «Первым пунктом повестки дня стала организация большевистской печати. Шляпников, Молотов и Залуцкий постановили возобновить выпуск газеты «Правда», прерванный в 1914 году⁷³, – вспоминал Шляпников. Пункт второй – позиция на заседании Совета, где должны были утверждаться вчерашние решения Исполкома об организации власти (8 пунктов). Постановили: попытаться их завалить – всем выступать.

Заседание Совета рабочих и солдатских депутатов открылось часа в два дня. Докладчиком от Исполкома о результатах переговоров с Временным комитетом выступал Стеклов, в выступлении которого родилась популярная позднее формула «постольку-поскольку»: поддерживать правительство постольку, поскольку оно реализует революционную программу в интересах трудящихся⁷⁴.

Едва Стеклов завершил под бурные аплодисменты свое выступление, как в зале появился Керенский и стал пропихиваться в президиум. Не преуспев в этом, он вскарабкался на ближайший стул и мистическим полупшепотом заговорил.

– Доверяете ли вы мне? – спрашивал Керенский.

– Доверяем, – раздавалось в ответ.

– Я говорю, товарищи, от всей глубины сердца, я готов умереть, если это будет нужно.

Ввиду организации нового правительства я должен был дать немедленно, не дожидаясь вашей формальной санкции, ответ на сделанное мне предложение занять пост министра юстиции. Товарищи, в моих руках находились представители старой власти, и я не решился выпустить их из своих рук!⁷⁵

⁷⁰ Спиридович А. И. Великая война и февральская революция. Мн., 2004. С. 85.

⁷¹ Шульгин В. В. Годы. Дни. 1920 год. С. 498.

⁷² Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 2. С. 266.

⁷³ Шляпников А. Семнадцатый год. Кн. 1. С. 228.

⁷⁴ Известия. 1917. 3 марта. № 4.

⁷⁵ Керенский А. Ф. Дневник политика. М., 2007. С. 87.

Собрание, только что приветствовавшее доводы Стеклова о неучастии советских лидеров в правительстве, устроило Керенскому овацию, согласившись на его вхождение в правительство. Керенский покинул зал заседания Совета и больше в нем почти не появлялся.

Зал утих, начались прения. Молотов обвинил руководство Совета в сделке с буржуазией и полном отсутствии в изложенных думцам требованиях таких главных для рабочего класса и крестьянства положений, как установление республики, прекращение войны, решение земельного вопроса.

– Временное правительство не революционно. Гучков, фабриканты, Родзянко, Коновалов посмеются над народом. Крестьянам вместо земли дадут камень!⁷⁶

Похоже, любые с пафосом произнесенные идеи проходили на «ура». Дебаты шли долго и жаростно. Меньшевики, выступившие в поддержку позиции Исполкома, обещали даже жаловаться на большевистских депутатов Ленину, который, будучи правоверным марксистом, никогда бы не допустил даже мысли о создании советского правительства в эпоху победившей буржуазной революции. Плохо они знали Ленина. . . Против передачи власти Временному правительству голосовали только 19 депутатов, среди которых были все члены большевистского Бюро ЦК. К тому же большевики тут же сами раскололись: позицию ЦК не поддержат даже многие соратники из городской организации партии.

Во второй половине дня 2 марта Временное правительство решилось более-менее официально заявить о своем существовании. Делать это пришлось Милюкову как наиболее известному его члену:

– Мы присутствуем при великой исторической минуте. Еще три дня назад мы были скромной оппозицией, а русское правительство казалось всесильным. Теперь это правительство рухнуло в грязь, с которой сроднилось, а мы и наши друзья слева выдвинуты революцией, армией и народом на почетное место первого русского общественного кабинета⁷⁷.

– Кто вас выбрал? – донеслось из толпы.

– Нас выбрала русская революция, – гордо заключил Милюков. – Мы не сохраним этой власти ни минуты после того, как свободно избранные народные представители скажут нам, что они хотят выбрать других людей.

– А кто министры? – раздались голоса из зала.

Милюков начал с премьеры, назвав Львова.

– Ценовая общественность, – отозвался зал.

– Ценовая общественность, – нашелся Милюков, – это единственная организованная общественность, которая даст возможность организовать и другим слоям русской общественности. Но, господа, я счастлив сказать вам, что и общественность нецензовая тоже имеет своего представителя в нашем министерстве. Я только что получил согласие моего товарища Керенского занять пост в первом русском общественном кабинете.

Керенский прошел на ура. Куда хуже было дело с Гучковым, фамилия которого вызвала недовольный гул⁷⁸.

Наконец прозвучал сильно всех возбуждавший вопрос о судьбе династии. Милюков перевел дух перед взволнованной массой с красными бантами и повязками.

– Я знаю наперед, что мой ответ не всех вас удовлетворит. . . Старый деспот, доведший Россию до границы гибели, добровольно откажется от престола или будет низложен. (Аплодисменты.) Власть перейдет к регенту – великому князю Михаилу Александровичу (продолжительные негодующие крики, возгласы: «Да здравствует республика!», «Долой династию!» Жидкие аплодисменты, заглушенные новым взрывом негодования). Наследником будет Алек-

⁷⁶ Токарев Ю. С. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в марте-апреле 1917 г. Л., 1976. С. 97.

⁷⁷ Известия. 1917. 3 марта. № 4.

⁷⁸ Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 2. С. 267–268.

сей (крики: «Это старая династия»)… Как только пройдет опасность и установится прочный мир, мы приступим к подготовке Учредительного собрания на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования.

«Речь эта была встречена многочисленными слушателями, переполнившими зал, с энтузиазмом, и оратор вынесен на руках по ее окончании»⁷⁹, – скромно заметит Милюков.

Вечером 2 марта было обнародовано решение о создании Временного правительства. Оно само назначило себя, и с этой точки зрения было ничуть не менее самозванным, чем Совет. Ученые, юристы, промышленники, они неплохо разбирались в общеполитических вопросах и парламентской практике, но никто из членов кабинета не обладал ни малейшим опытом административной или государственной работы. В заявлении об образовании Временного правительства вслед за его составом шли «основания» его деятельности, которые после всех согласований, приняли следующий окончательный вид:

«1. Полная и немедленная амнистия по всем делам политическим и религиозным, в том числе террористическим покушениям, военным восстаниям, аграрным преступлениям и т. д. 2. Свобода слова, печати, союзов, собраний и стачек, с распространением политических свобод на военнослужащих в пределах, допускаемых военно-техническими условиями. 3. Отмена всех сословных, вероисповедных и национальных ограничений. 4. Немедленная подготовка к созыву на началах всеобщего, равного, прямого и тайного голосования Учредительного собрания, которое установит форму правления и конституцию страны. 5. Замена полиции народной милицией с выборным начальством, подчиненным органам местного самоуправления. 6. Выборы в органы местного самоуправления на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования. 7. Не разоружение и не вывод из Петрограда воинских частей, принимавших участие в революционном движении. 8. При сохранении строгой воинской дисциплины в строю и при несении военной службы – устранение для солдат всех ограничений в пользовании общеправными, предоставленными всем остальным гражданам»⁸⁰.

Это были принципы деятельности правительства страны, ведущей страшную войну. Милюков напишет: «За исключением п. 7, имевшего, очевидно, временный характер, и применение начала выбора к начальству милиции в п. 5, все остальное в этом проекте заявления не только было вполне приемлемо или допускало приемлемое толкование, но и прямо вытекало из собственных взглядов вновь сформированного правительства на его задачи»⁸¹. Милюков был скорее горд за итоги своего совместного с социалистами труда.

Современные исследователи от этого документа скорее в шоке. «Эти положения программы приведут к дезорганизации всей общественной жизни страны. Органы власти на местах, земства, городские советы, ничего не выигрывают от того, что в разгар беспорядков их призывают провести неподготовленные выборы и принять на себя неясную ответственность. Оставить оружие в руках восставших солдат равносильно тому, чтобы дать им возможность оказывать давление на власть. Что касается мер по амнистии, то благодаря им из Сибири и из-за границы в столицу вернутся из ссылок наиболее экстремистские политические элементы, которые возобладают над умеренным лагерем»⁸², – подчеркивает президент французской Академии Элен Каррер д'Анкосс.

И с этим невозможно не согласиться. Ни одна революция в мире не производила столь опустошительного разгрома государственного и административного аппарата. После этого государство не то что не сможет продолжать войну, оно не сможет функционировать.

⁷⁹ Милюков П. Н. История второй русской революции. С. 49.

⁸⁰ Революционное движение в России после свержения самодержавия. С. 419–420

⁸¹ Милюков П. Н. История второй русской революции. С. 46.

⁸² Каррер д'Анкосс Э. Николай II: расстрелянная преемственность. М., 2006. С. 321.

Тем временем идея регентства Михаила вызвала бурю протеста в советских кругах, что всполошило и думское руководство.

Когда состав Временного правительства передавался в типографию, Николай II еще не подписал акта об отречении. Когда он это сделал, передав престол Михаилу Александровичу, новой власти приходилось действовать стремительно, чтобы немедленно остановить присягу Михаилу. Временное правительство в полном наличном составе явилось в квартиру княгини Путятиной на Миллионной, где тогда находился Михаил. «Керенский наиболее ярко характеризовал момент... Вчера еще он согласился бы на конституционную монархию, но сегодня, после того, что пулеметы с церковью расстреливали народ, негодование слишком сильное, и Миша, беря корону, становится под удар народного негодования, из-под которого вышел Ники. Успокоить умы теперь нельзя, и Миша может погибнуть, с ним и они все»⁸³.

Заговорил Миллюков, спокойно, хладнокровно, с явной надеждой дожидаться подкрепления в лице Гучкова и Шульгина: «Я доказывал, что для укрепления нового порядка нужна сильная власть – и что она может быть такой только тогда, когда опирается на символ власти, привычный для масс. Таким символом служит монархия. Одно Временное правительство без опоры на этот символ просто не доживет до открытия Учредительного собрания. Оно окажется утлой ладьей, которая потонет в океане народных волнений»⁸⁴.

Михаил Александрович вовсе не был тем человеком, который стремился к власти и готов был удерживать ее любой ценой – зубами, железом и кровью. Не был Михаил и теоретиком, кого могли всерьез убедить глубоко научные доводы Миллюкова об органичной природе монархии в России. Все было неожиданно, идея принятия короны до утра того дня могла даже не приходиться ему в голову. Советоваться было не с кем. Жены, графини Брасовой, чья властная натура могла бы изменить его мнение, не было. Груз ответственности оказался для Михаила непомерным. Связи со старшим братом не было. Михаил согласился отречься.

Тем временем днем 3 марта Петроградский Совет рабочих депутатов, численность которого достигла 1300 человек, решил перебраться в Белый зал, где на протяжении предыдущих 13 лет работала Дума. Чхеидзе под бурные аплодисменты открыл собрание в переполненном зале:

– Это место, где заседала последняя третьеиюньская Государственная дума, пусть же она посмотрит теперь, пусть заглянет сюда и увидит, кто сейчас здесь заседает... Да здравствуют все наши товарищи, которые когда-то сидели здесь, а до сегодняшнего дня томились на каторге⁸⁵.

В тот день возникли комиссии Совета, которые брали на себя функции, параллельные правительственным: продовольственная, агитационная, железнодорожная, почтово-телеграфная, финансовая, литературная, автомобильная, информационная. Через день – иногородняя и законодательных предположений. Многие из этих комиссий создавались как общероссийские органы и в дальнейшем являлись инструментами советского контроля над министерствами.

В экстренном прибавлении к № 4 «Известий Петроградского Совета», датированном тем же 3 марта, огромными буквами напечатано: «Отречение от престола. Депутат Караулов явился в Думу и сообщил, что государь Николай II отрекся от престола в пользу Михаила Александровича. Михаил Александрович, в свою очередь, отрекся от престола в пользу народа. В Думе происходят грандиозные митинги и овации. Восторг не поддается описанию».

Миллюков и Гучков, добивавшиеся сохранения монархии, в знак протеста подали в отставку. Миллюков с Миллионной поехал домой, где уснул, сломленный бессонными ночами и крахом надежд. «Через пять часов, вечером, меня разбудили. Передо мной была делегация от

⁸³ Военный дневник великого князя Андрея Владимировича Романова (1914–1917). М., 2008. С. 266.

⁸⁴ Миллюков П. Н. Из тайников моей памяти. С. 862.

⁸⁵ Известия. 1917. 5 марта. № 6.

Центрального комитета партии: Винавер, Набоков, Шингарев. Все они убеждали меня, что в такую минуту я просто не имею права уходить... Я уже и сам чувствовал, что отказ невозможен – и поехал на вечернее заседание министров»⁸⁶. Милюков, в свою очередь, уговорил остаться Гучкова, чье место уже готов был занять Энгельгардт.

Вечером 3 марта Временное правительство смогло собраться на свое первое формальное заседание в полном составе. Продолжалось оно около шести часов и было посвящено главному вопросу: в каком виде публиковать акты об отречении. Рассказывает призванный на заседание в качестве хранителя оригинала акта Николая II замминистра транспорта Ломоносов: «Я шел в святилище русской революции – к героям, а застал каких-то испуганных пигмеев. У нас в министерстве жизнь была ключом, а тут какое-то мертвое царство. И мне стало так тоскливо, больно, точно внезапно попал на похороны близкого человека... На похороны своей мечты». Споры о тексте отречения продолжались шесть часов.

Около 2 часов ночи соглашение было достигнуто. Набоков написал на двух кусочках бумаги названия актов. I. Акт об отречении Государя Императора Николая II от Престола Государства Российского в пользу Великого Кн. Мих. Ал. II. Акт об отказе В.К. М. Ал. от восприятия Верховной власти и о признании им всей полноты власти за Временным правительством, возникшим по почину Гос. думы. Над этими строками можно поставить заглавие: «Результат первых шести часов работы первого Временного правительства»⁸⁷.

⁸⁶ Милюков П. Н. Из тайников моей памяти. С. 864.

⁸⁷ Ломоносов Ю. В. Воспоминания о Мартовской революции 1917 г. С. 263–265.

Власть Советов?

Идея Советов после 1905 года автоматически возрождалась при всяком подъеме революционного движения и была органичной для социалистов всех оттенков. «Самочинное, стихийное создание Советов рабочих депутатов в Февральскую революцию повторило опыт 1905 года»⁸⁸, – заметит Ленин. Но все же элементы стихии были умело направлены в организованное русло прежде всего рабочей группой Военно-промышленного комитета. Скобелев свидетельствовал: «Еще 22–25 февраля к нам в Таврический дворец приходили передовые рабочие различных кварталов за советами и директивами, что предпринять, на что ориентироваться. Конкретно мы предлагали им немедленно создавать заводские центры, заводские комитеты и готовить по заводам выборы в Совет рабочих депутатов»⁸⁹. Одна из первых попыток формализовать Совет была предпринята на собрании в Петроградском союзе рабочих потребительских обществ под председательством Чхеидзе 25 февраля, однако многие его участники в тот же день были задержаны.

Когда 27 февраля распахнулись ворота «Крестов», освобожденные Гвоздев и другие руководители рабочей группы были с почетом встречены руководством Военно-промышленного комитета и усажены на автомобиль. Гвоздев объезжал «с благословения лидеров Военно-промышленного комитета заводы и бросал в рабочие массы лозунг немедленных выборов в Совет рабочих депутатов по примеру 1905 года»⁹⁰. К двум часам дня Гвоздев был в Таврическом дворце, где на лету прошло собрание всех наличных деятелей, так или иначе связанных с рабочими кругами, – Чхеидзе, Скобелев, Керенский. Они провозгласили себя Временным исполнительным комитетом Совета рабочих депутатов, от имени которого было немедленно выпущено воззвание, опубликованное в единственной вышедшей в тот день газете – «Известиях петроградских журналистов»: «Всем перешедшим на сторону народа войскам немедленно избрать своих представителей по одному на каждую роту. Заводам избрать своих депутатов по одному на каждую тысячу. Заводы, имеющие менее тысячи рабочих, избирают по одному депутату»⁹¹.

Приблизительно 4 часа дня к Керенскому «подошел кто-то и попросил найти в Таврическом дворце какое-нибудь помещение для только что созданного Совета рабочих депутатов». Тот обратился к Председателю Думы.

– Как вы считаете, – забеспокоился Родзянко, – это не опасно?

– Что ж в этом опасного? – ответил Керенский. – Кто-то же должен, в конце концов, заняться рабочими.

– Наверное, вы правы, – заметил Родзянко. – Бог знает, что творится в городе, никто не работает, а мы, между прочим, находимся в состоянии войны⁹².

Совету были выделены большой зал бюджетной комиссии Думы за № 13 с прилегающими приемной и кабинетом ее председателя. К семи вечера туда стал прибывать народ, вот только избранных депутатов среди них почти не было. Ждали, пока наберутся хотя бы два-три десятка. Собрание открылось только около девяти. К этому времени в Таврическом дворце появились и первые большевики.

Ориентироваться в постфевральской обстановке им приходилось с колес без Ленина и без других лидеров. 27 февраля был обнародован Манифест, окончательный вариант которого

⁸⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 3.

⁸⁹ Скобелев М. Гибель царизма // Огонек. 1927. № 11.

⁹⁰ Иорданский Н. И. Военное восстание 27 февраля // Молодая гвардия. 1928. № 2. С. 169.

⁹¹ Известия петроградских журналистов. 1917. 27 февраля.

⁹² Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте. С. 139, 162.

готовил Молотов⁹³. Большевики знали, что в апреле 1905 года на третьем съезде РСДРП по предложению Ленина был выдвинут лозунг Временного революционного правительства, которое должно было состоять из представителей всех революционных партий и временно удерживать власть до выборов в Учредительное собрание. Другими концептуальными основами манифеста стали циммервальдская платформа по отношению к империалистической войне и большевистские «три кита» – демократическая республика, 8-часовой рабочий день и конфискация земли. Революционное правительство должно было «войти в сношения с пролетариатом воюющих стран для революционной борьбы народов всех стран против своих угнетателей и поработителей, против царских правительств и капиталистических клик и для немедленного прекращения кровавой человеческой бойни, которая навязана поработенным народам»⁹⁴. Таким образом, большевики, не дожидаясь исхода революции, уже предлагали платформу ее углубления. Узнав о революции, Ленин в письме В. Карпинскому скажет: «ЦК есть в Питере (во «Frankfurter Zeitung» были выдержки из его манифеста – прелесть!)»⁹⁵.

Руководитель Русского бюро ЦК Шляпников узнал о предстоявшем заседании Совета на квартире Горького, и с сотрудником его «Новой жизни» Николаем Николаевичем Сухановым тут же направился в Таврический дворец. Двое других членов Русского бюро – Молотов и Залуцкий – подошли попозже, когда заседание уже началось, столкнувшись с уже выбегавшим из зала Керенским, произнесшим краткую приветственную речь.

Точное количество и состав участников исторического учредительного заседания Совета ни современникам, ни историкам установить не удалось. «Никакой проверки прибывших делегатов не было, – писал Шляпников. – Не было также и никакой регистрации представителей. Большинство, если не все поголовно, имели «устные» мандаты, без всяких удостоверений от заводов. Да и кто же мог проверять? Предполагалось всеми, что сегодняшнее собрание является инициативным, а настоящее с нормальным представительством мыслилось впоследствии». Именно это собрание неизвестного количества людей с неизвестными полномочиями легитимизировало создание могущественных Советов.

«Открытие первого заседания первого Петербургского Совета рабочих депутатов произошло коллективно, сумбурно, одновременно целой группой лиц»⁹⁶. Наконец меньшевику Николаю Дмитриевичу Соколову удалось открыть собрание и предложить избрать председателя. Были выкрикнуты и тут же без возражения или голосования сочтены избранными и заняли свои места Чхеидзе, Керенский и Скобелев. После этого «Керенский прокричал несколько ничего не значащих фраз, долженствующих изображать гимн народной революции», и выбежал из зала.

В воздухе витал вопрос о власти, но никто не решался вынести на обсуждение Совета, как не спешили форсировать события. Борьба пошла не за власть Совета, а за власть внутри Совета при выборах его Исполнительного комитета и председателя. Меньшевики выдвинули Чхеидзе и Скобелева, эсеры – Керенского, и дальше имена выкрикивались из зала самым неорганизованным порядком: «Александрович! Гвоздев! Гриневич! Панков! Сурич! Беленин! (под псевдонимом Беленин тогда скрывался Шляпников) Петров! (Залуцкий)» Председателем избрали Чхеидзе, товарищами председателя – Керенского и Скобелева. Шляпников, Залуцкий и Молотов вошли в состав Исполкома.

⁹³ Каюров Ю. Шесть дней Февральской революции // Пролетарская революция. 1923. № 1. С. 167; О дате манифеста ЦК РСДРП «Ко всем гражданам» // Исторический архив. 1956. № 5. С. 148; Минц И. И. История Великого Октября. Т. 1. С. 544; Лонгли Д. Некоторые нерешенные вопросы истории Февральской революции 1917 г. С. 234.

⁹⁴ Известия. 1917. 28 февраля. Прибавление к № 1.

⁹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 412.

⁹⁶ Шляпников А. Семнадцатый год. Кн. 1. М. – Пг., 1923. С. 146.

Решили выслушать главных героев дня – солдат. Требование с энтузиазмом было поддержано. «Зал слушал, как дети слушают чудесную, дух захватывающую и наизусть известную сказку, затаив дыхание, с вытянутыми шеями и невидящими глазами, – писал Суханов.

– Мы собрались... Нам велели сказать... Офицеры скрылись... Чтобы в Совет рабочих депутатов... велели сказать, что не хотим больше служить против народа, присоединяемся к братьям-рабочим, заодно, чтобы защищать народное дело... Да здравствует революция! – уже совсем упавшим голосом добавлял делегат под гром, гул и трепет собрания»⁹⁷.

В этот момент Молотов выкрикнул предложение включить солдат в состав Совета и отныне называть его Советом рабочих и солдатских депутатов. Керенский припомнит, как 27 февраля «по предложению Молотова было решено, несмотря на протесты меньшевиков и некоторых социалистов – революционеров, обратиться ко всем частям Петроградского гарнизона с предложением направить в Совет своих депутатов»⁹⁸.

Вслед за этим была создана военная комиссия во главе с эсерами Василием Николаевичем Филипповским и Сергеем Дмитриевичем Мстиславским, которой поручались дальнейшая организация революционных выступлений в армии, а также установление связи с воинскими частями и управление ими. Кто-то напомнил собравшимся, что революция еще окончательно не победила – император в здравии и остается Верховным главнокомандующим. Президиум вздрогнул и предложил дать директивы о выделении заводами каждого десятого рабочего в отряды милиции и назначении в районы специальных эмиссаров для водворения порядка.

Совет порешил немедленно приступить к выпуску своей газеты, дав рождение «Известиям». Издательские дела были поручены Борису Васильевичу Авилу, Владимиру Дмитриевичу Бонч-Бруевичу и Юрию Михайловичу Стеклову, которые с отрядом преобразенцев отправились занимать лучшую в городе типографию газеты «Копейка», чтобы там начать выпуск газеты.

Встал вопрос об отношении к Временному комитету Думы. Решено было, что все члены Исполкома должны следить за тем, чтобы «господа Милюковы и Родзянки» не вступили в сделку с царизмом за спиной народа.

Само размещение Совета в Таврическом дворце придавало Совету авторитет. «В глазах политически неискушенных обывателей из-за непосредственной близости Совета к новому правительству этот институт представлялся им в какой-то мере равнозначным правительству и посему обладавшим властью в пределах всей страны»⁹⁹, – напишет Керенский. И в марте в Таврический дворец шли послания, адресованные в «Исполнительный комитет рабочих и солдатских депутатов Государственной думы». В общественном сознании не было привычки к разделению власти. Возникло знаменитое двоевластие, которому суждено было парализовать российский государственный механизм.

Первый конфликт произошел уже в ночь на 28 февраля, когда Родзянко и Энгельгардт явились в комнату № 42, уже занятую военной комиссией Совета. О дальнейшем поведаль Мстиславский. Родзянко с порога произнес:

– Временный комитет Государственной думы постановил принять на себя восстановление порядка в городе, нарушенного последними событиями... Комендантом Петрограда назначается член Государственной думы, полковник Генерального штаба Энгельгардт.

– Штаб уже сложился, – отвечал оказавшийся в комнате Соколов, – штаб уже действует, люди подобрались. При чем тут полковник Энгельгардт!..

В ответ Родзянко стукнул ладонью по столу:

⁹⁷ Суханов Н. Н. Записки о революции. Кн. 1. Пг., 1919. С. 99.

⁹⁸ Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте. С. 162.

⁹⁹ Там же. С. 163.

– Нет уж, господа, если вы нас заставили впутаться в это дело, так уж потрудитесь слушаться!

«Соколов вскипел и ответил такой фразой, что офицерство наше, почтительнейше слушавшее Родзянко, забурлило сразу. Соколова обступили. Закричали в десять голосов. Послышались угрозы. «Советские» что-то кричали тоже. Минуту казалось, что завяжется рукопашная. Не без труда мы разняли спорящих»¹⁰⁰. Конфликт разрешился введением представителей Совета в военную комиссию Энгельгардта.

28 февраля произошло одно событие, подчеркивающее роль личности в истории. Имя этой личности – Александр Александрович Бубликов. Он был директором Ачинско-Минусинской железной дороги, членом Исполкома Всероссийского съезда промышленности и торговли, депутатом IV Думы от Пермской губернии, входил во фракцию прогрессистов, масон. Пока в Таврическом дворце предавались рефлексиям, страхам и сомнениям, этот комиссар ВКГД проявил кипучую энергию, поспешив занять Министерство путей сообщения. Товарищ министра Юрий Владимирович Ломоносов рассказывал: «С трудом получив согласие Родзянко, Бубликов набрал на улице солдат... вызвал своих друзей... и в столь случайной компании прибыл около 3 часов в министерство. Расставив караул вокруг всех входов, Бубликов прямо прошел в кабинет начальника управления железных дорог. Туда сбежалось все начальство, кроме министра. Объявив о том, что Думский комитет взял власть в свои руки, он отвел в сторону начальника управления Богашева и объявил ему, что в его же интересах он его арестовывает и отправляет в Таврический дворец. Затем Бубликов прошел в кабинет к министру и от имени Думы предложил ему оставаться на посту. Тот отказался, ссылаясь на расстроенные нервы. Бубликов в интересах его безопасности объявил его под домашним арестом и приставил стражу к дверям его кабинета».

Выйдя от министра, Бубликов отправил по всем станциям Российских железных дорог депешу: «Железнодорожники! Старая власть, создавшая разруху во всех областях государственной жизни, оказалась бессильной. Комитет Государственной думы, взяв в свои руки обнародование новой власти, обращается к вам от имени Отечества: от вас теперь зависит спасение родины. Движение поездов должно поддерживаться непрерывно с удвоенной энергией. Страна ждет от вас больше чем исполнения долга – она ждет подвига».

Ломоносов утверждал: «Эта телеграмма в мартовские дни сыграла решающую роль:... за два дня до отречения Николая вся Россия или, по крайней мере, та часть ее, которая лежит не дальше 10–15 верст от железных дорог, узнала, что в Петрограде произошла революция... Первое впечатление всегда самое сильное. Из телеграммы Бубликова вся Россия впервые узнала о революции и поняла, что ее сделала Дума. Нужны были месяцы, чтобы гуца русского народа поняла эту фальсификацию. Но тем не менее тот факт, что Бубликов нашел в себе смелость торжественно уведомить всю Россию о создании новой власти в то время, когда фактически еще никакой власти не было, предотвратило на местах даже тень контрреволюционных выступлений»¹⁰¹. Второй телеграммой Бубликов запретил движение каких-либо воинских составов в радиусе 250 верст от Петрограда, предотвращая тем самым появление войск с фронта.

В Таврическом дворце тревога и страх стали сменяться взволнованной уверенностью. Ощущения Милюкова: «Мы были победителями. Но кто «мы»? Масса не разбиралась. «Действительно, весь день 28 февраля был торжеством Государственной думы как таковой. К Таврическому дворцу шли уже в полном составе полки, перешедшие на сторону Государственной думы»¹⁰². В течение дня ВКГД в качестве временного правительства признали Земский

¹⁰⁰ Мстиславский С. Пять дней. М., 1922. С. 17–18.

¹⁰¹ Станкевич В. Б. Воспоминания. 1914–1919. Ломоносов Ю. В. Воспоминания о Мартовской революции 1917 г. М., 1994. С. 229–230.

¹⁰² Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 2. С. 254, 255.

и Городской союзы, Военно-промышленный комитет, Петроградская и Московская городские думы и другие прогрессивные общественные организации.

А Совет рос как на дрожжах, пополняемый вновь прибывшими делегатами – их количество перевалило за тысячу.

Исполком Совета начал обсуждать организацию центральной власти. Наибольшую активность проявляли большевики, которые предлагали «составить Революционное Правительство из рядов тех партий, которые входили в Совет того времени» и принять решение о прекращении войны. Большевики не встретили поддержки. «Из числа членов Исполнительного Комитета, приближавшегося к 30... только восемь человек стояли за власть самой революционной демократии»¹⁰³, – констатировал Шляпников. Не больше сторонников оказалось и у идеи коалиционности – вхождения в коалицию с буржуазными партиями в составе правительства, – которую наиболее последовательно отстаивали бундовцы. В итоге возобладало мнение циммервальдистов о том, что, раз революция буржуазная, власть должны организовать буржуазные партии – в первую очередь кадеты.

Условия поддержки правительства? Большевистский призыв – сделать условием немедленного прекращения войны с Германией – был отвергнут. Ограничились восьмью пунктами: амнистия политзаключенным; свобода слова, печати, собраний и стачек; отмена всех сословных, вероисповедных и национальных ограничений; созыв Учредительного собрания; замена полиции народной милицией с выборным начальством; выборы в новые органы местного самоуправления; неразоружение и невывод из Петрограда воинских частей; устранение для солдат ограничений в пользовании гражданскими правами.

Почему большинство Исполкома отказалось от претензий на власть? Дело, полагаю, не только в теоретической невозможности для социалистов участвовать в буржуазном правительстве. Были, конечно, конъюнктурные соображения. Лидеры соцпартий прекрасно понимали, что их известность и престиж были невелики по сравнению с престижем Думы. Любое правительство, составленное из наличных членов Исполкома, известных лишь узкому кругу соратников, было бы крайне неавторитетным. Но еще большее значение имел страх власти, особенно в ситуации, когда никакой уверенности в дне завтрашнем не было.

Надо обратить внимание также на жизненный опыт и психологический склад лидеров эсеров и меньшевиков. Видный меньшевик Ираклий Георгиевич Церетели писал, что «и социал-демократы, и социалисты-революционеры имели в своих рядах много даровитых, знающих и преданных демократии работников. Но вся их психология, вся установка их работы были чисто пропагандистскими, и никто из них не чувствовал вкуса и способностей к правительственной деятельности»¹⁰⁴.

А эсер Владимир Бенедиктович Станкевич видел две главные причины отказа его лидеров от власти: «Прежде всего – инстинктивные навыки отрицательного отношения к власти, которая всегда казалась злом, пачкающим, уничтожающим принципиальную чистоту; поэтому хотелось, сохраняя в руках фактическую силу, остаться в положении оппозиции, по возможности даже безответственной. Главным же фактом отказа от участия во власти была война. Принять власть в то время, как свыше 10 миллионов людей было под ружьем, демократия не могла, так как не знала, как относиться к армии и к войне»¹⁰⁵.

¹⁰³ Шляпников А. Семнадцатый год. Кн. 1. С. 220, 217.

¹⁰⁴ Церетели И. Кризис власти. Воспоминания лидера меньшевиков, депутата II Государственной думы. 1917–1918. М., 2007. С. 111.

¹⁰⁵ Станкевич В. Б. Воспоминания. 1914–1919. Ломоносов Ю. В. Воспоминания о Мартовской революции 1917 г. С. 46.

Правительство либеральной мечты

Знаменитый философ Николай Александрович Бердяев в те дни писал: «История по своей последней реальности творится немногими, она аристократична, и всякая массовая революция, переходя к демократизации и т. п., есть лишь отражение внизу того, что совершается наверху, результат жертвенной решимости избранников духа идти в гору, по новым, неведомым путям, жертвенно порвав с прошлым»¹⁰⁶. Что верно, то верно.

От новой власти зависело многое, если не все. И Временное правительство было командой мечты прогрессивной российской общественности. Именно этих людей (за исключением, может, Некрасова и Терещенко) все оппозиционные императору парламентские партии и видели в составе кабинета. И эйфория от его прихода к власти – особенно в либеральных кругах – была необычайная.

Вот коллективный портрет команды мечты. С жизненными траекториями ее основных звезд – князя Львова, Гучкова, Милюкова и Керенского – мы немного познакомились. Но как современники оценивали их деловые качества в качестве руководителей государства?

Глава правительства и министр внутренних дел высокий, худой 55-летний князь Львов, судя по всему, был неплохим коммуникатором, в отличие от большинства кабинета он умел разговаривать с простым народом (что вообще было характерно для русского дворянства, общавшегося с деревенскими людьми, но не для городской интеллигенции). Князь Львов импонировал – до времени – Керенскому, который напишет: «Истинный аристократ, принадлежавший к старейшему историческому русскому роду, он был среди нас безусловно самым демократичным, лучше всех понимая настоящую душу русского мужика. Скромный почти до болезненной застенчивости, совершенно непритворный во всем, что касалось его лично, князь с виду не обладал никакими отличительными чертами главы правительства»¹⁰⁷.

Почти все его коллеги по кабинету находили, что князь – при всех его достоинствах – был совершенно не на своем месте. «Нам нужна была во что бы то ни стало сильная власть, – справедливо замечал Милюков. – Этой власти князь Львов с собой не принес... Сперва он растерялся и приуныл перед грандиозностью свалившейся на него задачи; потом «загорелся» всегдашней верой и ударился в лирику. «Я верю в великое сердце русского народа, преисполненного любовью к ближнему, верю в этот первоисточник правды, истины и свободы»¹⁰⁸. Набоков, который стал управляющим делами правительства, приходил к выводу: «Он сидел на козлах, но даже не пробовал собрать вожжи»¹⁰⁹.

Наблюдавший со стороны Бубликов считал министра-председателя «положительным несчастьем» кабинета: «Вечно растерянный, вечно что-то забывший, ничего не предусматривающий, постоянно старающийся всем угодить, всем быть приятным, ищущий глазами, кому бы еще уступить, какой бы еще выдумать компромисс, он был как бы ходячим символом бессилия Временного правительства. Необходимой по переживаемому моменту властности в нем не было и помину. Князь Львов занял позицию упорного ничегонеделанья и непротивления»¹¹⁰. Львов был совершенно не приспособлен для систематической работы и был буквально раздавлен грузом свалившихся на него проблем. «Человек большого обаяния, он был бы превосход-

¹⁰⁶ Бердяев Н. А. Падение священного русского государства: Публицистика 1914–1922. М., 2007. С. 513.

¹⁰⁷ Керенский А. Ф. Русская революция 1917. С. 112.

¹⁰⁸ Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 2. С. 280–281.

¹⁰⁹ Набоков В. Д. Временное правительство. С. 41.

¹¹⁰ Бубликов А. А. Русская революция. Впечатления и мысли очевидца и участника. М., 2016. С. 68–69, 74.

ным председателем Совета Лондонского графства, – полагал Локкарт. – Он был идеальным председателем Земского союза, но он не годился для революционного премьер-министра»¹¹¹.

Гучков – человек, считавшийся самой сильной и волевой фигурой оппозиции императору, его главным противником, – достиг главной цели в жизни. Принял отречение императора и возглавил военное ведомство. Гучкова традиционно считали крупным знатоком военного дела и непререкаемым авторитетом для военных. Но так ли было на самом деле? Генерал Василий Гурко даст такой ответ: «Гучков имел много знакомых среди военных, от не слишком значительных руководителей армии до молодых офицеров, а благодаря своим связям в Думе был полностью осведомлен о юридической и административной сторонах деятельности Военного министерства. Все перечисленное создавало у него иллюзорное представление о жизни армии и условиях ведения войны, но в его знаниях имелись большие провалы, о чем сам он, вероятно, не догадывался»¹¹².

Неудивительно, что в армии назначение Гучкова было встречено не однозначно. Генерал Петр Николаевич Врангель замечал, что «назначение военным министром человека не военного, да еще во время войны, не могло не вызвать многих сомнений»¹¹³. Степуну с первого же взгляда он показался «человеком совершенно непригодным на роль революционного военного министра... Гучков «орлом» не был. По своей внешности он был скорее нахохлившимся петухом»¹¹⁴. Керенский его просто невзлюбил, подчеркивая, что фигура военного министра была глубоко чужда самому духу революционной эпохи: «Суровый, замкнутый, мрачный, всегда «отчужденный», Гучков убеждал массы гораздо меньше других. Ему не верили, и он это с горечью понимал»¹¹⁵.

Набоков констатировал: «Значительную часть времени он отсутствовал, занятый поездками на фронт и в Ставку. Потом – в середине апреля – он хворал... Я склонен думать, что Гучков с самого начала в глубине души считал дело проигранным и оставался только *par acquit de conscience*»¹¹⁶. Во всяком случае, ни у кого не звучала с такой силой, как у него, нота глубокого разочарования и скептицизма, поскольку вопрос шел об армии и флоте»¹¹⁷. Главный буревестник Февральской революции первым сбежит из правительства.

Вторым окажется Милюков, который без ложной скромности замечал: «Про меня говорили, что я был единственным министром, которому не пришлось учиться на лету и который сел на свое кресло в министерском кабинете на Дворцовой площади как полный хозяин своего дела»¹¹⁸. И это говорил человек 56 лет, до этого ни дня не проработавший на дипломатической службе! Что уж говорить о компетентности остальных министров.

Милюков был, несомненно, любимцем западных дипломатов в Петрограде, еще до революции его чаще, чем в Думе, видели в посольствах союзных стран, где он рассказывал об ужасах царского режима и предательстве в высших эшелонах власти. Вот характерное мнение американского посла Фрэнсиса: «Он был настолько подготовлен быть министром иностранных дел, что никто другой не назывался кандидатом на это место. Милюков читал лекции в Америке и был хорошо известен в США как выдающийся ученый и патриотичный русский... И в России, и во всех других странах на него смотрели как на государственного деятеля, мужественно отстаивающего свои убеждения и обладающего высоким уровнем культуры. Он был тщательным лингвистом, свободно говорившим на английском, французском, немецком

¹¹¹ Локкарт Р. Б. Агония Российской империи. С. 183.

¹¹² Гурко В. Война и революция в России. Мемуары командующего Западным фронтом. 1914–1917. М., 2007. С. 337.

¹¹³ Врангель П. Н. Записки. Ноябрь 1916 – ноябрь 1920. Мн., 2002. С. 24.

¹¹⁴ Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. С. 327.

¹¹⁵ Керенский А. Ф. Русская революция 1917. С. 168–169.

¹¹⁶ Для очистки совести (*фр.*).

¹¹⁷ Набоков В. Д. До и после Временного правительства. СПб., 2015. С. 272–273.

¹¹⁸ Милюков П. Н. Из тайников моей памяти. С. 884.

и польском... Он никогда не искал слова, чтобы выразить свои мысли, обладал легким пером и логическим умом»¹¹⁹.

Керенский был прямо противоположного мнения, считая его ничуть не более созвучным эпохе, чем Гучкова: «По своей натуре Милюков был скорее ученым, нежели политиком... Вследствие своей прирожденной склонности ко всему относиться с исторической точки зрения Милюков и исторические события склонен был рассматривать в плане перспективы, глядя на них с точки зрения книжных знаний и исторических документов. Такое отсутствие реальной политической интуиции при более стабильных условиях не имело бы большого значения, но в тот критический момент истории нации, которые мы переживали в те дни, оно могло иметь почти катастрофические последствия»¹²⁰.

Главной фигурой Временного правительства, его стержнем и воплощением суждено будет стать Керенскому, фигуре, которая представлялась современникам и незаурядной, и трагической, и трагикомической. Понятно то уважение, а то и почитание, которое испытывали к нему многие соратники по партии, например, Станкевич: «Во время революции я не мог не видеть, что это исключительный человек, особого масштаба, по крайней мере по сравнению со всем другими деятелями того времени. Он первый верно и ярко сознал существо и неотвратимость переворота, без колебания отдавшись ему всем своим существом»¹²¹. Чернов называл Керенского единственным человеком «в составе первого Временного правительства, который шел навстречу революции не упираясь, а с подлинным подъемом, энергией и искренним, хотя и несколько истерически-ходульным пафосом»¹²².

Керенский удостоился – поначалу – весьма высоких оценок от западных дипломатов и разведчиков. Фрэнсис, ставя его гораздо ниже Милюкова, как молодого человека «с исключительно нервным темпераментом», видел ценность Керенского в том, что он «предотвращал эксцессы радикальных революционеров»¹²³. Локкарт считал: «Во всем кабинете был только один человек, обладающий какой-то силой. Это был кандидат Советов – Керенский, министр юстиции. Революция сокрушила моих прежних друзей-либералов. Приходилось искать новых богов... Его энтузиазм заразителен, его гордость революцией безгранична»¹²⁴.

Коллеги по кабинету, принадлежавшие к другим партиям, в глубине души считали Керенского, скорее, выскочкой. И мало кто воспринимал его вполне своим. «Трудно даже себе представить, как должна была отразиться на психике Керенского та головокружительная высота, на которую он был вознесен в первые недели и месяцы революции, – замечал Набоков. – В душе своей он все-таки не мог не сознавать, что все это преклонение, идолизация его – не что иное, как психоз толпы, что за ним, Керенским, нет таких заслуг и умственных или нравственных качеств, которые бы оправдывали такое истерически-восторженное отношение. Но несомненно, что с первых же дней душа его была «ушиблена» той ролью, которую история ему – случайному, маленькому человеку – навязала и в которой ему суждено было так бесславно и бесследно провалиться...» С болезненным тщеславием, считал Набоков, в Керенском соединялось «актерство, любовь к позе и вместе с тем ко всякой пышности и помпе»¹²⁵.

Актеры, как известно, бывают разными. Хорошим ли актером был Керенский? Знаменитый певец Александр Николаевич Вертинский в мемуарах замечал: «Это был актер. И плохой актер! К нему скоро приклеилась этикетка «Печальный Пьеро Российской революции. Собственно говоря, это был мой титул, ибо на нотах и афишах всегда писали: «Песенки печального

¹¹⁹ Francis D. R. Russia from the American Embassy. April, 1916 – November, 1918. N.Y., 1921. P. 87.

¹²⁰ Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте. С. 169.

¹²¹ Станкевич В. Б. Воспоминания. 1914–1919. С. 118.

¹²² Чернов В. М. Перед бурей. Мн., 2004. С. 336–337.

¹²³ Francis D. R. Russia from the American Embassy. P. 102, 88.

¹²⁴ Локкарт Р. Б. Агония Российской империи. С. 183, 184, 185, 186.

¹²⁵ Набоков В. Д. Временное правительство. С. 36, 37.

Пьеро». И вообще на «Пьеро» у меня была, так сказать, монополия! Но... я не возражал»¹²⁶. Еще менее позитивные эмоции актерство Керенского вызывало у тех, кого он содержал под стражей в Правительственном павильоне Таврического дворца. Один из них – товарищ обер-прокурора Синода князь Николай Давидович Жевахов делился впечатлением: «Он был весь на пружинах, упивался славой и верою в себя и свое призвание. Безмерно честолюбивый, он не сознавал, что производил впечатление глупого, бездарного актера провинциального театра и что над ним смеялись даже те, кто создавал ему его славу. Это был совершенно невменяемый человек, производивший до крайности гадливое впечатление»¹²⁷. Впрочем, об актерских способностях Керенского были и другие мнения. Великий художник Александр Николаевич Бенуа записал в дневнике: «Не могу скрыть от себя, что во всем поведении, во всей манере быть и в разговорах Керенского много наигрыша, «каботинажа», но актер он, во всяком случае, неплохой»¹²⁸.

Порвав с женой, которую он уже называл «ходячей панихидой», и поселившись в служебной квартире министра юстиции, он развил бурную активность. Был ли Керенский профессионально подготовлен, чтобы возглавить министерство юстиции? Выдающийся юрист сенатор Николай Николаевич Таганцев вспоминал: «К общему изумлению и огорчению? министром юстиции стал А. Ф. Керенский. Второстепенный молодой адвокат, социалист-революционер, крайне левый член Думы, он был известен своими чисто демагогическими резкими выступлениями в думских заседаниях. Неуравновешенный, нервный, не без способностей, он обладал ораторским талантом чисто митингового характера. Появление такого лица на посту министра юстиции не предвещало ничего хорошего»¹²⁹.

Завадский, опытный юрист, написал, что «министром явился человек до дикости чужой». Керенский представлялся Завадскому человеком «неглупым, искренним, с живым воображением, с порывами доброй воли, с готовностью все сделать для того, чтобы Россия благоденствовала». Но Завадский отмечал и его немалые «личные недочеты»: «Чрезмерно нервный, стоящий, пожалуй, на границе истерики, он был страстен и, следовательно, пристрастен, был нетерпелив и, следовательно, неоснователен. Работая в революционном подполье, он был до наивности несведущ в правительственной технике всякого рода»¹³⁰.

Министру финансов Михаилу Ивановичу Терещенко в революционные дни исполнился 31 год. Он был представителем династии украинских землевладельцев и сахарозаводчиков, располагавшей 150 тысячам десятин земли, сахарными, лесопильными, суконными производствами, винокурнями в Киеве с окрестностями, Подольской, Черниговской, Орловской и ряде других губерний. Поучившись у экономистов Лейпцигского университета, он экстерном окончил юридический факультет Московского, где и преподавал, пока не подал в отставку в знак протеста против увольнения трех коллег. Меломан и театрал, он подался в дирекцию Императорских театров, дослужился до камер-юнкера, получил потомственное дворянство. Терещенко, этот «изящный монденный англоман»¹³¹ (словами Бенуа), имел состояние в 70 млн рублей, что равноценно состоянию современного долларового миллиардера.

Набоков не запомнил, чтобы Терещенко за два месяца руководства Минфином «оставил сколько-нибудь заметного следа. Занят он был главным образом выпуском знаменитого займа свободы... Он отлично схватывал внешнюю сторону вещей, умел ориентироваться, умел говорить с людьми – и говорить именно то, что должно было быть приятно его собеседнику

¹²⁶ Вергинский А. Н. Дорогой длиною... М., 2004. С. 87.

¹²⁷ Воспоминания товарища обер-прокурора Священного Синода князя Н. Д. Жевахова. СПб., 2014. С. 398.

¹²⁸ Бенуа А. Н. Дневник 1916–1918 гг. М., 2006. С. 139.

¹²⁹ Таганцев Н. Н. Из моих воспоминаний // 1917 год в судьбах России и мира. С. 246–247.

¹³⁰ Завадский С. В. На пути к революции: из архива моей памяти; на великом изломе: Отчет гражданина о пережитом в 1916–1917 годах. М., 2017. С. 172, 184–186.

¹³¹ Бенуа А. Н. Дневник 1916–1918. С. 142.

и соответствовать взглядам последнего»¹³². А Суханов полагал: «Молодой человек был неглуп и довольно ловок»¹³³. Вместе с Керенским Терещенко войдет в неформальную руководящую тройку Временного правительства, третьим участником которой станет министр путей сообщения Некрасов.

«Друг и вдохновитель Керенского, последовательно министр путей сообщения, финансов, товарищ заместитель председателя, финляндский генерал-губернатор, октябрист, кадет и радикал-демократ, балансировавший между правительством и Советом, – Некрасов, наиболее темная и роковая фигура среди правивших кругов, оставлявшая яркую печать злобного разрушения на всем, к чему он прикасался: будь то создание «Викжеля», украинская автономия или Корниловское выступление...»¹³⁴ – охарактеризует Некрасова генерал Антон Иванович Деникин. А Бубликов, который в вопросах путей сообщения разбирался на порядок больше Некрасова, считал его кандидатуру совершенной катастрофой для российского транспорта. «Были ловкие интриганы, смотревшие на власть не как на служение народу, на создание всего его будущего, а как на способ личного выдвижения, вроде Н. В. Некрасова»¹³⁵.

Министр торговли и промышленности 41-летний Коновалов – был сыном хлопчатобумажного фабриканта. Он продолжил трудовую династию после учебы на физмате Московского университета и в школе ткачества в немецком Мюльгаузене, возглавив товарищество мануфактур «Иван Коновалов с сыном». Коновалов славился либерализмом в отношении рабочих, строил для них комфортабельные общежития, ввел 9-часовой рабочий день. Общественная активность привела его к руководству хлопкового комитета при московской бирже, костромского комитета торговли и мануфактур, Российского взаимного страхового союза и т. п. В 1905 году Коновалов стоял у истоков торгово-промышленной партии, затем спонсировал многие либеральные периодические издания. Один из лидеров прогрессистов, с июля 1915 года Коновалов был товарищем председателя Центрального военно-промышленного комитета (Гучкова), одним из инициаторов создания Рабочей группы ЦВПК.

Коновалов был, пожалуй, единственным министром (кроме Милюкова), который не вызывал отрицательных эмоций у Набокова, но и тот замечал: «В первом составе Временного правительства я не помню, чтобы он играл заметную роль. Чаще всего, мне кажется, он жаловался на то, что Временное правительство не в достаточной степени занято разрухой промышленности... Красноречивым он никогда не был, он говорил чрезвычайно просто и искренно, так сказать, бесхитростно, но мне кажется, что раньше всего в его обращениях к Временному правительству зазвучали панические ноты»¹³⁶. Однако никаких значимых шагов по налаживанию торговли и промышленности в России со стороны Коновалова зафиксировать не удалось. «Были люди, действительно искренно преданные родине, но зато неврастенически безвольные, как А. И. Коновалов»¹³⁷, – объяснял знавший его Бубликов.

Сложнейший – крестьянский – вопрос предстояло разрешать 47-летнему Андрею Ивановичу Шингареву. Уроженец Воронежской губернии (мать – дворянка, отец – из купеческого сословия), он окончил физико-математический и медицинский факультеты Московского университета. Работал земским врачом, но всероссийскую известность стяжала ему книга «Вымирающая деревня». Она же превратила Шингарева в главного эксперта партии кадетов по крестьянскому вопросу. Он был депутатом III–IV Госдум, масоном. Коллега по партии Набоков признавал: «Чувствовалось, что у Шингарева слегка кружилась голова от той высоты, на кото-

¹³² Набоков В. Д. Временное правительство. С. 48.

¹³³ Суханов Н. Н. Записки о революции. Т. 3. Кн. 6. М., 1992. С. 250.

¹³⁴ Деникин А. И. Очерки Русской Смуты. Кн. 1. Т. 1. М., 2015. С. 269.

¹³⁵ Бубликов А. А. Русская революция. С. 111.

¹³⁶ Набоков В. Д. Временное правительство. С. 50.

¹³⁷ Бубликов А. А. Русская революция. С. 111.

рую его, скромного земского врача, вознесла не случайная удача, не чужая рука, а его собственная работа... Он работал, вероятно, 15–18 часов в день, сразу переутомился и как-то очень скоро потерял бодрость и жизнерадостность. В заседаниях Временного правительства... чувствовал себя на трибуне Государственной думы, говорил длительно, страшно многоречиво, утомлялся сам и утомлял других до крайности»¹³⁸.

Как это нередко у нас бывало, главным аллергеном для прессы и общественности был министр народного просвещения – Александр Аполлонович Мануйлов. Выпускник юрфака одесского Новороссийского университета, он расширял горизонты познания в Германии, Англии и Ирландии. Затем преподавал политическую экономию в Московском университете, а в 1908 году стал его ректором. В 1911-м получил широчайшую известность, подав в отставку с этой должности в знак протеста против произвола полицейской власти в стенах университета и уведа с собой еще 30 ведущих профессоров. С начала войны возглавил экономический совет Всероссийского союза городов.

Набоков запомнил, что во Временном правительстве «Мануйлов все время оставался в тени... Он не импонировал никому. И вместе с тем его уравновешенной натуре духовного европейца глубоко претила атмосфера безудержного демагогического радикализма... Именно в области народного просвещения зловещие стороны нашего радикализма-якобинства выразились особенно рельефно. Среди других министров Мануйлов имел исключительно «дурную прессу». На него нападали и справа, и слева... Он приходил в уныние и отчаяние»¹³⁹.

Второй Львов в правительстве – 45-летний Владимир Николаевич (не родственник премьеру) был крупным самарским помещиком. Окончив юридический и историко-филологический факультеты Московского университета, готовил себя к монастырскому служению, поступил вольнослушателем в Духовную академию в Москве. Однако революция 1905 года резко изменила его планы: Львов стал одним из активных участников партии октябристов. Избрался от нее в III Думу, а в IV возглавил фракцию центра. Неизменно был председателем думской комиссии по делам Русской православной церкви. «Будучи глубоко набожным человеком, Львов был возмущен влиянием Распутина в высших церковных кругах. За пять лет нашего совместного пребывания в Думе мы с ним стали хорошими друзьями, и, несмотря на вспыльчивость, он нравился мне прямою и искренностью»¹⁴⁰. Столь лестная характеристика, которую дал Керенский, не помешает ему убрать позже Львова с этого поста и даже арестовать.

Милюков характеризовал Львова далеко не самым лестным образом: «Владимир Львов, долговязый детина с чертами дегенерата, легко вспыхивавший в энтузиазме и гневе и увеселявший собрание своими несуразными речами»¹⁴¹. Набокова обер-прокурор Святейшего Синода «поражал своей наивностью да еще каким-то невероятно легкомысленным отношением к делу... Он всегда выступал с большим жаром и одушевлением вызывал неизменно самое веселое настроение не только в среде правительства, но даже у чинов канцелярии». То есть, называя вещи своими именами, был посмешищем.

Наконец, государственный контролер – 61-летний Иван Васильевич Годнев, тоже крупный помещик и доктор медицины (окончил медфак Казанского университета и Медицинско-хирургическую академию). Один из лидеров октябристов, он был крупной величиной в Госдуме, специализируясь на вопросах бюджетной и образовательной политики. Но в правительстве ровно ничем себя не проявил. Набоков был разочарован: «На нем самом, на всей его повадке и, конечно, всего более на тех приемах, с какими он подходил к тому или другому

¹³⁸ Набоков В. Д. Временное правительство. С. 54.

¹³⁹ Там же. С. 51.

¹⁴⁰ Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте. 238.

¹⁴¹ Милюков П. Н. Воспоминания. С. 296.

политическому и юридическому вопросу, лежала печать самой простодушной обывательщины, глубочайшего провинциализма, что-то в высшей степени наивное и ограниченное»¹⁴².

Именно этот кабинет, все члены которого впервые попали на собственно государственную службу, должен был прийти на смену выстроенной веками системе российской власти. Но революционной стране было предложено не только некомпетентное, но весьма неревolutionное правительство. Ломоносов узнал состав правительства в министерстве путей сообщения в компании опытного царского министра Александра Васильевича Кривошеина. Ни к кому не обращаясь, он сказал:

– Это правительство имеет один серьезный... очень серьезный недостаток... Оно слишком правое... Да, правое. Месяца два тому назад оно удовлетворило бы всех. Оно спасло бы положение. Теперь же оно слишком умеренно. Это его слабость. А сейчас нужна сила... Да, все общественные деятели, трибуны, роли поменялись. Вы, господа, идете в министры, а мы теперь будем работать в общественных организациях и... критиковать вас¹⁴³.

Весьма критичен в отношении правительства был и один из наиболее вдумчивых инсайдеров – Бубликов: «Это был в существе не кабинет министров, имевший управлять великой страной в ответственный момент ее истории, а некий семинарий государственного управления. Всем приходилось прежде всего учиться, потому что знали они, в сущности, только одно дело – говорить речи и критиковать чужую работу. По политической окраске кабинет был определенно кабинетом «кадетского засилия» и не соответствовал политической обстановке, определившейся уже к моменту его образования»¹⁴⁴.

Не было и признанных лидеров или лидера. Не было и большого понимания, как в принципе организовать работу правительства. Первые заседания правительства проходили в переполненном людьми Таврическом дворце. Локкарт разыскал князя Львова «среди неопишемого хаоса. Он председательствовал на заседании кабинета министров. Секретари непрерывно врывались в его кабинет с бумагами для подписи или наложения резолюции. Он начинал говорить со мной, но в это время звонил телефон. В коридоре его ждали делегаты с фронта, из деревни, бог весть откуда еще. И в этой беспокойной, торопливой суматохе не было никого, кто мог бы защитить премьер-министра или снять часть забот с его плеч. Казалось, что все стараются заниматься неопределенным делом, чтобы избежать ответственности. Я пожалел, что здесь нет мисс Стивенсон (секретарши Локкарта. – В.Н.), которая послала бы всю кучу делегаций к черту и навела бы в этом содоме какой-то порядок»¹⁴⁵.

Поскольку князь Львов был не только министром-председателем, но и главой МВД, он предложил членам правительства уже 4 марта встречаться в здании министерства внутренних дел, в зале совета. Там же прошли заседания 5 и 6 марта. Керенский вспоминал собрания кабинета в МВД: «Именно там, в мирной тиши величественных залов, украшенных портретами прежних властителей, государственных деятелей и министров реакционной России, каждый из нас, возможно, впервые понял, какие преобразования происходят в стране. Нас было одиннадцать. К каждому царское Министерство внутренних дел относилось с враждебностью. Теперь мы держали в руках верховную власть над огромной империей, которая нам досталась в тяжелейший военный момент, после катаклизма, потрясшего до основания старый механизм управления»¹⁴⁶. Мысль о том, что они что-то держали в руках, была преувеличением.

С вечера 7 марта – и до середины июля, когда Керенский решит его перебазировать в Зимний дворец? – Временное правительство заседало в Мариинском дворце, напротив Исаа-

¹⁴² Набоков В. Д. Временное правительство. С. 45.

¹⁴³ Ломоносов Ю. В. Воспоминания о Мартовской революции 1917 г. С. 259–260.

¹⁴⁴ Бубликов А. А. Русская революция. С. 65, 110–111.

¹⁴⁵ Локкарт Р. Б. Агония Российской империи. С. 182.

¹⁴⁶ Керенский А. Ф. Русская революция 1917. С. 106.

киевского собора, как до этого правительство Российской империи. Но по сравнению с прежними временами Мариинский дворец разительно изменил свой облик. «В его роскошные залы хлынули толпы лохматых, небрежно одетых людей, в пиджаках и косоворотках самого пролетарского вида. Великолепные лакеи, сменив ливреи на серые тужурки, потеряли всю свою представительность. Прежнее торжественное священнодействие заменилось крикливой суетой»¹⁴⁷.

«В первые недели заседания назначались два раза в день – в четыре часа и в девять часов, – рассказывал Набоков. – Фактически дневное заседание начиналось (как и вечернее) с огромным запозданием и продолжалось до восьмого часа». Уже на дневные заседания министры приходили утомленные работой в своих министерствах, «в полусне выслушивали очередные доклады, не зная заранее их содержания», – добавлял Милюков. Нередко заседания начинались при минимальном кворуме, хорошей посещаемостью отличались только князь Львов, Мануйлов и Годнев. «Вечернее заседание заканчивалось всегда глубокой ночью... Не сразу удалось добиться установления определенной повестки и того, чтобы дела, подлежащие докладу, сообщались заранее управляющему делами». Первые заседания «велись очень хаотично»¹⁴⁸.

Организованность пытался придавать Набоков, который сам был человеком достаточно организованным и волевым. Сын министра юстиции при Александре II и отец будущего великого писателя – вырос в придворной среде, был образцом человека света и считался красивым удачником и баловнем судьбы. «По Таврическому дворцу он скользил танцующей походкой, как прежде по бальным залам, где не раз искусно дирижировал котильоном, – вспоминала Тыркова-Вильямс. – Но все эти мелькающие подробности своей блестящей жизни он рано перерос... Говорил он свободно и уверенно, как и выглядел. Человек очень умный, он умел смягчать свое умственное превосходство улыбкой, то приветливой, а то и насмешливой»¹⁴⁹. Бенуа знал его как большого поклонника и виртуоза бокса; «недаром он ежедневно предается упражнениям в этом искусстве вместе с сыновьями. Поразительная выдержка, спокойствие, находчивость, планомерность и прямо красота»¹⁵⁰.

Стенограмм заседаний Временного правительства не велось. Журналы заседаний содержат лишь повестку дня и пунктирную канву событий, решения. Эту форму предложил Набоков 9 марта, и она оставалась неизменной. Журналы затем набирались в типографии и поступали на подпись, а также для ознакомления к следующему заседанию¹⁵¹.

Главком Черноморского флота адмирал Александр Васильевич Колчак, бывая в Петрограде, вынес убеждение, что «это правительство состоит из людей искренних и честных, желающих принести возможную помощь родине. Никого из них я не мог заподозрить, чтобы они преследовали личные или корыстные цели. Они искренно хотели спасти положение, но опирались при этом на очень шаткую почву – на какое-то нравственное воздействие на массы, народ, войска. Для меня было также совершенно ясно, что это правительство совершенно бессильно»¹⁵².

Слабый либеральный кабинет был связан необходимостью реализовывать социалистическую программу и мог пользоваться властью лишь с молчаливого согласия энергичных советских лидеров, дожидаясь Учредительного собрания, выборы в которое даже не были назначены. Это была идеальная мишень для радикальной оппозиции.

¹⁴⁷ Набоков В. Д. Временное правительство. С. 78.

¹⁴⁸ Набоков В. Д. Временное правительство. С. 33; Милюков П. Н. Из тайников моей памяти. С. 882.

¹⁴⁹ Тыркова-Вильямс А. На путях к свободе. М., 2007. С. 251, 236.

¹⁵⁰ Бенуа А. Н. Дневник 1916–1918 гг. С. 163.

¹⁵¹ Первая мировая война в оценке современников: власть и российское общество. 1914–1918. Т. 3. М., 2014. С. 461.

¹⁵² Адмирал Колчак. Протоколы допроса (Протоколы заседаний чрезвычайной следственной комиссии по делу Колчака). СПб., 2014. С. 83.

Французский посол Морис Палеолог – человек весьма проницательный – 4 марта написал в своем дневнике: «Ни один из людей, стоящих в настоящее время у власти, не обладает ни политическим кругозором, ни решительностью, ни бесстрашием и смелостью, которых требует столь ужасное положение... Именно в Совете надо искать людей инициативы, энергичных и смелых. Разнообразные фракции социалистов-революционеров и партии социал-демократии: народники, трудовики, террористы, большевики, меньшевики, пораженцы и пр. не испытывают недостатка в людях, доказавших свою решительность и смелость в заговорах, в ссылке, в изгнании... Вот настоящие герои начинающейся драмы!»¹⁵³

Что же это были за герои?

¹⁵³ Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М. – Пг., 1923. С. 370–371.

Совет социалистической мечты

Петроградский Совет не был местом для дискуссии. Он был местом для митинга. Утонченный Бенуа, прорвавшийся в Таврический дворец 5 марта, был шокирован: «В перистиле перед ротондой снова караул и еще по караулу у дверей в боковые камеры. Густой смрад и туман от пыли и испарений стоит в ротонде, где биваком, прямо на полу, расположился значительный отряд солдат. Ротонда, видимо, служит антикамерой знаменитого Совета рабочих депутатов. В перистиле сутолока невообразимая, солдаты, чиновники, сестры милосердия, мужички в тулупах, горничные с подносами чая, телефонистки и переписчицы, офицеры, журналисты – все это снует в разных направлениях или топчется на месте. Впечатление вокзала на какой-либо узловой станции»¹⁵⁴. Полагаю, собравшиеся в Совете не знали и половины слов, которые употреблял художник.

Сам формат Совета, по замыслу его руководителей, не предполагал обсуждения вопросов. Федор Степун стал депутатом Совета от Юго-Западного фронта и вспоминал: «Черносерая, рабоче-солдатская масса шумит, волнуется и столпотворит в моей памяти не среди стен, не под крышей, а в каком-то бесстенном пространстве, непосредственно сливаясь с непрерывно митингующими толпами петроградских улиц. В этих туманных, призрачных просторах перед моими глазами плывет покрытый красным сукном стол президиума и неподалеку от него обитая чем-то красным кафедра. С этой кафедры, в клубящихся испарениях своих непомерных страстей и иступлений, сменяя один другого, ночи и дни напролет говорят, кричат и чрезмерно жестикулируют давно охрипшие ораторы. Жара, как в бане, духота, нагота: во всех речах оголенные лозунги, оголенные страсти»¹⁵⁵.

В Совете рабочих и солдатских депутатов собственно «рабочие и солдаты почти не появлялись на его трибуне, – замечал меньшевик Владимир Савельевич Войтинский. – На лучший конец, на его заседаниях от лица рабочих говорили политики-профессионалы, вышедшие из рабочей среды, а от лица солдат – помощники присяжных поверенных, призванные в армию по мобилизации и до революции служившие отечеству в писарских командах. Подлинные рабочие и солдаты были в Совете слушателями... Задачей лидеров было не выявить волю собрания, а подчинить собрание своей воле, «проведя» через Совет определенные, заранее выработанные решения»¹⁵⁶.

Советом руководил узкий круг лиц из числа лидеров меньшевиков и эсеров, представлявших команду мечты российского социализма, который в те дни обозначался понятием «демократия».

Керенский формально по-прежнему входил в президиум Исполкома Петросовета, но мало кто его там видел. Лидер меньшевиков Церетели утверждал: «Идейно он был близок не к социалистической среде, а к той демократической интеллигенции, которая держалась на грани между социалистической и чисто буржуазной демократией... Он хотел быть надпартийной, общенациональной фигурой... В исполнительном комитете его не считали вполне своим. Он любил эффектные жесты, показывающие его независимость от организации, к которой он номинально принадлежал»¹⁵⁷.

В повседневной деятельности Исполкома Петросовета в первые недели после Февраля ведущую роль играли почти исключительно меньшевики или полуменьшевики: Чхеидзе, Скобелев, Суханов, Стеклов, Гвоздев, Либер, Соколов.

¹⁵⁴ Бенуа А. Н. Дневник 1916–1918 гг. С. 131.

¹⁵⁵ Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. С. 344–345.

¹⁵⁶ Войтинский В. С. 1917-й. Год поражений и побед. М., 1999. С. 52.

¹⁵⁷ Церетели И. Кризис власти. С. 64.

Исполком возглавлял Чхеидзе, о котором восторженный отзыв оставил Чернов: «С ним росло ощущение прочности и политической ясности. И еще оставалось впечатление – благородной простоты, бывшей отсветом большого и подлинного внутреннего благородства. Стоя во главе Совета, Чхеидзе мог, если бы хотел, стать в центре Временного правительства революции: реальная власть была в руках Совета... Быть может, властебоязнь была тогда недостатком... Николай Семенович с виду был порой хмур и суров. Но из-под его густо насупленных бровей часто сверкала вспышка-молния добродушной – нет это не то слово, не «добродушной», а доброй и душевной улыбки. А иногда оттуда выглядывал и лукавый бесенок иронии»¹⁵⁸. Станкевич, давший характеристики всему ареопагу советских лидеров, тоже отмечал, что Чхеидзе не был лидером революционного типа: «Незаменимый, энергичный, находчивый и остроумный председатель, но именно только председатель, а не руководитель Совета и Комитета: он лишь оформлял случайный материал, но не давал содержания. Впрочем, он был нездоров и потрясен горем – смертью сына. Я часто улавливал, как он сидел на заседании, устремив с застывшим напряжением глаза вперед, ничего не видя, не слыша».

Заместителем Чхеидзе был Скобелев, «всегда оживленный, бодрый, словно притворявшийся серьезным. Но Скобелева редко можно было видеть в Комитете, так как ему приходилось очень часто разъезжать для тушения слишком разгоревшейся революции в Кронштадте, Свеаборге, Выборге, Ревеле»¹⁵⁹.

Суханов (Гиммер) был сыном обедневшего дворянина и акушерки, его семейная драма вдохновила Льва Толстого написать «Живой труп». Покинутый родителями, Суханов воспитывался у дальних родственников. Окончив гимназию, отправился в Париж – учиться в Русской высшей школе общественных наук, а затем стал студентом историко-филологического факультета Московского университета. За принадлежность в эсеровской организации провел полтора года в Таганке, вышел в разгар революционных боев 1905 года, после которых скрывался в Швейцарии. В 1909 вернулся в Московский университет, но вскоре загремел на три года в ссылку в Архангельскую губернию. Его политические взгляды были нелегко определить. В годы войны Суханов принадлежал к внефракционным социал-демократам, но, по его собственным словам, «был связан в силу личных знакомств и деловых сношений, со многими, можно сказать со всеми социалистическими партиями и организациями Петербурга»¹⁶⁰. Видный меньшевик Борис Иванович Николаевский считал, что Суханов «с меньшевизмом имел мало общего. До революции он вообще был социал-революционером, правда, занимая в их рядах весьма своеобразную позицию (его тогда называли «марксистобразным народником»)»¹⁶¹. Исключительно плодовитый публицист, он редактировал горьковский журнал «Современник» (ставший «Летописью») входил в литературную ложу Великого Востока народов России¹⁶².

Ленин достаточно высоко оценивал Суханова, считая, что «это не худший, а один из лучших представителей мелкобуржуазной демократии»¹⁶³. Но в Совете Суханов, «старавшийся руководить идейной стороной работ Комитета, но не умевший проводить свои стремления через суетливую и неряшливую технику собраний и заседаний», как-то терялся¹⁶⁴.

Одессит Борис Осипович Богданов, сын лесоторговца и выпускник Коммерческого училища, впервые был арестован за революционную деятельность в 1907 году. Он участвовал в

¹⁵⁸ Чернов В. М. Перед бурей. С. 318, 319.

¹⁵⁹ Станкевич В. Б. Воспоминания. 1914–1918. С. 40–41.

¹⁶⁰ Суханов Н. Записки о революции. Т. 1. Пг., 1919. С. 44.

¹⁶¹ Николаевский Б. Большевики в первые дни революции // Фельштинский Ю. Г., Чернявский Г. И. Большевики в революции: Статьи и воспоминания социал-демократических деятелей. М., 2016. С. 229.

¹⁶² Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. М., 1996. С. 599.

¹⁶³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 122.

¹⁶⁴ Станкевич В. Б. Воспоминания. 1914–1918. С. 41.

создании легальных рабочих организаций, призывая пролетариат порвать «с бездельем подполья» и входить «в полосу действительно открытой общественной и политической деятельности»¹⁶⁵. В годы войны был секретарем Рабочей группы при возглавлявшемся Гучковым ЦВПК. «Богданов, полная противоположность Суханову, сравнительно легкомысленно относившийся к большим принципиальным вопросам, но зато бодро барахтавшийся в гуще деловой работы и организационных вопросов и терпеливее всех высиживавший на всех заседаниях солдатской секции Совета»¹⁶⁶. Чхеидзе называл Богданова «рабочим волом Совета»¹⁶⁷.

Еще один выходец из зажиточной одесской семьи Стеклов (Овсий Моисеевич Нахамкис) стал социал-демократом, едва его выгнали из гимназии, еще в 1893 году. Вскоре был сослан на десять лет в Якутскую область, откуда он сбежал за границу. Примкнул к большевикам, в 1905 году вернулся, был арестован на последнем – разогнанном – заседании Петербургского Совета рабочих депутатов. Затем опять за границей, где активно публиковался во всех большевистских печатных изданиях. Потом опять в России, где работал в секретариате социал-демократической фракции Госдумы. Потом опять за границей, преподавал в ленинской партийной школе в Лонжюмо. В годы войны Стеклов опять в России, где наконец получил высшее образование, в Киевском и Петербургском университетах. Формально он числился в рядах меньшевиков, но те его своим не считали, скорее, большевиком. Станкевичу в Совете Стеклов запомнился как человек, «изумлявший работоспособностью, умением пересидеть всех на заседаниях и, кроме того, редактировать советские «Известия» и упорно гнувший крайне левую, неприимимую или, вернее сказать, трусливо-революционную линию»¹⁶⁸. Начальник контрразведки Петроградского военного округа Борис Владимирович Никитин задерживал Стеклова в июле 1917 года: «Нахамкес брюнет, громадного роста, выше меня, широкоплечий, грузный, с большими бакенбардами. Делаю несколько шагов в его сторону и сразу же начинаю жалеть, что двинулся с места: по мере того как я приближаюсь к нему, у меня все больше и больше начинает слагаться убеждение, что он никогда в жизни не брал ванны, а при дальнейшем приближении это убеждение переходит в полную уверенность»¹⁶⁹.

Гвоздев был выходцем из крестьянской семьи, работал в Тихорецких железнодорожных мастерских. Сначала примыкал к эсерам, его неоднократно арестовывали и ссылали. Затем стал одним из лидеров легального пролетарского движения, возглавил Союз металлистов, а в 1915 году возглавил рабочую группу гучковского ЦВПК. «Самородок-пролетарий, он возглавлял правое оборончество, социал-реформизм и оппортунизм в практике рабочего движения военно-революционной эпохи, – писал Суханов. – Это течение не имело никакого кредита»¹⁷⁰. Движение оборончески настроенных рабочих клеймилось настоящими революционерами-интернационалистами как «гвоздévщина». В Петросовете Гвоздев выделялся «рассудительной практичностью и государственной хозяйственностью своих выводов» и потому негодовал, что жизнь идет так «нерасчетливо-сумбурно», а «его товарищи рабочие стали так недалевидно проматывать богатства страны».

Яркой фигурой Совета был Михаил Исаакович Либер (Гольдман). Сын еврейского поэта, он закончил в Вильне 7 классов гимназии, после чего зарабатывал репетиторством. В юные годы влился в ряды литовской социал-демократии, выступил одним из основателей Бунда, был членом его ЦК. Он стал и видной фигурой в РСДРП, был непременным участником ее съездов. Жизнь Либера проходила между ссылками, откуда он регулярно бежал, заграничными

¹⁶⁵ Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. С. 74–75.

¹⁶⁶ Станкевич В. Б. Воспоминания. 1914–1918. С. 41.

¹⁶⁷ Суханов Н. Записки о революции. Т. 1. Кн. 1–2. М., 1991. С. 182–183.

¹⁶⁸ Станкевич В. Б. Воспоминания. 1914–1918. С. 41.

¹⁶⁹ Никитин Б. В. Роковые годы. Новые показания участника. М., 2007. С. 203.

¹⁷⁰ Суханов Н. Записки о революции. Т. 1. Кн. 1–2. С. 184.

вожжами, откуда он нелегально возвращался в Россию. Либер проявил себя как последовательный оборонец и в партии меньшевиков занял место на ее самом правом фланге. В Совете он – «яркий, неотразимый аргументатор, направлявший острие своей речи неизменно налево»¹⁷¹. У Степуна он «гномообразный, желтолицый Либер с ассирийской бородой»¹⁷².

Секретарем Исполкома Петровета был известный журналист и адвокат Николай Дмитриевич Соколов. Отец Соколова был не просто протоиереем, он был придворным священнослужителем и духовником царской семьи. Но еще в 1896 году Соколов был арестован и выслан по делу «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Он стал известен как адвокат на громких процессах революционеров. Соколов был членом Верховного совета Великого востока народов России. По политическим взглядам, считал Николаевский, он был ближе к большевикам: «До революции числился «нефракционным большевиком» и действительно оказывал им посильную поддержку. В месяцы Февральской революции, правда, он шел вместе с тогдашним «советским большинством», но и в то же время он никогда не входил в меньшевистскую партию»¹⁷³. Гиппиус писала о Соколове, что это «вечно здоровый, никаких звезд не хватающий, твердокаменный попович, присяжный поверенный»¹⁷⁴. Состав Совета и его руководящих органов постоянно пополнялся за счет съезжавшихся в Петроград революционеров. Ряды меньшевиков вскоре дополнили Церетели, Дан, Войтинский и, наконец, Мартов.

Федор Ильич Дан (Гурвич), которому суждено было сыграть большую роль в руководстве Совета, особенно в октябрьские дни, происходил из семьи аптекаря, да и сам был врачом, получив образование на медфаке Юрьевского (Дерптского) университета. Был одним из руководителей «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», возил в Россию «Искру». После ареста и ссылки бежал за границу, где примкнул к меньшевикам, стал членом ЦК РСДРП. В I и II Думах был одним из лидеров социал-демократической фракции. В IV Думе Дан руководил меньшевистской фракцией, но в начале войны был арестован и выслан в Сибирь. Вернулся он в конце марта и занял позицию «революционного оборончества».

«Дан, воплощенная догма меньшевизма, всегда принципиальный и поэтому никогда не сомневавшийся, не колебавшийся, не восторгавшийся и не ужасавшийся – ведь все идет по закону, – всегда с запасом бесконечного количества гладких законченных фраз, которые одинаково укладывались и в устной речи, и в резолюциях, и в статьях, в которых есть все, что угодно, кроме действия и воли. Все делает история – для человека нет места»¹⁷⁵, – писал Станкевич. Троцкий считал, что Дан – «наиболее опытный, но и наиболее бесплодный из вождей болота»¹⁷⁶.

По всеобщим отзывам, самой яркой фигурой Совета был 35-летний Церетели. «Из правоверного марксиста и прирожденного миротворца вышел замечательный специалист по межпартийной технике, неистощимый изобретатель словесных формул, выведивших его героя и его партию из самых невозможных положений»¹⁷⁷, – писал Милюков. Сын писателя из оскудевшего дворянского рода Церетели учился на юрфаке Московского университета, где руководил студенческими землячествами, отбыл ссылку в Иркутске, доучивался в Берлине. В 25 лет он был избран во II Думу, где стал лидером фракции РСДРП. Церетели был одним из тех депутатов, с которых их коллеги не захотели снять депутатскую неприкосновенность за их подрывную деятельность, за что II Дума и была распущена. Он отправился в 10-летнюю сибирскую ссылку в ореоле мученика, откуда вернулся в хорошей политической форме. Станкевич

¹⁷¹ Станкевич В. Б. Воспоминания. 1914–1918. С. 41.

¹⁷² Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. С. 381.

¹⁷³ Николаевский Б. Меньшевики в первые дни революции. С. 228–229.

¹⁷⁴ Гиппиус З. Дневники. Мн., 2004. С. 115.

¹⁷⁵ Станкевич В. Б. Воспоминания. 1914–1918. С. 41.

¹⁷⁶ Троцкий Л. Д. История русской революции. Т. 1. С. 427.

¹⁷⁷ Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 2. С. 322.

писал: «И. Г. Церетели, полный страстного горения, но всегда ровный, изящно-сдержанный и спокойный идеолог, руководитель и организатор Комитета, отдававший напряженной работе остатки надорванного здоровья»¹⁷⁸.

Церетели был наиболее ненавидимым Лениным советским персонажем. «Типичнейший представитель тупого, запуганного филистерства, Церетели всех «добросовестнее» попался на удочку буржуазной травли, всех усерднее «громил и усмирял» Кронштадт, не понимая своей роли лакея контрреволюционной буржуазии. Именно он как один из виднейших вождей Совета способствовал протитуированию этого учреждения, низведению его до жалкой роли какого-то либерального собрания, оставляющего в наследство миру архив образцово бессильных добреньких пожеланий»¹⁷⁹.

Вместе с Церетели из сибирской ссылки вернулся и Войтинский – сын математика, получивший юридическое образование в Петербургском университете. Он стал известен своей первой книгой о ценообразовании в рыночной экономике. Рано примкнул к большевикам, и в этом качестве был арестован. Но в Сибири сблизился с Церетели и в столицу приехал меньшевиком. Казачий генерал Петр Николаевич Краснов опишет Войтинского: «Маленький, сторбленный лохматый рыжий человек, в рыжем пиджаке. Скомканная рыжая борода, бегающие рыжие глазки – типичный революционер, как их описывают в романах, какой-нибудь «товарищ Мирон» или «товарищ Тарас» – вероятно, в свое время пострадал за убеждения. Но лицо умное и, несмотря на свою некрасивость, симпатичное»¹⁸⁰.

Эсеры по своему влиянию в Петросовете заметно уступали меньшевикам, даже когда в столицу подтянулись их основные кадры, включая самого Чернова. Он был дворянином из Камышина, которого за революционную деятельность исключили из Московского университета, где он учился на юрфаке, а затем посадили на 8 месяцев в Петропавловскую крепость. Потом Чернова выслали в Тамбов, где он и начал бурную публицистическую и организаторскую деятельность. Степун дал такую зарисовку: «... На первый взгляд типичная «светлая личность» – высокий лоб, благородная шевелюра... Серьезный теоретик модернизированного под влиянием марксизма неонародничества, Чернов как оратор не стеснялся никакими приемами, способными развлечь и подкупить аудиторию. В самовлюбленном витийствовании было нечто от развеселого ярморочного катанья: то он резво припускал речь, словно бубенцами, звеня каламбурами, шутками и прибаутками, то осанисто сдерживал ее, как бы важничая медленной поступью своих научных размышлений. Опытный «партийный деятель» и типичный «язык без костей»¹⁸¹.

Лидером фракции эсеров в Петросовете был Абрам Рафаилович Гоц. Его жизненный путь пошел по семейной линии. Но не по стопам отца, занимавшегося бизнесом, а по стопам старшего брата, возглавлявшего боевую организацию эсеров, которая осуществляла теракты. Окончив реальное училище в Москве и поучившись на философском факультете Берлинского университета, Гоц вернулся на родину и вступил в партию эсеров. Попался на подготовке неудачных покушений на министра внутренних дел Дурново, 8-летнюю каторгу отбывал в Иркутской области. Там познакомился с Церетели и Даном. Гоц – один из немногих, кто удостоился хотя бы не уничижительной характеристики Троцкого: «Террорист из известной революционной семьи, Гоц был менее претенциозен и более деловит, чем его ближайшие политические друзья. Но в качестве так называемого «практика» ограничивался делами кухни, предоставляя большие вопросы другим. Нужно, впрочем, прибавить, что он не был ни оратором, ни писателем и что главным его ресурсом являлся личный авторитет, оплаченный годами

¹⁷⁸ Станкевич В. Б. Воспоминания. 1914–1918. С. 41.

¹⁷⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 64, 95.

¹⁸⁰ Краснов П. Н. Атаман: Воспоминания. М., 2006. С. 323–324.

¹⁸¹ Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. С. 347–348.

каторжных работ»¹⁸². Чернов высоко ценил Гоца – «коренного «центровика», лидера эсеровской фракции в Совете»¹⁸³.

Заместителем Гоца в эсеровской фракции был Владимир Михайлович Зензинов. Сын знаменитого чаеоторговца, он учился вместе с Гоцем в Берлинском университете, а затем еще в Гейдельбергском и Галльском, где постигал философию, политэкономия и право. В 1905 году был приговорен к ссылке в Сибирь, замененной на Архангельск, откуда Зензинов бежал за рубеж. Стал членом эсеровского ЦК. Через год нелегально вернулся, но был схвачен и таки отправлен в Сибирь. Опять бежал – в Японию, а оттуда добрался до Парижа. В 1910-м снова нелегально в Россию и снова в Сибирь. В 1914 году отбыл Якутскую ссылку и жил на вполне легальном положении, близко сошелся с Керенским, который часто останавливался в Москве именно у Зензинова. Суханов отводил ему роль «приближенного лица и адъютанта» Керенского¹⁸⁴.

Чернов писал: «Педантизм смягчался в нем воспитанностью, выдержкой, хорошими манерами и подчеркнутой, изысканной корректностью... Это был блестящий образец большого человека на малые дела»¹⁸⁵.

Наконец, сам Станкевич. Генералу Краснову он запомнился как «молодой человек, с бледным, красивым, одухотворенным лицом, с большими возбужденными глазами. Маленькие усы над правильным ртом. Одет чисто в форму поручика саперных войск»¹⁸⁶. Станкевич (Владас Станка) родился в небогатой дворянской семье в Литве, учился в Петербургской гимназии и на юридическом факультете Петербургского университета, где специализировался на уголовном праве. Перед войной защитил магистерскую диссертацию, был утвержден в звании приват-доцента. Был секретарем думской фракции трудовиков, редактором близкого им журнала «Освобождение». Когда война началась, он поступил в Павловское военное училище и отправился на фронт сапером.

Станкевич признавал, что его коллеги-народники не сильно добавили к работе Совета, даже когда появились их основные силы – Гоц, Чернов, Зензинов. «Они все время предпочитали держаться в стороне, скорее присматриваясь к Комитету, чем руководя им. Народные социалисты – В. А. Мякотин, А. В. Пешехонов – старательно подчеркивали свою чужеродность в Комитете»¹⁸⁷.

Большевики чувствовали себя в Исполкоме также весьма чужеродными элементами. По словам Молотова, «Петроградский Совет сразу же оказался в руках меньшевиков и эсеров-трудовиков из левого крыла Государственной думы и проникших всякими путями в Совет адвокатов и журналистов того же лево-либерального толка. Между тем именно эти изворотливые политиканы, выполнявшие в Советах предательскую миссию агентов буржуазии, с первых дней революции все делали для того, чтобы за спиной Петроградского Совета всячески укреплять политические позиции буржуазного, насквозь империалистического, Временного правительства... Мы были в меньшинстве в Совете, не составляя в первое время и десятой доли его членов»¹⁸⁸.

Ну а что же солдатская часть Исполкома? «Военные вначале были представлены В. Н. Филипповским и несколькими солдатами... Солдаты были выбраны на одном из первых солдатских собраний, причем, естественно, попали наиболее истерические, крикливые и неурав-

¹⁸² Троцкий Л. Д. История русской революции. Т. 1. С. 236.

¹⁸³ Чернов В. М. Перед бурей. С. 343.

¹⁸⁴ Суханов Н. Записки о революции. Т. 1. Кн. 1–2. С. 198.

¹⁸⁵ Чернов В. М. Перед бурей. С. 343.

¹⁸⁶ Краснов П. Н. Атаман: Воспоминания. С. 323.

¹⁸⁷ Станкевич В. Б. Воспоминания. 1914–1918. С. 41–42.

¹⁸⁸ Молотов В. М. О Владимире Ильиче Ленине (к 90-летию со дня рождения (рукопись) // Личный архив Молотова (ЛАМ). Пап. 24. Док.1. Ч. 2. С. 2–4.

новешенные натуры, которые в результате ничего не давали Комитету, не пользовались никаким влиянием в гарнизоне и даже в своих собственных частях».

Наблюдатели и инсайдеры обращали внимание на то, что в Исполкоме Совета присутствовало «значительное количество инородческого элемента. Евреи, грузины, латыши, поляки, литовцы... Было ли это нездоровой пеной русской общественности, поднятой гребнем народного движения затем, чтобы раз навсегда быть выброшенной из недр русской жизни? Или это следствие грехов старого режима, который насильственно отметал в левые партии инородческие элементы?»¹⁸⁹

Когда Войтинский вместе с Церетели в середине марта приехали из Сибири и появились в Таврическом дворце, «в Исполнительном комитете царила поразительная растерянность... Это был результат того, что ни у правого, ни у левого крыла комитета, ни у его центров в то время не было ясной, продуманной до конца линии – были лишь осколки программ, разбитых катастрофической быстротой нагрянувших событий»¹⁹⁰.

Работа исполкома Петросовета, как и Временного правительства, не была организована. Станкевич писал: «Заседания происходили каждый день с часу дня, а иногда и раньше, и продолжались до поздней ночи, за исключением тех случаев, когда происходили заседания Совета, и Комитет, обычно в полном составе, отправлялся туда. Порядок дня устанавливался всем «миром», но очень редки были случаи, чтобы удалось разрешить не только все, но хотя бы один из поставленных вопросов, так как постоянно во время заседаний возникали экстренные вопросы, которые приходилось разрешать в первую очередь», – подтверждал Станкевич. Проблема упорядочения работы Исполкома ставилась ежедневно, но достичь какого-либо прогресса получилось лишь к концу апреля. Пробовали ввести разделение труда через организацию комиссий, но им попросту некогда было заседать из-за непрекращавшихся заседаний и Исполкома, и всего Совета. «Важнейшие решения принимались часто совершенно случайным большинством голосов. Обдумывать было некогда, ибо все делалось второпях, после ряда бессонных ночей, в суматохе»¹⁹¹.

Степун писал, что «всякий попавший в советский аппарат вопрос бесконечно затягивался решением. Обыкновенно он вообще не разрешался, а лишь перетирался на идеологической терке. За редкими исключениями, в результате многодневных прений вызревало не решение, а всего только ничего не разрешающая резолюция. Полагаю, что большинство советских лидеров прекрасно понимало ненормальность создавшейся практики, но отойти от навыков своей работы не могло; просто не знало, что же вообще можно делать в жизни, если не заседать, не обсуждать докладов, не вносить резолюций и, главное, не бороться с правительством»¹⁹². Работа Исполкома, как отмечали его руководители, стала более организованной и осмысленной с появлением Церетели.

Первоначально – как бывший член Думы – он получил только совещательный голос. «В первый день он скромно отказался высказать свое мнение, так как еще не присмотрелся к обстановке. На следующий день он произнес пространную речь, словно нащупывая позицию, причем не угодил ни левым, так как он явно тянул в сторону компромисса и соглашения с правительством, ни правым, так как речь его во многих отношениях дышала еще нетронутым «сибирским» интернационализмом. На третий день Церетели явился уверенным в себе вождем Комитета и Совета... С больной грудью, часто теряя от напряжения голос, с болезненно вос-

¹⁸⁹ Станкевич В. Б. Воспоминания. 1914–1918. С. 42–43.

¹⁹⁰ Войтинский В. С. 1917-й. Год поражений и побед. С. 53.

¹⁹¹ Станкевич В. Б. Воспоминания. 1914–1918. С. 40.

¹⁹² Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. С. 381–382.

паленным лицом и глазами, он спокойно, уверенно и смело вел Комитет, который сразу из собрания случайных людей превратился в учреждение, в орган»¹⁹³.

В середине апреля, как с возмущением напишет Троцкий, «даже Исполнительный комитет оказался слишком широким органом для политических таинств руководящего ядра, окончательно повернувшегося лицом к либералам». Из Исполкома было выделено Бюро, состоявшее исключительно из правых оборонцев. «Церетели господствовал в Советах неограниченно. Керенский поднимался выше и выше»¹⁹⁴. Но реальным руководящим центром Совета было даже не Бюро, а неформальная группа членов Исполкома, которая каждое утро собиралась на квартире Скобелева по адресу Тверская, дом 13. В этом доме жил и Церетели. «Постоянными участниками совещания, кроме Скобелева и Церетели, были Чхеидзе, Дан, Анисимов, Ермолаев, Гоц и я», – свидетельствовал Войтинский. – Иногда – не каждый день – появлялся Чернов, раза два-три – Авксентьев и Либер. Это группа руководителей Исполкома называла себя «звездной палатой». Они «сговаривались в вопросах, которые нужно было поставить в Исполнительном комитете, готовили проекты резолюций и воззваний. Присутствие Гоца и Чернова делало из наших совещаний орган контакта между меньшевистской партией и партией социал-революционеров. Позже, в период «коалиции», здесь же обсуждались общие вопросы, относившиеся к кругу ведения министров-социалистов»¹⁹⁵.

В протоколе заседания Временного правительства уже 3 марта читаем: «Было обращено внимание, что по обстоятельствам текущего момента Временному правительству приходилось считаться с мнением Совета рабочих депутатов. Однако допустить такое вмешательство в действия правительства являлось бы недопустимым двоевластием. Поэтому членам Временного правительства надлежало бы ознакомляться с предложениями Совета рабочих депутатов в своих частных совещаниях, до рассмотрения этих вопросов в официальных заседаниях»¹⁹⁶.

Исполком Совета, в свою очередь, 8 марта признал необходимым «принять неотложные меры в целях осведомления Совета о намерениях и действиях Временного правительства, осведомления последнего о требованиях революционного народа, воздействия на правительство для удовлетворения этих требований и непрерывного контроля над их осуществлением». На заседании 10 марта Исполком избрал комиссию, поручив ей «немедленно войти в сношение с Временным правительством, чтобы узнать, желает ли оно допустить нас к постоянному контролю»¹⁹⁷.

И правительство подчинилось. От Совета в состав «контактной комиссии» изначально входили Чхеидзе, Скобелев, Стеклов, Филипповский и Суханов. Позже появятся Церетели и Чернов. В первые недели после Февраля заседания комиссии происходили раза три в неделю, порой и чаще. Собирались всегда поздно вечером, после окончания заседания Временного правительства. «Главным действующим лицом в этих заседаниях был Стеклов, – свидетельствовал Набоков. – ...Тон его был тоном человека, уверенного в том, что Временное правительство существует по его милости и до тех пор, пока ему это угодно. Он как бы разыгрывал роль гувернера, наблюдающего за тем, чтобы доверенный ему воспитанник вел себя как следует, не шалил, исполнял его требования и всегда помнил, что ему то и то позволено, а вот это – запрещено, при этом – постоянно прорывающееся сознание своего собственного могущества и подчеркивание своего великодушия»¹⁹⁸.

¹⁹³ Станкевич В. Б. Воспоминания. 1914–1918. С. 45.

¹⁹⁴ Троцкий Л. Д. История русской революции. Т. 1. С. 249.

¹⁹⁵ Войтинский В. С. 1917-й. Год поражений и побед. С. 76, 77.

¹⁹⁶ Хрусталева В. М. Последние дни Великой династии. М., 2013. С. 289–290.

¹⁹⁷ Бурджалов Э. Н. Вторая русская революция. Москва. Фронт. Периферия. М., 1971. С. 359–360.

¹⁹⁸ Набоков В. Д. Временное правительство. С. 70, 37–38.

Споры в контактной комиссии случались нередко, но они не носили принципиального характера. Среди конфликтных вопросов первым стал отказ Временного правительства выделить «10-миллионный фонд» на деятельность Совета. Затем был скандал, связанный с протестом против текста военной присяги, где не было слов о «защите революции», зато лица «христианского вероисповедания» должны были осенять себя крестным знаменем, в чем советские деятели усмотрели нарушение свободы совести. Потом была история, связанная с желанием Совета обменивать скрывавшихся в Европе революционеров на немецких военнопленных¹⁹⁹. Правительство выступило против. Вот, пожалуй, и все.

Ленин напишет: «В этой контактной комиссии эсеровские и меньшевистские вожди Совета вели постоянные переговоры с правительством, будучи, собственно говоря, на положении министров без портфеля или неофициальных министров... Эсеры и меньшевики играли в «контактной комиссии» роль дурачков, которых кормили пышными фразами, обещаниями, «завтраками». Эсеры и меньшевики, как ворона в известной басне, поддавались на лесть, с удовольствием выслушивали уверения капиталистов, что они высоко ценят Советы и ни шагу не делают без них. В действительности же время шло, и правительство капиталистов ровно ничего не сделало для революции»²⁰⁰.

Затем, когда из Исполкома Совета было выделено Бюро, именно ему переходили функции контактной комиссии, формально упраздненной 13 апреля²⁰¹. Впрочем, через неделю разразились события, которые привели к правительственному кризису и вхождению советских лидеров в правительство, что уже не предполагало существование контрольного механизма.

Кто в итоге был главнее: Временное правительство или Совет?

Двоевластие было феноменом уникальным, чисто российским. Никакие теории разделения властей этот феномен не описывали. Активный меньшевик Юрий Петрович Денике писал: «Временное правительство теоретически обладало законодательной властью, но не имело собственных средств ее осуществлять. Советы фактически имели в значительном объеме власть административную, но не имели власти законодательной»²⁰². На практике же Совет не просто контролировал правительство, но и сам издавал законы, считая себя высшей инстанцией в вопросах продовольственного снабжения, трудовых отношений, транспорта и т. д. и не утруждая себя согласованиями своих действий с кабинетом Львова. Совет тоже управлял, но не царствуя.

Троцкий считал такую ситуацию парадоксальной: «Вопреки всем официальным теориям, декларациям и вывескам власть числилась за Временным правительством только на бумаге... Между тем во главе Советов повсеместно стояли эсеры и меньшевики, с негодованием отвергавшие большевистский лозунг «Власть Советам»²⁰³. У Суханова не были и тени сомнения: «Советский аппарат «управления» стал произвольно, автоматически... вытеснять официальную государственную машину, работавшую все более и более холостым ходом. Тогда уже ничего поделать с этим стало нельзя: приходилось примириться и брать на себя отдельные функции «управления», создавая и поддерживая в то же время фикцию, что это «управляет» Мариинский дворец»²⁰⁴.

Войтинский уверял, что весной «авторитет Петроградского Совета и его Исполнительного комитета стоял на исключительной высоте. Со всех концов России неслись к нему ответственные телеграммы и резолюции солидарности. Смолкли рассуждения правых и либе-

¹⁹⁹ Мельгунов С. П. Мартовские дни 1917 года. М., 2006. С. 522–528.

²⁰⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 61–62.

²⁰¹ Мельгунов С. П. Мартовские дни 1917 года. С. 531.

²⁰² Денике Ю. Меньшевики в 1917 году // Фельштинский Ю. Г., Чернявский Г. И. Меньшевики в революции. С. 203.

²⁰³ Троцкий Л. Д. История русской революции. Т. 1. С. 348–349.

²⁰⁴ Суханов Н. Записки о революции. Т. 2. Берлин – СПб. – М., 1922. С. 278.

ральных газет о том, что Исполнительный комитет является частной, самозванной, анонимной организацией, представляющей лишь часть петроградского гарнизона, тогда как вся Россия, и в частности вся армия, стоит за Временным правительством и Временным комитетом Государственной думы: на второй месяц революции уже никто не мог отрицать, что вся армия и вся революционная демократия страны видят в петроградском ИК свой полномочный орган... Доверие к Совету было безграничное»²⁰⁵.

Примечательно, что схожего мнения придерживалась верхушка армии. Уже через неделю после формирования правительства военный министр Гучков сообщал Верховному главнокомандующему Алексееву: «Временное правительство не располагает какой-то реальной властью, и его распоряжения осуществляются лишь в тех размерах, кои допускает Совет рабочих и солдатских депутатов, который располагает важнейшими элементами реальной власти, так как войска, железные дороги, почта и телеграф в их руках. Можно прямо сказать, что это Временное правительство существует, лишь пока это допускается Советом»²⁰⁶. Деникин замечал: «Правительство с первых же шагов своих попало в плен к Совету, которого значение, влияние и силу оно переоценивало и которому само не могло противопоставить ни силы, ни твердой воли к сопротивлению и борьбе... Не желая и не имея возможности принять власть, Совет вместе с тем не допускал укрепления этой власти в руках правительства».

Но и авторитет самого Совета был далек от непрерываемого. «Мало-помалу в кругах интеллигенции, демократической буржуазии, в офицерской среде накалилась глухая и бессильная злоба против Совета; на нем сосредоточивался весь одиум, его поносили в этих кругах самыми грубыми, унижительными словами»²⁰⁷, – читаем у Деникина. Негативное отношение к Совету было разлито даже в «демократической» среде. Эсер Питирим Сорокин восклицал: «Бог ты мой! Эти авантюристы, самозванные солдатские и рабочие депутаты, эти беспорочные умники, актерствующие в революционной драме, подражают французским революционерам. Вместе с бесконечными разговорами вся их энергия уходит на разрушительную работу против Временного правительства и подготовку к «диктатуре пролетариата». Советы вмешиваются во все. Их действия ведут только к дезорганизации власти правительства и высвобождению диких инстинктов у толпы черни»²⁰⁸.

Впрочем, взаимодействие между Временным правительством и Советом (как и внутри них) было во многом облегчено принадлежностью многих их членов к масонским ложам, тем более что сам магистр Великого Востока народов России (ВВНР) был представлен в обоих этих органах – Керенский. В 1825 году не все масоны были декабристами, но почти все декабристы были масонами. Так и в 1917 году: не все масоны станут членами Временного правительства и Петроградского Совета, но многие их ведущие члены окажутся масонами.

Конечно, точность информации о масонах оставляет желать лучшего, прежде всего потому, что они старались не оставлять следов. По авторитетному свидетельству Керенского, в ложах сохранялась «непременная внутренняя дисциплина, гарантировавшая высокие моральные качества членов и способность хранить тайну. Не велись никакие письменные отчеты, не составлялись списки членов лож. Такое поддержание секретности не приводило к утечке информации о целях и структуре общества». Кроме того, отечественное масонство было весьма специфическим. В отличие от всех традиционных масонских организаций мира, его руководящие органы были выборными, была упрощена иерархия; из устава полностью выпала эзотерическая сторона, отсутствовали ссылки на старинные обычаи и традиции, отсутствовали ссылки на принадлежность ко всемирной масонской семье.

²⁰⁵ Войтинский В. С. 1917-й. Год побед и поражений. С. 70, 47.

²⁰⁶ Шляпников А. Семнадцатый год. Кн. 2. М. – Л., 1925. С. 236.

²⁰⁷ Деникин А. И. Очерки Русской Смуты. Кн. 1. Т. 1. М., 2015. С. 21–222, 218.

²⁰⁸ Сорокин П. А. Дальняя дорога. Автобиография // Великая русская революция глазами интеллектуалов. М., 2015. С. 16.

Керенский вспоминал: «Предложение о вступлении в масоны я получил в 1912 году, сразу же после избрания в IV Думу... Следует подчеркнуть, что общество, в которое я вступил, было не совсем обычной масонской организацией. Необычным прежде всего было то, что общество разорвало все связи с зарубежными организациями и допускало в свои ряды женщин. Далее, были ликвидированы сложный ритуал и масонская система степеней»²⁰⁹. Наши ложи должны были быть самыми демократичными в мире! «Почти наверняка можно утверждать, что корпоративная дисциплина масонов в России была намного слабее, чем в Западной Европе, – пишет современный биограф Керенского, – и отечественные масонские ложи были похожи скорее на политические клубы»²¹⁰. Ни одна иностранная орденская федерация не признавала законности подобной организации, хотя попытки получить такое признание предпринимались.

Известная писательница Нина Николаевна Берберова, многое времени посвятившая исследованию масонства, утверждала, что именно 1917 год был высшей точкой деятельности русского масонства²¹¹. «В момент начала Февральской революции всем масонам был дан приказ немедленно встать в ряды защитников нового правительства – сперва Временного комитета Государственной думы, а затем Временного правительства»²¹², – свидетельствовал Некрасов. В состав ВКГД, как отметит знаток вопроса Соловьев, «вошли пять масонов: А. Ф. Керенский, Н. В. Некрасов, А. И. Коновалов, Н. С. Чхеидзе и В. А. Ржевский»²¹³. Известный историк Старцев прибавлял к их списку Караулова²¹⁴.

Роль масонских кругов в формировании Временного правительства была немалой, но не решающей. Как признавал секретарь Верховного совета ВВНР Александр Яковлевич Гальперн, «собраний Верховного Совета как такового в первые дни революции не было; поэтому не было в нем обсуждения вопроса о составе Временного правительства. Но группа руководящих деятелей – Коновалов, Керенский, Некрасов, Карташев, Соколов и я – все время были вместе, по каждому вопросу обменивались мнениями и стоваривались о поведении. Но говорить о нашем сознательном воздействии на формирование правительства нельзя: мы все были очень растеряны и сознательно сделать состав Временного правительства более левым, во всяком случае, не ставили. Тем не менее известное влияние мы оказали, и это чувствовали наши противники»²¹⁵. Аврех, разоблачавший в советское время «масонский миф», насчитал в правительстве трех братьев – Керенского, Некрасова и Коновалова. Соловьев уверенно добавляет к ним Шингарева и Терещенко²¹⁶. Отдельный вопрос – принадлежность к ложам самого премьера Львова.

Видный кадет Иосиф Владимирович Гессен в своих мемуарах утверждал, что «значение кандидатуры как Терещенко, так и Львова скрывалось в их принадлежности к масонству»²¹⁷. Отдельные биографы называли даже конкретные ложи «Возрождение», «Полярная звезда», «Малая медведица»²¹⁸. Большинство современных историков в масонстве Львова сомневаются. Но не исключено, что он им симпатизировал. Иначе как объяснить появление в кабинете Некрасова и Терещенко? Кто их мог пролоббировать? Ведь не один же Керенский, которому самому сначала места в правительстве не нашлось. Сам он подчеркивал, что внепартийный

²⁰⁹ Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте. С. 62–63.

²¹⁰ Тютюкин С. В. Александр Керенский. Страницы политической биографии (1905–1917 гг.). М., 2012. С. 41.

²¹¹ Берберова Н. Н. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. СПб., 1996. С. 148.

²¹² Из следственных дел Н. В. Некрасова 1921, 1931 и 1939 гг. // Вопросы истории. 1998. № 11–12. С. 39, 20.

²¹³ Соловьев О. Русские масоны. М., 2006. С. 269.

²¹⁴ Старцев В. И. Русское политическое масонство начала XX века. СПб., 1996. С. 143.

²¹⁵ Николаевский Б. И. Русские масоны и революция. М., 1990. С. 71.

²¹⁶ Аврех А. Я. Масоны и революция. М., 1990. С. 195; Соловьев О. Русские масоны. С. 270.

²¹⁷ Гессен И. В. В двух веках. Жизненный отчет. Берлин, 1937. С. 217–218.

²¹⁸ Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. С. 327–328.

подход масонов «позволил достичь замечательных результатов, наиболее важный из которых – создание программы будущей демократии в России, которая в значительной мере была воплощена в жизнь Временным правительством»²¹⁹. Масоны были хорошо представлены и в Исполкоме Совета – Керенский, Чхеидзе, Соколов, Скобелев, Суханов²²⁰.

Избавившись от балласта и пополнившись приехавшими из эмиграции «братьями», пишет Николаевский, масоны образовали «политически довольно однородную группу, от левых кадетов и прогрессистов до правых социал-демократов, которая в течение всего периода Временного правительства играла фактически руководящую роль в направлении политики последнего»²²¹.

«Братские» связи играли роль при назначениях администрации на местах. «Когда вставал вопрос о том, кого назначить на пост губернского комиссара или на какой-нибудь другой видный административный пост, то прежде всего мысль устремлялась на членов местных лож, и если среди них было сколько-нибудь подходящее лицо, то на него и падал выбор»²²², – свидетельствовал Гальперн.

Масонские каналы облегчали и международные контакты. В апреле вполне по-масонски состоялась встреча Керенского с представителем французского правительства и видным руководителем Великого Востока Франции Альбером Тома, который оставил на этот счет трогательные дневниковые записи²²³. Керенский подтвердил верность союзническим обязательствам и остался верен им.

Чтобы не возвращаться к этой теме, забегая вперед, отметим, что после правительственного кризиса позиции «братьев» в правительстве только укрепились: министерские портфели получили Скобелев и Переверзев²²⁴. Ну а следующие правительства, которые Керенский формировал уже самостоятельно, содержали немасонов уже в качестве исключения.

Став премьером, в июле 1917 года Керенский ушел с поста генсека Верховного совета Великого Востока народов России, формально передав его Гальперну. Тот, в свою очередь, занял должность управляющего делами Временного правительства, и руководящая «масонская тройка» осталась прежней: Керенский, Гальперн, Некрасов.

Старцев выявил 44 масона, назначенных на высшие государственные должности в основном во второй половине 1917 года. Помимо Керенского и Некрасова, это председатель Предпарламента Авксентьев, министры Ефремов, Кокошкин, Карташев, Коновалов, Ливеровский, Переверзев, Прокопович, Савинков, Скобелев, Степанов, Терещенко, Шингарев, товарищ министра внутренних дел А. А. Демьянов и другие²²⁵. По оценке историка Олега Соловьева, «масоны в период с февраля по октябрь 1917 г. занимали доминирующее положение лишь во втором коалиционном правительстве Керенского, после чего стали утрачивать внимание. Министрами за все то время были 15 человек... Последний же состав временщиков из 14 министров насчитывал всего 6 масонов: Керенского, Вердеревского, Коновалова, Ливеровского, Терещенко и Карташева»²²⁶.

«Конечно, преувеличивать значение единого тайного центра в событиях 1917 года, может быть, и не стоит, тем более что сами события развивались отнюдь не по масонскому сцена-

²¹⁹ Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте. С. 63.

²²⁰ Масоны и Февральская революция 1917 г. М., 2007. С. 188.

²²¹ Николаевский Б. И. Русские масоны и революция. С. 150.

²²² Цит. по: Брачев В. «Победоносный февраль» 1917 года: масонский след // Масоны и Февральская революция 1917 г. С. 213.

²²³ Берберова Н. Н. Люди и ложи. С. 41; Тютюкин С. В. Александр Керенский. С. 139, 144–145, 148, 149.

²²⁴ Брачев В. «Победоносный февраль» 1917 года: масонский след. С. 207.

²²⁵ Старцев В. И. Русские политические масоны в правящей элите Февральской революции 1917 года // Россия в 1917 году. Новые подходы и взгляды. Вып. 2. СПб., 1994. С. 18–23.

²²⁶ Соловьев О. Русские масоны. С. 300, 299.

рию»²²⁷, – пишет знаток вопроса Брачев. Массонство, действительно достигнув пика своего политического влияния, сразу же оказалось в кризисе: количество лож в России за время пребывания у власти Временного правительства сократилось с 40 до 28–29²²⁸. Политическая ситуация развернулась таким образом, что политика перестала быть уделом избранных «братьев». К тому же политические разногласия разорвали и масонскую среду. Кадет князь Владимир Андреевич Оболенский жаловался: «Вражда между братьями в это время была настолько сильна, что я, например, состоя председателем одной из петербургских лож, не мог созвать после Февральского переворота ни одного ее собрания, ибо члены моей ложи просто не могли сесть за один стол»²²⁹. Партийные лояльности, межпартийные разногласия, идеологические пристрастия играли уже большую роль, чем масонское братство.

²²⁷ Брачев В. «Победоносный февраль» 1917 года: масонский след. С. 213.

²²⁸ Соловьев О. Русские масоны. С. 301.

²²⁹ Оболенский В. А. Моя жизнь. Мои современники. Париж, 1988. С. 450.

Новый партийно-политический ландшафт

Революция одномоментно, радикально и по-новому разделила людей и их представителей во власти и партиях. Многие ранее использовавшиеся политические и социальные дефиниции моментально утратили смысл. Революция хотела все начать с нуля. Отречение от старого мира происходило стремительно и решительно. Кадетская «Речь» 7 марта призывала: «Отныне вся русская жизнь должна быть перестроена с корня». «Биржевые ведомости» 8 марта: «Рвать, рвать без жалости все сорные травы. Не надо смущаться тем, что среди них могут быть и полезные растения – лучше чище прополоть с неизбежными жертвами».

Ключевое значение в политической борьбе приобрели новые водоразделы, существовавшие в радикальной интеллигентской идеологии. Это был тот случай, когда идеологические ярлыки играли куда большую роль, нежели общественная реальность.

Основных ярлыков было четыре. Первый – реакция – представители прежней власти и ее сторонники, которые не заслуживали никакого снисхождения. Монархические настроения в стране сохранялись. В сводках военной цензуры можно было встретить множество выдержек из солдатских писем в этом ключе: «Мы хотим демократическую республику и царя-батюшку»; «Хорошо бы, если бы нам дали республику с дельным царем». Один из цензоров приходил к выводу: «Почти во всех письмах крестьян высказывается желание видеть во главе России царя. Очевидно, монархия – единственный способ правления, доступный крестьянским понятиям». Почему же, демократия с монархией была и в Великобритании. Американский славист Ф. Голдер писал из революционного Петрограда: «Рассказывают о солдатах, которые говорили, что они хотят республику, подобную английской, или республику с царем»²³⁰. Но у сторонников монархической идеи не было и не могло быть никакого политического представительства.

Второй идеологический ярлык – буржуазия, в которую были зачислены далеко не только предприниматели, но и дворянство, и чиновничество, и интеллигенция, и сохранившиеся несоциалистические партии, в совокупности получившие название «цензовые элементы». «Под «буржуазией» понимают не просто промышленный класс, не просто капиталистов, не «третье сословие». Ныне у нас категория «буржуазности» употребляется в неизмеримо более широком смысле. Вся Россия, все человечество делятся на два непримиримых мира, два царства – царство зла, тьмы, дьявола – буржуазное царство и царство божеское, добра, света – царство социалистическое... Социал-демократы, отравившие рабочую массу истребляющей ненавистью к «буржуазии» и «буржуазности», употребляют эти слова в социально-классовом, материалистическом смысле, но придают своей социально-классовой точке зрения почти религиозный отпечаток»²³¹, – замечал Бердяев.

Третий – демократия. В те дни этот термин использовался и в привычном для нас смысле – как народовластие – и чаще в совсем непривычном. Князь Львов, большой сторонник народовластия, утверждал: «Душа русского народа оказалась мировой демократической душой по самой своей природе. Она готова не только слиться с демократией всего мира, стать впереди ее, но и вести ее по пути развития человечества на началах свободы, равенства и братства». Керенский утверждал, что правительство строит «демократическую республику в полном смысле этого слова», называл Россию «самой свободной страной в мире», «наиболее демократическим государством Европы». Потресов верил в чудо «превращения полуазиатской деспотии в едва ли не самую свободную страну в мире». Ленин тоже считал постфевральскую Россию «самой

²³⁰ Колоницкий Б. И. «Демократия» как идентификация: к изучению политического сознания Февральской революции // 1917 год в судьбах России и мира. С. 114.

²³¹ Бердяев Н. А. Падение священного русского государства. С. 544.

свободной» страной в мире». Самое любопытное, что это было почти правдой, если не понимать под демократией выборы (власть пока была самозваной) и соблюдение закона.

Однако, как справедливо замечал исследователь вопроса Колоницкий, в 1917 году гораздо чаще «демократия» противопоставлялась не «диктатуре», «полицейскому государству» и т. п., а «цензовым элементам», «правлящим классам» и «буржуазии». Термин «демократия и особенно «революционная демократия» часто выступали как синонимы понятий «демократические слои» («народ»), «демократические организации» (такowymi в 1917 г. считались Советы и комитеты) и «демократические силы (при этом социалисты только себя считали демократами)»²³². Итак, «демократия» в толковом словаре 1917 года – это прежде всего рабочий класс, крестьянство и социалистические партии.

Силы «демократии» в новой идеологической конструкции ассоциировались с четвертым идеологическим ярлыком – революция. В новом квазирелигиозном сознании она сразу стала объектом преклонения, ее символы и институты представляли как чудо избавления, очищения, «воскрешения». Силы «реакции» однозначно связывались с «контрреволюцией», получившей резко негативное звучание. «Буржуазия», «цензовые элементы» оказались под подозрением в недостаточной революционности или в контрреволюционности. Но и внутри «демократии» тоже стали обнаруживать множество «контры». «В первые дни русской революции контрреволюционными называли притаившиеся силы старого режима и от них ждали угрозы делу свободы, – замечал летом 1917 года Бердяев. – Но скоро уже контрреволюционными силами были признаны партия «народной свободы», все русские либералы, Государственная дума, Земский и Городской союзы. Образована была контрреволюционная «буржуазия», в которую вошли и широкие круги интеллигенции... Мы вступаем в период, когда в контрреволюционных замыслах подозреваются социал-демократы меньшевистского крыла и социалисты-революционеры... Единственной светлой, истинно революционной стихией остаются большевики, которые и хотят устроить новую революцию против большей части России, против большинства, настроенного «буржуазно» и «контрреволюционно»²³³.

Эти новые идеологические конструкции структурировали и партийную систему.

Партии, партийно-представительная демократия были не очень понятны российским гражданам. По оценкам историков, число членов всех политических партий составляло около 1,2 % населения России²³⁴. Революция вселила в них новую жизнь. «Политические партии начали всероссийскую партийную грызню, – заметил Бубликов, – натравливание всех против каждого и каждого против всех, проповедь классовая и всякой иной ненависти... Последующая проповедь Гражданской войны была только дикарски прямолинейным выводом из посевов, сделанных в первые дни»²³⁵.

Политический спектр одномоментно резко сместился влево в силу банального исчезновения черносотенных, правых и даже консервативных партий. «Наступление революции в России было катастрофой для всех откровенно правых партий, – писал Чернов. – У них исчезло даже всякое мужество поднять свое знамя»²³⁶. Это было небезопасно даже физически. В правой среде звучал и такой аргумент для бездействия: «Свергал царя не народ, а генералы, имевшие под началом войска»²³⁷. Добровольное отречение императора лишало его твердых приверженцев точки опоры, избавляло от раз принесенной присяги.

²³² Колоницкий Б. И. «Демократия» как идентификация. С. 109–113.

²³³ Бердяев Н. А. Падение священного русского государства. С. 550–551.

²³⁴ Кара-Мурза С. Г. Партии в 1917 году. От Февраля к Октябрю // Политические партии в революционных революциях в начале XX в. М., 2005. С. 297.

²³⁵ Бубликов А. А. Русская революция. С. 79.

²³⁶ Чернов В. М. Перед бурей. С. 335.

²³⁷ Цит. по: Кирьянов Ю. И. Правые партии в России накануне и в февральские дни 1917 г.: причины кризиса и краха // 1917 год в судьбах России и мира. С. 87.

Не выступив вначале, правые уже потом не имели никаких шансов, поскольку их организации были попросту запрещены. Думский лидер правых Николай Евгеньевич Марков, давая показания Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, лишь посыпал голову пеплом: «Мы все уничтожены, мы фактически разгромлены, отделы наши сожжены, а руководители, которые не арестованы, – в том числе и я, пока не арестован, – мы скрываемся»²³⁸. В то же время Пуришкевича не трогали – надо полагать по причине его революционных речей в Думе в ноябре и участия в убийстве Распутина»²³⁹. Вернувшийся с фронта, куда он сбежал после этого убийства, 2 марта выразил уверенность, что «события пройдут без крови, – если наша армия узнает, что с горизонта нашей жизни исчезнут Протопопов, Штюрмер, Раев и другие, – это вызовет только взрыв энтузиазма в армии и поднимет еще больше ее бодрость и настроение»²⁴⁰. А вскоре в «Русском инвалиде» появились проникновенные стихи Пуришкевича:

Счастье – свободы порядок,
Знамя его впереди,
Путь нам грядущего гладок,
В ногу, ребята, иди²⁴¹.

Октябристы были правящей партией в том смысле, что были представлены во Временном правительстве Гучковым и Годневым, как и партия центра, делегировавшая туда Владимира Львова. Но сами эти партии после Февраля испарились. Бубликов назвал их «мифическими»: «Обе эти партии были в свое время измышлены правительством для создания видимости правительственного большинства в Думе и никаких корней в стране не имели. Лучшее тому доказательство, что после революции эти партии ровно ничем не обнаружили своего существования»²⁴².

В результате партия кадетов, как справедливо замечал Чернов, «из самой левой легальной партии неожиданно для себя превратилась, благодаря исчезновению старых правых, в самую правую легальную партию. Но тем самым она естественно сделалась складочным местом для всего, что было когда-то правее ее»²⁴³. Именно партия народной свободы стала восприниматься как главный выразитель интересов, а то и просто воплощение «цензовых элементов».

Ее съезд, прошедший в Петрограде вскоре после революции, был назван в газетах съездом «правительственной партии», ведь кадеты формально имели в кабинете министров самое большое представительство. Но фактически это было не так потому, что тон во Временном правительстве задавала межпартийная «семерка» в составе обоих Львовых, Керенского, Некрасова, Терещенко, Коновалова и Годнева, которая почти всегда находилась в оппозиции лидеру кадетов Милюкову.

С чем кадеты шли в народ? Они были высокоинтеллектуальной партией, и ее идеологические основы формулировали самые видные специалисты в области права, в первую очередь – Федор Федорович Кокошкин. Но посмотрите, какими словами это делалось, почитайте его программные выступления на мартовском съезде партии. «Наше представление о государственной жизни мы утверждаем на трех основных принципах. В отношении государства и личности мы отстаивали всегда и будем неизменно отстаивать неприкосновенность начал гражд-

²³⁸ Падение царского режима. Т. 6. М. – Л., 1926. С. 195.

²³⁹ Солженицын А. И. Двести лет вместе. Ч. II. М., 2002. С. 33.

²⁴⁰ Утро России. 1917. 3 марта. № 60.

²⁴¹ Русский инвалид. 1917. 9 марта. № 59.

²⁴² Бубликов А. А. Русская революция. С. 66.

²⁴³ Чернов В. М. Перед бурей. С. 335.

данской свободы от всех посягательств, откуда бы они ни исходили. Это один из основных устоев нашей программы, принцип освободительный, либеральный. Другим основным принципом для нас, принципом, касающимся уже не отношений государства и личности, а внутреннего строя самого государства, является начало обеспечения полного господства народной воли, принцип демократический. Это второй наш устой. И третий наш принцип, относящийся к задачам государственной деятельности, – это осуществление начал социальной справедливости, широких реформ, направленных к удовлетворению справедливых требований трудящихся классов»²⁴⁴. Для какого электората это говорилось?

Партия привыкшая мыслить как «государственная», всячески противостояла тенденциям к децентрализации, выступала носителем идеи «единой и неделимой» России. Но вот как Кокошкин излагал программу кадетов по вопросу о отношениях центра и регионов и в национальном вопросе: «Местная автономия, а тем более провинциальная автономия в момент, когда Учредительное собрание будет устанавливать конституцию в России, может быть введена вполне безопасно только одним путем, а именно в форме представления права местной администрации в известных областях культурно-хозяйственной и культурно-национальной жизни существующим территориальным единицам, губерниям, и тем делениям, которые соответствуют губерниям на окраинах, представлением этого права автономии губерниям и областям»²⁴⁵. Вы что-то поняли? Поздравляю. Речь действительно шла о возможности автономии территориальной, но не национальной. Но кадеты слишком многого хотели от рабочих и крестьян, которым были адресованы программные установки партии. Кадетов абсолютное большинство населения страны просто не понимало.

Они были твердыми оборонцами, сторонниками войны до победного конца, чем отрезали от себя солдатское большинство армии. Кадеты, словами Степуна, «были слишком определенными западниками-позитивистами, чтобы считаться в своей реальной политике с таким невесомым фактором, как нравственно-религиозное убеждение простого народа... Стремясь к перевороту, прежде всего ради доведения войны до победного конца, партия Народной свободы была уверена, что и народ, обретя свободу, захочет победы»²⁴⁶. При этом у кадетов не оказалось поддержки и в верхах армии. Генерал Лукомский подтверждал: «По талантливости и образованности эта партия имела в своем составе довольно много заметных лиц, но... все это по духу было враждебно нам, и к ним не было никакого доверия»²⁴⁷.

Кадеты были решительными противниками большевизма. Кадетский ЦК призывал «к твердой, решительной поддержке Временного правительства», подчеркивая нарастание опасности в стране, которую напрямую связывал с «приездом эмигрантов ленинского типа, приглашавших страну и армию под знамя анархо-коммунизма и гражданской войны»²⁴⁸. А для большевиков кадеты были просто врагами № 1. «Кадетская партия есть главная политическая сила буржуазной контрреволюции в России, – считал Ленин. – Эта сила великолепно сплотила вокруг себя всех черносотенцев как на выборах, так (что еще важнее) в аппарате военного гражданского управления и в кампании газетной лжи, клевет, травли, направляемых сначала против большевиков, т. е. партии революционного пролетариата, потом против Советов»²⁴⁹.

Тыркова-Вильямс, которую Милоков не без оснований называл единственным мужчиной в кадетском ЦК, вынесет партии справедливый приговор: «Кадетская партия даже среди революции не смогла выдвинуть людей действия... Они были чересчур разборчивы в сред-

²⁴⁴ Кокошкин Ф. Ф. Избранное. М., 2010. С. 504–505.

²⁴⁵ Там же. С. 492.

²⁴⁶ Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. С. 378–379.

²⁴⁷ Лукомский А. С. Очерки из моей жизни. Воспоминания. М., 2012. С. 209.

²⁴⁸ Цит. по: Шелухаев В. В. Кадеты и революция в России // Политические партии в революционных революциях в начале XX в. С. 420.

²⁴⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 83.

ствах. Добросовестные, начитанные, от всего сердца преданные России кадеты, среди которых были люди очень неглупые, не справились со своей новой задачей и не сумели превратиться из оппозиции в правительство»²⁵⁰.

Кадеты, выступавшие основной революционной силой до Февраля, очень быстро стали восприниматься многими как сила контрреволюционная, что вело к сокращению числа ее приверженцев. Зато стремительно росли акции еще недавно маргинальных социалистических партий.

Все они переживали возрождение, даже Трудовая народно-социалистическая партия – народные социалисты, или энесы, которая была самой правой среди всех социалистов. Наиболее заметной фигурой был Алексей Васильевич Пешехонов, выпускник Тверской духовной семинарии и земский статистик. «А.В. Пешехонов, интеллигент, мой старый друг, человек с талантом, знаниями и темпераментом, давно успокоился на правом фланге социализма и мог только украшать место своим сотрудничеством»²⁵¹, – характеризовал его Милюков. «Г-н Пешехонов – известный полукadet, – отзывался о нем Ленин. – Более умеренного трудовика, единомышленника брешковских и плехановых, не найти»²⁵².

К лету 1917 года энесы уже располагали четырьмя сотнями организаций с 5 тысячами членов. Партия выступала за полное народовластие в форме демократической парламентской республики, а не республики Советов; полномочия Временного правительства вплоть до Учредительного собрания; за энергичное продолжение войны в тесной согласии с союзническими демократиями, но против ее завоевательных целей²⁵³.

Партия энесов «выдвинула на ответственные места в земском и городском самоуправлении значительное число лиц, гораздо больше, чем следовало бы по ее численности. Энесы входили в состав ВЦИК и Особого совещания при Временном правительстве. Они занимали ведущие позиции в Главном земельном комитете и в Лиге аграрных реформ. В Особом совещании при Временном правительстве, созданном для разработки проекта Положения о выборах в Учредительное собрание, работало 11 народных социалистов, т. е. 13 % общего состава совещания из 82 человек».

У энесов были планы слияния с эсерами. Но после возвращения из ссылки и из-за границы радикальных лидеров партии эсеров она так полевела, что, словами Пешехонова, «всякие разговоры о сближении и тем более об объединении сами собой прекратились». Зато установились отношения с трудовиками, которые в апреле 1917 года объявили себя социалистической партией, что открыло путь к их соединению с энесами. Официально альянс состоится 21–23 июня, когда будет образована объединенная Трудовая народно-социалистическая партия²⁵⁴.

После Февраля довольно быстро самой массовой стала партия социалистов-революционеров. Ее численность уже весной достигала 500 тысяч человек (меньшевики – 50 тысяч, большевики – 24 тысячи), а к лету приблизилась к миллиону. В партию эсеров вступали целыми деревнями, заводами и полками. «Ни одна партия не росла так неудержимо-стремительно, как она, – с удовлетворением констатировал Чернов. – Старый, испытанный состав партии был буквально затоплен бурным притоком новых пришельцев». Основная газета партии – «Дело народа» – печаталась 300-тысячным тиражом, а всего в тот год выходило более сотни эсеровских газет и журналов²⁵⁵.

²⁵⁰ Новоселова Е. Дама против Ленина // Российская газета. 2017. 21 апреля. № 86.

²⁵¹ Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 2. С. 322.

²⁵² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 330.

²⁵³ Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. С. 622, 623, 624.

²⁵⁴ Сыпченко А. В. Трудовая народно-социалистическая партия в 1917–1922 гг. // Политические партии в революционных революциях в начале XX в. С. 494, 492.

²⁵⁵ Матонин Е. Яков Блюмки. М., 2016. С. 32; Чернов В. М. Перед бурей. С. 321.

Эсеры никогда не были организованной и дисциплинированной партией. В новых условиях предпринимались попытки это исправить. Был создан единый ЦК. «Дело народа», первый номер которой выйдет 15 марта, заявила в числе своих сотрудников представителей всех внутривнутрипартийных течений. Но реальность была другой. В партии разгорелась борьба фракций, главным образом по вопросам отношения к войне, земле и к Временному правительству.

Питирим Сорокин описывал первую встречу лидеров эсеров для учреждения газеты. «После долгих и утомительных дебатов избрали пять редакторов газеты, названной «Дело народа». В их числе: Русанов, Иванов-Разумник, Мстиславский, Гуковский и я. Мне не совсем ясно, как нам договориться о политической линии газеты, поскольку мы с Гуковским – очень умеренные социал-патриоты, другие же – интернационалисты. Увы! На первом же заседании редакционной коллегии, посвященном организации выпуска первого номера газеты, пять часов было впустую потрачено в спорах. Статьи, представленные на редколлегию интернационалистами, мы отклонили, а наши статьи пришлись не по вкусу им... Хорошенькое начало! «Дело народа» с первых же выпусков оказалось газетой, где на одной и той же странице появлялись две взаимно исключаящие статьи»²⁵⁶.

Февраль породил то, чего раньше не было и не могло быть в партии социалистов-революционеров: государственничество, которое развилось на почве революционного оборончества («революцию надо защищать от угрозы извне»). В партии появились даже люди, отстаивавшие необходимость воевать за Черноморские проливы²⁵⁷. С другой стороны, левые эсеры были сторонниками «демократического мира».

Эсеры были партией в первую очередь крестьянства. Их основным лозунгом изначально был «Земля и воля!», и они были последовательными сторонниками «черного передела» – изъятия всей сельскохозяйственной земли у помещиков и передачи тем, кто ее обрабатывает. Правые и центристы, занимавшие главенствующее положение в партии, выступали за экспроприацию земли на законных основаниях. Петроградская городская конференция эсеров 4 марта постановила: «Конференция признает, что полновластным выразителем народной воли может явиться только Учредительное собрание, что всякие попытки к немедленному захвату частнособственнических земель могут неизбежно отразиться на правильном течении сельскохозяйственной жизни»²⁵⁸.

Суханов замечал – и не без оснований – кризис лидерства у эсеров: «Вообще «самая большая партия» была чрезвычайно бедна крупными силами, а тем более политическими вождями. Выдвигаемые ею лидеры... были абсолютно негодны для своих ролей. Крупной фигурой, несомненно, является Чернов... но он крупен не как политический вождь. Остальные же не крупны ни в каком смысле»²⁵⁹. И это касалось всех фракций партии.

Николай Дмитриевич Авксентьев, многие годы воплощавший в своей фигуре само понятие «правый эсер», был пензенским дворянином. Окончив гимназию с золотой медалью, он учился на юридическом факультете Московского университета, откуда был исключен за революционное выступление с высылкой в Пензу, замененную на выезд в Германию. Там Авксентьев продолжил изучение философии и политэкономии в Берлинском и Лейпцигском, а затем в Галльском университете защитил докторскую диссертацию по философии Ницше. Авксентьев вместе с Гоцем, Зензиновым и Фондаминским составили кружок молодых теоретиков, пытавшихся соединить народничество с модным тогда неокантианством. А в 1905 году вернулись в Россию и вступили в партию эсеров. Авксентьев был звездой митингов, за что получил прозвище Жорес. Его арестовали вместе с другими членами Исполкома Петроградского Совета

²⁵⁶ Сорокин П. А. Дальняя дорога. Автобиография. С. 15.

²⁵⁷ Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 3. Ч. 2. М., 2000. С. 215.

²⁵⁸ День. 1917. 7 марта. № 2.

²⁵⁹ Суханов Н. Записки о революции. Т. 1. Кн. 1–2. С. 289–290.

и сослали в Тобольскую губернию. Оттуда он бежал за границу, где стал членом эсеровского ЦК. Во время войны Авксентьев возглавил эсеров-оборонцев. После Февраля основными его принципами стали война до победного конца и правительственная коалиция социалистов с «цензовыми элементами». Троцкий был об Авксентьеве не самого высокого мнения, видя в нем «уже совершенную карикатуру на политика: обаятельный учитель женской гимназии в Орле – вот все, что можно о нем сказать»²⁶⁰.

Группу центра возглавлял сам Чернов. Троцкий называл его «несомненно, наиболее репрезентативной фигурой старой эсеровской партии и не случайно считался ее вдохновителем, теоретиком и вождем. Со значительными, но не связанными единством познаниями, скорее начетчик, чем образованный человек, Чернов имел в своем распоряжении неограниченный выбор подходящих к случаю цитат, которые долго поражали воображение русской молодежи, немногому научая ее. На один единственный вопрос этот многословный вождь не имел ответа: кого и куда он ведет?»²⁶¹ Зинаида Гиппиус, сторонница эсеров, записала о Чернове 5 апреля: «Его в партии терпеть не могли, однако считали партийным «лидером», чему я всегда изумлялась: по его «литературе» – это самоуверенный и самоупоенный тупяк»²⁶². Кроме того, Чернову доставалось за сотрудничество с Германией: в эмиграции он издавал газету, которую немецкие власти с удовольствием распространяли в лагерях российских военнопленных для их идеологического разложения.

Во главе левых эсеров стояли Мария Александровна Спиридонова и Борис Давидович Камков (Кац). Спиридонова, не доучившись в тамбовской женской гимназии, работала контрощицей в губернском дворянском собрании, пока в 1905 году ее не арестовали за участие в антиправительственном выступлении. Выйдя через полтора месяца на свободу, она вступила в боевую организацию эсеров и пятью выстрелами убила советника тамбовского губернатора адвоката Гавриила Николаевича Луженовского якобы за подавление крестьянских восстаний. Спиридонову приговорили к смертной казни, но достоянием общественности стало ее письмо с описанием благородных мотивов убийства, а также истязаний и насилия, которым она подвергалась в тюрьме. Под давлением прогрессивной общественности повешение было заменено на бессрочную Нерчинскую каторгу. Освобождение Спиридоновой стало одним из первых распоряжений министра юстиции Керенского.

Левые эсеры осуждали войну как империалистическую, не поддерживали буржуазное Временное правительство, считая необходимым создание чисто социалистического кабинета, и настаивали на немедленной передаче земли крестьянам. И именно левым эсерам преимущественно симпатизировало новое пополнение партии. Сорокин записал в апреле на Петроградской партконференции: «Сознание новых, «февральских» революционеров-социалистов радикализировано до предела. «Революционеры»-неофиты общаются сегодня со старыми лидерами как со своими слугами. У них большинство на конференции, и этим большинством принята резолюция о немедленном окончании войны и создании социалистического правительства. Я заявил, что не могу принять их программу, ушел с конференции и сложил с себя обязанности редактора «Дела народа». Многие старые члены партии поступили так же, большинство представителей правого крыла отреклись от конференции... Гуковский и я организуем правозесеровскую газету «Воля народа»²⁶³.

Примечательно, что в провинции внутрипартийное размежевание началось раньше, чем в столицах, уже в апреле-мае, когда раскололись организации в Астрахани, Нижнем Новгороде, Одессе, Смоленске, Харькове.

²⁶⁰ Троцкий Л. Д. История русской революции. Т. 1. С. 236.

²⁶¹ Там же. С. 235.

²⁶² Гиппиус З. Дневники. С. 141.

²⁶³ Сорокин П. А. Дальняя дорога. Автобиография. С. 17–18.

А как же самый известный эсер – Керенский? Троцкий так описывал его отношения со своей партией: «Первое место среди эсеров, далеко вперед остальных, но не в партии, а над партией занял Керенский, человек без какого бы то ни было партийного прошлого... Формальное вступление в партию эсеров не нарушило презрительного отношения Керенского к партиям вообще: он считал себя непосредственным избранником нации». Кончится все тем, что на съезде партии в начале июня Керенский будет забаллотирован при выборах в ЦК партии, получив 135 голосов из 270. «Если штабные и департаментские эсеры обожали Керенского как источник благ, то старые эсеры, связанные с массами, относились к нему без доверия и уважения».

Большевики были беспощадны к эсерам как партии, соглашаясь сотрудничать только с представителями ее левого фланга. Троцкий напишет: «Социалисты-революционеры, даже по сравнению с меньшевиками, поражали рыхлостью и дряблостью. Большевикам они во все важные времена казались просто кадетами третьего сорта. Кадетам они представлялись третьесортными большевиками. Место второго сорта в обоих случаях занимали меньшевики»²⁶⁴.

К моменту Февральской революции партия меньшевиков пребывала в глубочайшем кризисе. Николаевский, который в 1917 году был членом ВЦИК и редактором меньшевистской «Рабочей газеты», писал: «Накануне революционных событий ни центральная общеменьшевистская (Организационный комитет), ни обе местные петроградские («Инициативная группа», которая в то время была центром меньшевиков-«интернационалистов») и так называемая «Группа содействия» (созданная меньшевиками-«оборонцами» для выполнения конспиративных функций при Рабочей группе Центрального военно-промышленного комитета) организации меньшевиков фактически не существовало»²⁶⁵. В первые же дни революции быстро стали возникать уже легальные социал-демократические организации – «одни чисто меньшевистские, другие чисто большевистские, третьи смешанные и находившиеся в ожидании того, как будет решен вопрос о воссоздании единой социал-демократической партии»²⁶⁶.

Численность меньшевистской партии быстро росла, хотя и не так быстро, как эсеров. Новое меньшевистское пополнение не произвело сильного впечатления на Луначарского, имевшего возможность его наблюдать на Первом съезде Советов: «Но, боже, что это за меньшевики! Солдаты и офицеры, внезапно обращенные в социал-демократов и не смыслящие ни аза в социализме; обыватели, примкнувшие к меньшевикам, как к более умеренной партии, и многие «бывшие» работники, по 10 лет стоявшие в стороне, а теперь вошедшие вновь в движение с психологией каких-нибудь швейцарских провинциальных социалистов, – все они составляют, вероятно 2/3 фракции (у с-ров, говорят, еще хуже: много просто вчерашних черносотенцев и антисемитов)»²⁶⁷.

Внутри меньшевистской партии прошло такое количество разделительных линий, которые не снились даже эсерам. Причем выяснилось, что наиболее авторитетные до войны меньшевистские лидеры и их единомышленники в революционных условиях оказались наименее влиятельными.

Основоположник русского марксизма Георгий Валентинович Плеханов возглавлял группу «Единство», которая формально оставалась вне меньшевистской организации и занимала позицию предельного оборончества и поддержки российского правительства – даже царского – в войне. Милюков подтверждал, что «для Плеханова, например, мы готовили мини-

²⁶⁴ Троцкий Л. Д. История русской революции. Т. 1. М., 1997. С. 234, 133, 230.

²⁶⁵ Николаевский Б. Меньшевики в первые дни революции. С. 217–218.

²⁶⁶ Денике Ю. Меньшевики в 1917 году. С. 210.

²⁶⁷ 1917: Частные свидетельства о революции в письмах Луначарского и Мартова. М., 2005. С. 208.

стерство труда. Но, когда он приехал, мы сразу увидели, что это – уже прошлое, а не настоящее. Приезжие «старики» как-то сами замолкли и стушевались»²⁶⁸.

Лидером крайних, или «чистых», оборонцев выступал один из основателей РСДРП Александр Николаевич Потресов. Он издавал ежедневную газету «День» и предпочел не входить ни в центральные партийные органы, ни в Совет. Потресов считал буржуазию естественным союзником социалистов в революции, лозунгом своей газеты: «Вне коалиции нет спасения». Сторонники Потресова ратовали за безоговорочную поддержку Временного правительства и сотрудничество с кадетами²⁶⁹.

Плеханов и Потресов были «старыми оборонцами». Но внутри меньшевистской партии появились и «новые оборонцы» – революционные, – ставшие таковыми в марте 1917 года: Дан, Церетели и Либер. «Блок двух групп оборонцев... возглавлял партию с марта по октябрь 1917 года. Оборонцам принадлежало большинство в большинстве партийных организаций»²⁷⁰.

Но были еще и меньшевики, оставшиеся интернационалистами – Мартов, Суханов, Ерманский. «Для них оборонцы были психологически чужим и враждебным элементом, и пребывание с ними в одной организации чем-то противоестественным». Мартовцы решили не входить ни в Оргкомитет, ни в редколлегия и издавать собственную газету и идти в массы с опорой на Петроградский комитет меньшевиков. В июне Мартов «думал уже, что уже придется немедленно разрывать окончательно с меньшевиками и образовывать вполне самостоятельную группу»²⁷¹.

Наиболее уважаемым изданием левых меньшевиков была «Новая жизнь» – читаемое левое издание. «В ней странным образом уживались две тенденции: «умеренная», представителем которой были Горький, Гольденберг, Базаров, Ст. Вольский, и безответственно доктринерская, возглавляемая Сухановым, – рассказывал Войтинский. – Тон задавали газете представители второго течения...»²⁷².

В Советах – в центре и на местах – меньшевики блокировались с эсерами, причем в этом блоке, указывал Троцкий, «руководящее место принадлежало меньшевикам, несмотря на то что бесспорное численное преобладание было на стороне эсеров. В этом распределении ролей сказывались на свой лад гегемония города над деревней, перевес городской мелкой буржуазии над сельской, наконец, идейное превосходство «марксистской» интеллигенции над интеллигенцией, которая держалась истинно русской социологии и кичилась скудостью старой русской истории»²⁷³.

Меньшевики были богаты интеллектуальными силами, уступая в этом отношении только кадетам, благодаря чему меньшевики смогли занять значимые позиции в государственных учреждениях, прежде всего экономического и социально-политического профиля, в профсоюзах, кооперативных организациях. Это привело к высокой концентрации меньшевиков в столице, во многом в ущерб провинции.

На первом этапе революции эсеры и меньшевики получили огромный кредит доверия. Церетели позднее сокрушался: «История вряд ли знает другой пример, когда политические партии, получив так много доказательств доверия со стороны подавляющего большинства

²⁶⁸ Милоков П. Н. Из тайников моей памяти. С. 909.

²⁶⁹ Волобуев О. В. Меньшевики в условиях кризиса правительственной коалиции осенью 1917 г. // Политические партии в революционных революциях в начале XX в. С. 306.

²⁷⁰ Ланде Л. Состояние партийной организации к моменту октябрьского переворота // Фельштинский Ю. Г., Чернявский Г. И. Меньшевики в революции. С. 235–236.

²⁷¹ 1917: Частные свидетельства о революции в письмах Луначарского и Мартова. С. 207.

²⁷² Войтинский В. С. 1917-й. Год побед и поражений. С. 122–123.

²⁷³ Троцкий Л. Д. История русской революции. Т. 1. С. 231.

населения, выказали бы так мало склонности стать у власти, как это было в Февральскую революцию с русской социалистической демократией»²⁷⁴.

Для Ленина что эсеры, что меньшевики были представителями мелкобуржуазной демократии, которые – как мелкий хозяин стремится стать крупным и тянется к нему – тянутся за буржуазией: «Вожди мелкобуржуазной демократии утешают свои массы обещаниями и уверениями насчет возможности соглашения с крупными капиталистами – в лучшем случае на самое короткое время они получают от капиталистов уступочки для небольшого верхнего слоя трудящихся масс, а во всем решающем, во всем важном мелкобуржуазная демократия всегда оказывалась в хвосте буржуазии, бессильным придатком ее, послушным орудием в руках финансовых королей... Меньшевики и эсеры петушком побежали за кадетами, как собака поползла на хозяйский свист под угрозой хозяйского кнута»²⁷⁵.

Порой большевикам было проще и приятнее взаимодействовать с анархистами, последователями наиболее крупного теоретика русского (и не только) анархизма в его «коллективистской» разновидности Михаила Александровича Бакунина, который полагал, что после неизбежной социальной революции необходимо организовать общество, основанное на свободной федерации крестьянских и рабочих ассоциаций, коллективно владеющих землей. Наиболее авторитетным из живших тогда анархистов был князь Петр Алексеевич Кропоткин – камерпаж Александра II, видный географ, геолог и пропагандист теории Чарлза Дарвина.

В революционных условиях организации анархистов быстро плодились. Анархистские кружки Путиловского, Металлического и Трубного заводов участвовали в организации февральских массовых выступлений и сами вышли на улицы с черными знаменами, на которых было начертано: «Долой власть и капитализм!» Анархисты были сильны в Выборгском районе столицы, на флоте – в Кронштадте и Гельсингфорсе, анархистские кружки появились на заводах Киева, Одессы, Екатеринослава, в Донецком бассейне.

Среди течений анархизма до начала лета почти безраздельно доминировали анархо-коммунисты, объединившиеся в столице в Петроградскую федерацию анархистов, которая издавала газеты «Коммуна», «Свободная коммуна» и «Буревестник». Они призывали к построению коммунального строя – по идеализированному образу Парижской коммуны 1871 года, – к широким экспроприациям всего (от дворцов и заводов до домов и продовольствия), к углублению революции для избавления от правительства, собственности, тюрем, казарм и денег. Анархо-коммунистов несколько не впечатлила замена на троне Николая Кровавого на Львова (Керенского) Кровавого. Полное неприятие Временного правительства стремительно сблизило анархистов с большевиками, которые, как полагали анархисты, наконец-то «освободились от смиренной рубашки марксизма» во имя идеи социалистической революции.

Как писал исследователь анархизма Пол Эврич, «и анархисты, и большевики прилагали усилия, стремясь к одной и той же цели – к свержению Временного правительства. Хотя и с той и с другой стороны присутствовала определенная настороженность, известные анархисты отмечали, что в самых жизненных вопросах между двумя группами существовала «безукоризненная общность»²⁷⁶. Федор Федорович Раскольников, один из лидеров большевиков в Кронштадте, рассказывал, что «те немногие моряки, которые называли себя анархистами, по крайней мере в лице своих лучших представителей, были анархистами только на словах, а на деле ничем не отличались от большевиков»²⁷⁷.

Второе влиятельное течение анархизма – анархо-синдикализм – стало заявлять о себе в России с лета 1917 года, когда в страну возвратились ее видные лидеры. Среди них, безусловно,

²⁷⁴ Церетели И. Кризис власти. С. 237.

²⁷⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 68–69, 84.

²⁷⁶ Эврич П. Русские анархисты. 1905–1917. М., 2006. С. 130–133, 136–137.

²⁷⁷ Раскольников Ф. Ф. Кронштадт и Питер в 1917 году. М. – Л., 1925. С. 258.

выделялся сам Кропоткин, возглавлявший «Хлеб и волю». Его прибытие после 40-летнего отсутствия приветствовали на Финляндском вокзале 60 тысяч человек. Керенский предложил ему портфель министра образования, но князь скромно отказался. Кропоткин занял однозначно оборонческую позицию, считая поражение Германии обязательным предварительным условием прогресса во всей Европе. Это резко изолировало его от большей части анархистского движения.

Анархо-синдикалисты группировались вокруг журнала «Голос труда», который начал издаваться в США как орган Союза русских рабочих, насчитывавшего в Соединенных Штатах более 10 тысяч членов. В середине 1917 года редакция журнала и его наиболее активные авторы пересекли Атлантический или Тихий океаны и обосновались в Петрограде – Максим Раевский (Фишелев), Владимир Сергеевич Шатов (будущий строитель Турксиба), Всеволод Михайлович Эйхенбаум. Главной целью «Голоса труда» была революция – антигосударственная «по методам, синдикалистская по экономическому содержанию и федералистская по своим политическим задачам», революция, которая заменит централизованное государство свободной федерацией «крестьянских союзов, промышленных союзов, фабричных комитетов, контрольных комиссий и т. д. на местах по всей стране»²⁷⁸.

Спектр партийно-политических сил, конечно, не полон без большевиков. Именно они станут главными игроками – и победителями – на политической и исторической сцене 1917 года.

²⁷⁸ Эврич П. Русские анархисты. С. 143–144, 147.

Большевики без Ленина

Партию большевиков с полным основанием можно было назвать партией Ленина.

Владимир Ильич Ульянов (Ленин) был личностью, несомненно, выдающейся. Дворянин, сын директора народных училищ Симбирской губернии. Его старший брат Александр в 1887 году был казнен за подготовку покушения на императора Александра III. Владимир окончил гимназию с золотой медалью, после чего поступил на юрфак Казанского университета. Его исключили за участие в студенческой сходке и отправили под гласный надзор полиции в имение матери Кокушкино Казанской губернии. Когда надзор был снят, смог экстерном получить диплом юриста в Петербургском университете и стать помощником присяжного поверенного в Самаре. Свой партийный стаж Ленин отсчитывал с лета 1893 года, когда он перебрался в столицу и вошел в марксистский кружок студентов Технологического института. Ульянов быстро выдвинулся как видный критик народничества с позиций марксизма, который он считал единственно верной революционной теорией. Осталось только приложить его к конкретным российским условиям. Первоочередную задачу он видел в создании социалистической рабочей партии, которая возглавила бы пролетариат в его борьбе за свержение сперва царизма, а затем и власти буржуазии.

В 1895 году Ленин отправился за границу, чтобы установить связи с группой «Освобождение труда», в Швейцарии познакомился с Плехановым и его соратниками. Один из них – Павел Борисович Аксельрод – напишет: «Я тогда почувствовал, что имею дело с человеком, который будет вождем русской революции. Он не только был образованным марксистом – таких было очень много, – но он знал, что он хочет сделать и как это надо сделать. От него пахло русской землей»²⁷⁹. Тогда же Ульянов стал одним из организаторов петербургского Союза борьбы за освобождение рабочего класса. За это его сослали в село Шушенское Енисейской губернии, где он провел 3 года, помимо прочего, женившись на Надежде Константиновне Крупской, сосланной по тому же делу. В Сибири Ульянов пришел к выводу, что в России сложился достаточный уровень капиталистических отношений, чтобы обеспечить определяющую роль пролетариата в революционном движении. Центральные звенья его плана – партия и нелегальная газета.

Отбыв срок, летом 1900 года он вновь отправился за границу, и уже в конце того же года выходила «Искра». С 1901 года появился псевдоним Ленин. Он жил в Мюнхене, Лондоне, Женеве, сотрудничая с Плехановым и его коллегами. В работе «Что делать?» Ленин предложил создать жестко централизованную партию с ядром из профессиональных революционеров: «Дайте нам организацию революционеров, и мы перевернем Россию!.. Единственным серьезным организационным принципом для деятелей нашего движения должны быть строжайшая конспирация, строжайший выбор членов, подготовка профессиональных революционеров». Чуть позже он напишет: «У пролетариата нет иного оружия в борьбе за власть, кроме организации»²⁸⁰.

И Ленин начал ее целенаправленно создавать, много сделав для подготовки II съезда РСДРП в 1903 году (I съезд, прошедший в Минске в 1898 году, больших следов не оставил), который принял программу партии, ставившую целью установление диктатуры пролетариата как условие победы социальной революции и реализацию права наций на самоопределение. По уставным вопросам партия раскололась: Ленин требовал личного участия члена партии в одной из парторганизаций, Мартов считал достаточным личного содействия под руководством одной из организаций. За формулу Ленина проголосовали 24 делегата, Мартова – 9, что и поло-

²⁷⁹ Луначарский А., Радек К., Троцкий Л. Силуэты. Политические портреты. М., 1991. С. 48.

²⁸⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 127, 141; Т. 8. С. 403.

жило начало расколу на большевиков и меньшевиков. Ленин взял курс на организационное обособление его собственной фракции и позднее писал: «Большевизм существует как течение политической мысли и как политическая партия с 1903 года»²⁸¹.

Ленин обладал даром поистине гипнотического воздействия, соединяя в себе силу воли, самодисциплину, энергию, способность к круглосуточной работе, непоколебимую веру в успех дела. «Плеханова – почитали, Мартова – любили, но только за Лениным беспрекословно шли, как за единственным бесспорным вождем, – вспоминал Потресов. – Ибо только Ленин представлял собой, в особенности в России, редкостное явление человека железной воли, неукротимой энергии, сливающего фанатическую веру в движение, в дело, с не меньшей верой в себя... Ленин без излишних слов неизменно чувствовал, что партия – это он, что он – концентрированная в одном человеке воля движения. И соответственно этому действовал»²⁸².

Луначарский подтверждал харизматическую притягательность Ленина: «Очарование это колоссально, люди, попадающие близко в его орбиту, не только отдаются ему как политическому вождю, но как-то своеобразно влюбляются в него»²⁸³. Меньшевик Николай Владиславович Валентинов (Вольский) свидетельствовал: «Сказать, что я в него «влюбился», немножко смешно, однако этот глагол, пожалуй, точнее, чем другие, определяет мое отношение к Ленину в течение многих месяцев»²⁸⁴.

При этом Ленина вряд ли можно было назвать человеком располагающей внешности. Существует множество его описаний, можно выбирать. Выберу «Моментальную фотографию» наблюдательнейшего писателя Александра Ивановича Куприна. Он был у Ленина в начале 1919 года именно с целью его разглядеть: «Из-за стола подымается Ленин и делает навстречу несколько шагов. У него странная походка: он так переваливается с боку на бок, как будто хромает на обе ноги; так ходят кривоногие, прирожденные всадники. В то же время во всех его движениях есть что-то «облическое», что-то крабье. Но эта наружная неуклюжесть не неприятна: такая же согласованная, ловкая неуклюжесть чувствуется в движениях некоторых зверей, например медведей и слонов. Он маленького роста, широкоплеч и сухощав. На нем скромный темно-синий костюм, очень опрятный, но не щегольской; белый отложной мягкий воротничок, темный, узкий, длинный галстук. И весь он сразу производит впечатление телесной чистоты, свежести и, по-видимому, замечательного равновесия в сне и аппетите...

Ленин совсем лыс. Но остатки волос на висках, а также борода и усы до сих пор свидетельствуют, что в молодости он был отчаянно, огненно, красно-рыж. Об этом же говорят пурпурные родинки на его щеках, твердых, совсем молодых и таких румяных, как будто бы они только что вымыты холодной водой и крепко-накрепко вытерты. Какое великолепное здоровье!

Разговаривая, он делает близко к лицу короткие, тыкающие жесты. Руки у него большие и очень неприятные: духовного выражения их мне так и не удалось поймать. Но на глаза его я засмотрелся...

От природы они узки; кроме того, у Ленина есть привычка шуриться, должно быть, вследствие скрываемой близорукости, и это, вместе с быстрыми взглядами исподлобья, придает им выражение минутной раскосости и, пожалуй, хитрости...

Голос у него приятный, слишком мужественный для маленького роста и с тем сдержанным запасом силы, который не оценим для трибуны. Реплики в разговоре всегда носят иронический, снисходительный, пренебрежительный оттенок – давняя привычка, приобретенная в бесчисленных словесных битвах. «Все, что ты скажешь, я заранее знаю и легко опровергну,

²⁸¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 6.

²⁸² Потресов А. Н. Посмертный сборник произведений. Париж, 1937. С. 301.

²⁸³ Луначарский А. В. Революционные силуэты. М., 1923. С. 12.

²⁸⁴ Валентинов Н. Недорисованный портрет. М., 1993. С. 56.

как здание, возведенное из песка ребенком». Но это только манера, за нею полнейшее спокойствие, равнодушие ко всякой личности»²⁸⁵.

Тыркова, которая была гимназической приятельницей Крупской, посетив чету Лениных в Женеве в 1904 году, обратила на грязь в их маленькой съемной квартире: «Потребностей в комфорте, очевидно, никаких. У него, может быть, и есть, у нее, наверное, нет. Все ушло в мысли и в борьбу. Живут, несомненно, хуже западного рабочего и вряд ли многим лучше русского». Тыркова тогда сказала Ленину:

– Ведь нас с вами, когда революция настанет, повесят... Или вы надеетесь уцелеть?

– Конечно, – уверенно ответил Ленин. – Это вас повесят, а меня никогда. Как только наступит революция, мы станем во главе движения²⁸⁶.

У меньшевиков поначалу возникло преимущество: Плеханову удалось взять под контроль «Искру», создать собственное большинство в Центральном комитете и, используя свои связи в международном рабочем движении, заставить именно за меньшевиками представительство во 2-м Интернационале.

В начале 1905 года Ленина исключили из ЦК РСДРП. На это он ответил созывом в апреле внеочередного съезда в Лондоне, который большевики называли III съездом, где постановили «принять самые энергичные меры к вооружению пролетариата, а также к выработке плана вооруженного восстания и непосредственного руководства таковым»²⁸⁷.

Ленин нацелил большевиков на вооруженное восстание для свержения самодержавия и установления демократической республики. В пику меньшевикам, которые настаивали на идее гегемонии буржуазии в российской буржуазно-демократической революции, он предложил стратегию гегемонии рабочего класса, который способен увенчать свою победу установлением революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Обосновав теоретически возможность перерастания революции в социалистическую, Ленин нелегально отправился в Россию для практического участия в революции. Он в восторге от того, что «колоссальная страна со 130 миллионами жителей вступила в революцию, таким образом, дремлющая Россия превратилась в Россию революционного пролетариата и революционного народа»²⁸⁸.

В ответ на сетования Плеханова о том, что в декабре 1905 года не нужно было браться за оружие, Ленин утверждает: «Напротив, нужно было более решительно, энергично и наступательно браться за оружие, нужно было разъяснять массам невозможность одной только мирной стачки и необходимость бесстрашной и беспощадной вооруженной борьбы... Презрение к смерти должно распространиться в массах и обеспечить победу»²⁸⁹.

Нельзя сказать, что Ленин сыграл в тех революционных событиях выдающуюся роль. Спасаясь от полицейского преследования, летом 1906 года он перебрался в финскую Куоккалу, а с конца 1907 года – вновь в дальнее зарубежье. Историки подсчитали, что Ленин провел на территории России в 1905 году 45 дней, в 1906 году – примерно 154 дня²⁹⁰. В следующие 10 лет на Родине он не появлялся ни разу.

Революционный период способствовал известному сплочению социал-демократии, большевики и меньшевики выступали совместно в дни Декабрьского вооруженного восстания, большевистская конференция в Таммерсфорсе (декабрь 1905 года) высказалась за слияние партийных центров. Представители большевиков вошли в составы ЦК РСДРП, которые изби-

²⁸⁵ Куприн А. И. Ленин – моментальная фотография.

²⁸⁶ Новоселова Е. Дама против Ленина // Российская газета. 2017. 21 апреля. № 86.

²⁸⁷ Третий очередной съезд Российской социал-демократической рабочей партии 1905 года: Полный текст протоколов. М., 1924. С. 519.

²⁸⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 310–311.

²⁸⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 13. С. 371, 376.

²⁹⁰ Башарова Ю. Ленинский путь // Родина. 2017. № 5. С. 16–20.

рались на IV съезде (Стокгольм, апрель 1906 года) и на V съезде (Лондон, апрель-май 1907 года). Произошло объединение, впрочем, довольно формальное, меньшевиков, большевиков, Социал-демократии Польши и Литвы, Латышской социал-демократии и еврейского Бунда. Но и после воссоединения партии Ленин сохранил и фракционные руководящие органы – Большевицкий центр (Ленин, Богданов, Красин), газету «Пролетарий», – и идеологическую идентичность.

Идеологически Ленин расходился со своими меньшевицкими коллегами по РСДРП по нескольким основным позициям. Во-первых, он полагал, что рабочий класс самостоятельно может выработать лишь тред-юнионистское сознание, а революционные идеи способна привить ему только интеллигенция в лице революционной партии. Меньшевики исходили из тезиса о классовой самостоятельности пролетариата. Во-вторых, Ленин не видел возможности союза с либерально-демократическими силами в революции. Он отстаивал идею гегемонии рабочего класса и его партии в борьбе одновременно и с самодержавием, и с «либеральной буржуазией» за диктатуру пролетариата. Ленин предостерегал от «конституционных иллюзий» и не считал идеалы демократии самоценными. Меньшевики готовы были к сотрудничеству со всеми оппозиционными режимными силами, в том числе и с кадетами.

В-третьих, Ленин не возражал против революционного насилия. Конечно, он осуждал мелкомасштабный индивидуальный террор эсеров. Но, по его словам, «нисколько не отрицая в принципе насилия и террора, мы требовали подготовки таких форм насилия, которые бы рассчитывали на непосредственное участие массы и обеспечивали бы это участие»²⁹¹. Меньшевики же отрицали террор как индивидуальный, так и массовый.

Наконец, Ленин считал необходимым строить партию не как массовую организацию, а как заговорную и жестко дисциплинированную группу, объединенную верой в вождя и его учение во имя захвата власти через вооруженное восстание. Ленин не приветствовал никакого плюрализма внутри РСДРП(б). Меньшевики, напротив, допускали свободу мнений и возможность различного толкования марксистской теории.

Многим выдающимся современникам, причем и ненавидевшим большевиков, и входившим в их партию, бросалась в глаза почти религиозная природа ленинизма. «Как вероучение фанатическое, оно не терпит ничего рядом с собой, ни с чем ничего не хочет разделить, хочет быть всем и во всем, – замечал Бердяев. – Большевицизм и есть социализм, доведенный до религиозного напряжения и до религиозной исключительности»²⁹². Георгий Владимирович Вернадский считал большевиков партией только по названию, тогда как в действительности «она была разновидностью ордена иезуитов – тесным товариществом фанатиков, объединенных общим идеалом и связанных друг с другом строжайшей дисциплиной»²⁹³. Великий мыслитель XX века Бертран Рассел, посетив Россию в годы гражданской войны, обнаружил: «Искренние коммунисты (а у старых членов партии искренность подтверждена годами преследований) весьма недалеки от пуританских воинов по своей суровой морали и политической решительности»²⁹⁴. Когда Сталин много позже произнесет свою знаменитую фразу о партии как ордене меченосцев, он будет уже далеко не оригинален.

В отличие от меньшевиков Ленин был уверен в продолжении поступательного развития революции, отстаивал тактику бойкота выборов в I Государственную думу, противопоставляя «конституционным иллюзиям» политические стачки и вооруженную борьбу. Из опыта революции Ленин сделал выводы о недостаточной подготовленности, чрезмерно оборонительном характере революционных действий и необходимости в дальнейшем ориентироваться на созда-

²⁹¹ Цит. по: Политическая история: Россия – СССР – Российская Федерация. Т. 1. М., 1996. С. 566.

²⁹² Бердяев Н. А. Собрание сочинений. Париж, 1990. Т. 4. С. 30.

²⁹³ Вернадский Г. Ленин – красный диктатор. М., 1998. С. 298.

²⁹⁴ Рассел Б. Практика и теория большевизма. М., 1991. С. 17.

ние органов революционной власти в лице Советов и крестьянских комитетов, осуществляющих руководство вооруженным восстанием.

На VI партконференции в «Праге» в 1912 году была конституирована РСДРП(б). Ленин писал Горькому: «Наконец удалось – вопреки ликвидаторской сволочи – возродить партию и ее Центральный Комитет»²⁹⁵. Ленин был избран членом ЦК, выступил инициатором издания в России газеты «Правда».

С началом Первой мировой войны Ленин не просто сформулировал лозунг поражения собственного правительства и перерастания империалистической войны в гражданскую, но и стал доказывать, что «возможна победа социализма первоначально в немногих, или даже в одной, отдельно взятой капиталистической стране»²⁹⁶. Россия, по его мнению, стояла перед буржуазно-демократической революцией, которая должна выступить детонатором социалистических революций в Европе, которые, в свою очередь, ускорят социалистическую революцию в самой России. Но даже Ленин – при всем его богатейшем воображении – не мог представить скорой реализации своих революционных вожделений. Выступление перед молодыми швейцарскими социалистами в начале января 1917 года он закончил словами: «Мы, старики, может быть, не доживем до решающих битв этой грядущей революции»²⁹⁷.

Как относиться к Временному правительству, к Совету, к войне? Для Ленина при всей скудости информации, поступавшей в Цюрих, ситуация понятна. 3 марта он пишет в Норвегию Александре Коллонтай: «Неделя кровавых битв рабочих и Милюков + Гучков + Керенский у власти!! По «старому» европейскому шаблону... Ну что ж! Этот «первый этап первой (из порождаемых войной) революций» не будет ни последним, ни только русским. Конечно, мы останемся против защиты отечества, против империалистической бойни, руководимой Шингаревым + Керенским и Ко. Все наши лозунги те же»²⁹⁸.

На следующий день Ленин приходит к выводу о том, что новое правительство, захватившее власть в Петербурге или, вернее, вырвавшее ее из рук победившего в героической кровавой борьбе пролетариата, состоит из либеральных буржуа и помещиков. «Не только данное правительство, но и демократически-буржуазное республиканское правительство, если бы оно состояло только из Керенского и других народнических и «марксистских» социал-патриотов, не в состоянии избавить народ от империалистической войны и гарантировать мир». Поэтому – никаких блоков или союзов с оборонцами»²⁹⁹.

Но у Ленина нет связи с Петроградом. Как донести свою позицию до товарищей по партии. Он шлет в Стокгольм 6 марта телеграмму большевикам, отъезжающим в Россию: «Наша тактика: полное недоверие, никакой поддержки новому правительству; Керенского особенно подозреваем; вооружение пролетариата – единственная гарантия; немедленные выборы в Петроградскую думу; никакого сближения с другими партиями»³⁰⁰. Но послание когда еще доберется до коллег. Ленин 7 марта садится за первое из «Писем издалека», которая в Петроград должна привезти Коллонтай.

Пока же большевики в столице России продолжали обходиться своим умом. «Вопреки опасениям Ленина Петроградской организации удалось перейти из полуподпольного режима в легальный без особых затруднений – и в состоянии вполне удовлетворительной боеготовности: еще одно свидетельство, что автору «Что делать?» за полтора десятка лет удалось создать политический продукт, способный в сложных условиях мобилизоваться самостоятельно»³⁰¹, –

²⁹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 48. С. 44.

²⁹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 354.

²⁹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 328.

²⁹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 399.

²⁹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 1, 6.

³⁰⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 7.

³⁰¹ Данилкин Л. Ленин. Пантократор солнечных пылинок. М., 2017. С. 491.

пишет его биограф Лев Данилкин. Лозунги «Никакой поддержки Временному правительству!» и «Вся власть Советам!» прозвучали задолго до того, как идеи Ленина достигли Петрограда. Впрочем, это были не единственные лозунги, и их разделяли далеко не все в партии, которая довольно быстро разделилась на непримиримую оппозицию правительству и сторонников соглашения с ним.

Второго марта 1917 года, писал Николаевский, «Молотов (большевик) и Юренев (близкий к большевикам представитель так называемых социал-демократов межрайонцев) выступали с предложениями взять власть в руки Совета. Но в духе этого предложения... из нескольких сот депутатов голосовало всего 15 человек»³⁰². 3 марта Молотов же сделал от имени Бюро ЦК доклад об отношении к Временному правительству на заседании Петербургского комитета большевиков в чердачном помещении Биржи труда, доказывая, что главное – борьба за создание Временного революционного правительства; Совет должен иметь свободу в выборе способов воздействия на Временное правительство; контроль со стороны Совета над правительством – мера паллиативная и недостаточная. Вспоминает Раскольников: «Тезисы доклада Молотова были отчетливо большевистские. О поддержке Временного правительства, даже «постольку-поскольку», там не было и речи»³⁰³. Но ПК раскалывался. Резолюцию, предложенную Молотовым от имени ЦК, поддержали Калинин, Шутко и Толмачев. Другие – Авилов, Залежский, Стучка, Шмидт, Михайлов, Федоров, Антипов, Подвойский – склонялись к принятию резолюции в духе решения Исполкома Совета по условной поддержке Временного правительства. В итоге ЦК в городской организации партии «прокатили». В принятой большинством голосов резолюции ПК говорилось, что он «не противодействует власти Временного правительства постольку, поскольку действия его соответствуют интересам пролетариата и широких демократических масс народа»³⁰⁴.

На очередном заседании ПК 4 марта Молотов обрушился на Исполком Совета за «тенденцию меньшевиков-ликвидаторов вести частые беседы с Временным правительством и входить с последним в соглашение» за спиной всего Совета, говорил о предательстве Керенского, ставшего министром в буржуазном кабинете, и призывал занять в отношении большинства Совета критическую и наступательную позицию»³⁰⁵. Но вопрос о тактике остался открытым: его предложили доработать Владимиру Николаевичу Залежскому, стороннику соглашения с правительством. Более того, к концу заседания, на которое пришли представители левых меньшевиков с предложением объединяться, их идею приняли. То есть горком, отвергнув мнение ЦК и вопреки ему, начал братание с меньшевиками.

Бюро ЦК 5 марта принимает новую резолюцию об отношении к Временному правительству: «Находя, что Временное правительство, составленное из представителей монархической крупной буржуазии и крупного землевладения, является по существу контрреволюционным, ЦК не может поддерживать это правительство и ставит задачей борьбу за создание Временного революционного правительства, которое осуществит передачу помещичьих и других земель народу, проведение программы минимума и через созыв Учредительного собрания Демократическую Республику»³⁰⁶. ПК в тот же день, «заслушав доклад представителя Бюро ЦК и прения в связи с таковыми», оставил в силе свою резолюцию от 3 марта: «постольку-поскольку»³⁰⁷. Бюро ЦК и Петербургский комитет большевиков вошли в клинч.

³⁰² Николаевский Б. Меньшевики в первые дни революции. С. 230–231.

³⁰³ Раскольников Ф. Ф. Кронштадт и Питер в 1917 году. С. 14–15.

³⁰⁴ Первый легальный ПК большевиков в 1917 г. М. – Л., 1927. С. X.

³⁰⁵ Там же. С. 14–15.

³⁰⁶ Протоколы и резолюции Бюро ЦК РСДРП(б) (март 1917 г.) // Вопросы истории КПСС. 1962. № 3. С. 137.

³⁰⁷ Первый легальный ПК большевиков в 1917 г. С. 18–19.

Решения Петербургского комитета партии делали весьма двусмысленным положение большевистских представителей в Петроградском Совете. Молотов испытал это на себе в полной мере, когда 4 марта в очередной раз попытался разубедить Исполком Совета в целесообразности поддержки Временного правительства. Суханов пишет зло: «Хорошо помню выступление большевика Молотова. Этот официальный представитель партии только теперь спохватился и только тут впервые заговорил о необходимости прихода всей политической власти в руки демократии... Однако оказалось, что Молотов говорил не только как «потусторонний», «безответственный» критик, который может критиковать, сам ничего не делая и ничего реального не предлагая; Молотов, кроме того, как оказалось, вовсе не выражал мнения своей партии, по крайней мере ее наличных руководящих сфер»³⁰⁸.

Непримиримым оппозиционерам удалось поначалу взять под контроль Центральный орган – газету «Правда». «Еще в начале марта Мария Ильинична с Ольминским, Шляпниковым, Бонч-Бруевичем и Молотовым сняли на Мойке, 32, прямо рядом с Невским, две комнаты»³⁰⁹. Помещение принадлежало «Сельскому вестнику». Там была типография с новейшими ротационными машинами, помещения для редакции и склад. Первый номер «Правды» вышел в воскресный день 5 марта сразу 100-тысячным тиражом и бесплатно распространялся через заводские комитеты. В нем были опубликованы Манифест Бюро ЦК от 27 февраля, резолюция ЦК об отношении к Временному правительству и передовица «Старый порядок пал». В последней говорилось, что «черные силы притаились, но не изменилась их скрытая сущность, и есть уже, еще робкие, попытки черносотенной агитации. Скрылся и не арестован отрекшийся царь, пытающийся организовать контрреволюцию. Черные силы поджидают только благоприятных условий для их проявления. Задача революционного пролетариата и армии – этого не допустить»³¹⁰. Как? Путем создания Временного революционного правительства. Второй номер, который был уже платным и сразу дал крупную сумму для пополнения оборотных средств, вышел 7 марта. В нем была помещена статья «Социал-демократия и война», где подтверждалась незыблемость пораженческой ориентации большевиков.

ЦК быстро налаживал и свои региональные издания. Раскольников отбыл издавать газету в Кронштадт, Михаил Степанович Ольминский – в Москву, где уже 7 марта вышла большевистская газета «Социал-демократ». Отправляя лучшие «перья» в другие города, «Правда» сталкивалась с острейшим дефицитом собственных литературных кадров. Руководители редакции сидели на телефонах, обзванивая потенциальных авторов. Предложение о сотрудничестве получил и Максим Горький. Его ответ был весьма обескураживающим: «Он считал, что наша газета «Правда» своей постановкой вопросов о Временном правительстве и войне помогает врагам революции. Это был один из первых и далеко не последних ответов, которые мы получали тогда от «бывших» наших друзей...»³¹¹ – писал Шляпников.

Антиправительственная и антивоенная позиция «Правды» звучала явным диссонансом в общем хоре столичной прессы. По мнению Суханова, «Правда», выразившая точку зрения большевиков, была в то время сумбурным органом очень сомнительных политиков и писателей. Ее неистовые статьи, ее игра на разнуздывании инстинктов не имели ни определенных объектов, ни ясных целей. Никакой вообще «линии» не было, а была только погромная фраза!»³¹² Большим подспорьем для оппонентов большевиков стал вскрывшийся после обнародования списков агентов охранного отделения факт сотрудничества со спецслужбами бывшего редактора «Правды» Мирона Ефимовича Черномазова. Правдистам теперь приходилось

³⁰⁸ Суханов Н. Записки о революции. Кн. 2. Берлин-Пб. – М., 1922. С. 89–90.

³⁰⁹ Данилкин Л. Ленин. С. 491.

³¹⁰ Правда. 1917. 5 марта. № 1.

³¹¹ Шляпников А. Семнадцатый год. Кн. 2. С. 116.

³¹² Суханов Н. Записки о революции. Кн. 2. С. 242.

отбиваться и от обвинений в изначальной «провокационной» природе газеты. Серьезные проблемы возникали с распространением газеты, в адрес редакции стали поступать угрозы разгрома. ЦК пришлось озаботиться организацией вооруженной охраны помещения на Мойке. Но Шляпников не унывал: «Вражда буржуазии доказывала нам правильность взятого нами направления, а бешеная травля и клевета на нас показывали, что острие нашей политики попало в самое чувствительное место буржуазных интересов»³¹³.

Ежедневно заседало Бюро ЦК, которое в первые послереволюционные дни быстро росло количественно, пополняемое представителями ПК и начинавшими возвращаться в Петроград коллегами. На заседании Бюро ЦК 9 марта была принята резолюция об отношении к войне: «Войти в сношение с пролетариатом и революционной демократией воюющих стран для немедленного прекращения навязанной народам преступной войны; осуществить братание солдат воюющих народов в траншеях; провести выборы ротных, батальонных и других комитетов и начальства... поддержать революционное движение народов против господствующих классов и их правительств во всех странах»³¹⁴. Резолюция была отвергнута в ходе начавшегося в тот же день обсуждения вопроса о войне в Исполкоме Совета, который встал на позицию «права революции на самооборону».

Противоречия по вопросу о войне возникли даже в большевистской фракции Совета, которая впервые была конституирована на собрании 9 марта. Присутствовало всего человек сорок, и это при том, что в Совете уже насчитывалось более полутора тысяч депутатов. Правые большевики во главе с Борисом Васильевичем Авилковым выступили с резкой критикой Бюро ЦК, доказывая, что Временное правительство в силу своего происхождения революционно, а немедленное прекращение войны при условии сохранения у власти в Германии империалистического правительства является недопустимым. Но все же «большинство фракции одобрило резолюцию Бюро ЦК. Даже представители Петербургского комитета не поддержали критиков справа»³¹⁵.

Левым удавалось удерживать лидирующие позиции в спорах с более умеренными коллегами по партии только до 12 марта. В этот день в Петроград из Красноярска прибыл курьерский поезд, который доставил большую группу политических ссыльных из Сибири. В их числе были три видных руководителя большевистской партии – член настоящего (а не Русского Бюро) ЦК Иосиф Виссарионович Сталин, член старой редакции «Правды» Лев Борисович Каменев и депутат Думы Матвей Константинович Муранов.

Сталин (Джугашвили) после окончания с отличием Горийского духовного училища и изгнания за революционную деятельность из Тифлисской духовной семинарии стал активным партийным деятелем, членом Кавказского союзного комитета. Ленин впервые обратил на него внимание в 1904 году, когда в ответ на письма Сталина назвал его «пламенным колхидцем». Он присутствовал на Таммерфорсской конференции РСДРП в 1905-м и на Стокгольмском съезде в 1906 году. Несмотря на некоторые проявившиеся у него тогда разногласия с Лениным (в частности, по аграрному вопросу), тот увидел в Сталине энергичного и острого на язык сторонника, обладавшего рядом несомненных достоинств. Во-первых, едва ли не все руководство социал-демократов в Грузии стояло на меньшевистских позициях, и Сталин оставался там наиболее видным пропагандистом большевизма. Во-вторых, Ленин испытывал острую нехватку партийцев, которые готовы были продолжать подпольную революционную работу в самой России. Сталин был одним из немногих.

Его дооктябрьская биография умещалась между семью арестами и пятью побегам из тюрем и ссылок. «Все, знавшие тогда Сталина, отмечали его редкую способность к самообла-

³¹³ Шляпников А. Семнадцатый год. Кн. 2. С. 171.

³¹⁴ Протоколы и резолюции Бюро ЦК РСДРП(б) (март 1917 г.). С. 142.

³¹⁵ Шляпников А. Семнадцатый год. Кн. 2. С. 176.

данию, выдержке и невозмутимости, – писал его биограф Дмитрий Волкогонов. – Он мог спать среди шума, хладнокровно воспринять приговор, стойко переносить жандармские порядки на этапе... Дефицита воли у этого человека никогда не было»³¹⁶. Жизнь революционера выработала у Сталина расчетливость, осторожность, холодную рассудительность, жестокость, невозмутимость, самодисциплину, смелость, обостренное чувство опасности, позволявшее выжить и уцелеть. Он не принадлежал – до времени – к числу великих большевистских теоретиков и трибунов, но был одним из лучших партийных практиков. При этом Сталин неизменно отстаивал ортодоксальную ленинскую линию. В 1912 году, бежав из очередной ссылки в Сольвычегодске, Сталин объявился в Петербурге, где организовал издание ежедневной газеты «Правда». Но вскоре его арестовали и отправили в Туруханский край, где он и встретил революцию.

Лев Борисович Каменев (Розенфельд), несмотря на довольно молодой возраст – 34 года, – уже имел репутацию крупнейшего теоретика партии. Родился в Москве, отец его был железнодорожным инженером. Окончил Каменев гимназию в Тифлисе, поступил на юридический факультет Московского университета, который из-за революционной деятельности не закончил. В 1902 году он уехал в Париж, где примкнул к искровцам и познакомился с Лениным. Его революционная деятельность разворачивалась в Тифлисе, Петербурге, Женеве, а также в ленинской партшколе в Лонжюмо, где был одним из ведущих лекторов. Ленин направил Каменева в российскую столицу в 1914 году для руководства «Правдой» и большевистской фракцией в IV Думе. Его арестовали вместе с фракцией, но в отличие от ее членов на суде Каменев заявил о несогласии с лозунгом Ленина о поражении собственного правительства в войне.

«Каменев – ...среднего роста, сухощавый, но крепко скроенный, с медленными движениями, холодный, сдержанный, взвешивающий свои слова, с резкими чертами бритого лица, с холодными, умными серыми глазами»³¹⁷. Таланты Каменева – основательного, глубокого – ни у кого не вызвали сомнения. Но он вряд ли был рожден для революций. На отсутствие у него лидерских качеств обращал внимание Анатолий Васильевич Луначарский: «В той железной среде, в которой приходилось развертываться политическому дарованию Каменева, он считался сравнительно мягким человеком, поскольку дело идет о его замечательной душевной доброте. Упрек этот превращается скорее в похвалу, но, быть может, верно и то, что сравнительно с такими людьми, как Ленин или Троцкий, Свердлов и им подобные, Каменев казался слишком интеллигентом, испытывал на себе различные влияния, колебался»³¹⁸.

По мнению Троцкого, Каменев, который «лучше многих других большевиков схватывал общие идеи Ленина, но только для того, чтобы на практике давать им как можно более мирное истолкование», и Сталин, склонный «отстаивать усвоенные им практические выводы без всякого смягчения, сочетая настойчивость с грубостью», не случайно составили тогда одну команду³¹⁹. Теоретический багаж и публицистический талант одного дополнялся железной волей и решительностью другого. А избранный в свое время в Госдуму от рабочей курии в Харькове Муранов, фотография которого в компании других депутатов-большевиков в арестантской одежде украшала комнату каждого уважавшего себя революционера, придавал новому руководящему трио партии не достававший пролетарский лоск.

От легендарных старших товарищей питерский актив большевиков ожидал мудрых руководящих указаний. Вскоре выяснили: в Петроград приехали последовательные примиренцы, противники всей предыдущей политики Бюро ЦК. Каменев исходил из мысли о «длительном, охватывающем многие годы, промежуточном периоде, который должен будет отделять проис-

³¹⁶ Волкогонов Д. Триумф и трагедия: Политический портрет И. В. Сталина. Кн. I. Ч. 1. М., 1989. С. 41–42, 62.

³¹⁷ Октябрьская революция. Мемуары. М., 1999. С. 296.

³¹⁸ Луначарский А., Радек К., Троцкий Л... Силуэты: политические портреты. М., 1991. С. 300.

³¹⁹ Троцкий Л. Д. К истории русской революции. М., 1990. С. 314–315.

ходившую в России буржуазно-демократическую революцию от последующей социалистической»³²⁰. Об этом же говорили тогда и меньшевики.

Первая встреча вновь приехавших руководителей большевиков с питерскими коллегами, судя по всему, прошла в обстановке откровенной склоки. «Все прибывшие товарищи были настроены критически и отрицательно к нашей работе, к позиции, занятой Бюро ЦК и даже Петербургским комитетом, – сокрушался Шляпников. – ... Сами прибывшие повели себя так, что вызвали возмущение значительной доли работников своим нежеланием считаться со сложившейся до их приезда руководящей организацией... Особенно много нападков было на нашу газету «Правда»³²¹.

Схватка продолжилась на заседании Бюро ЦК, где первым вопросом рассматривалось расширение его состава в связи с желанием вновь прибывших в него войти. Муранов был приглашен единогласно. Что же касается Сталина, то в протоколе заседания записано: «Относительно Сталина было доложено, что он состоял агентом ЦК в 1912 г. и потому являлся бы желательным в составе Бюро ЦК, но ввиду некоторых личных черт, присущих ему, Бюро ЦК высказалось в том смысле, чтобы пригласить его с совещательным голосом»³²². А Каменева вообще прокатили на основании его трусливого поведения на судебном процессе 1914 года и общего отрицательного отношения к нему в партии. Каменеву было предложено стать анонимным сотрудником «Правды».

В конце заседания решили, что в связи с разрастанием состава Бюро ЦК нужно избрать его президиум в составе пяти человек. В результате тайного волеизъявления в президиуме оказались Муранов, Молотов, Стасова, Ольминский, Шляпников, кандидатом остался Залуцкий.

Но Сталин и Каменев не думали сдаваться. Они начали захватывать ключевые позиции в партии явочным порядком. Сначала они осуществили то, что Шляпников назвал «редакционным переворотом» в «Правде», самочинно войдя в состав ее редколлегии. «Опираясь на формальные преимущества, заключавшиеся в том, что один из троих был членом ЦК., другой – членом б. думской фракции и третий – редактором прежней «Правды», приехавшие товарищи решили «преобразовать» Центральный Орган партии. Редактирование очередного 9 номера «Правды» от 15 марта на основании этих формальных прав они взяли полностью в свои руки, подавив своим большинством и формальными прерогативами представителя Бюро ЦК т. В. Молотова»³²³.

По инициативе Сталина и Каменева 13 марта на расширенном заседании исполнительной комиссии ПК вновь были рассмотрены ранее принятые резолюции об отношении к Временному правительству. В протоколе этого заседания читаем: «Заслушав обе резолюции, собрание ЦК признало мотивировку в резолюции ПК – «О непротиводействии Временному правительству»... вполне правильной, находя, что постольку, поскольку Вр. пр. борется против старого режима, оно не контрреволюционно. Далее передано было содержание телеграммы, полученной от Ленина о недоверии Временному правительству, особенно Керенскому, и о надежде на поддержку вооруженного народа»³²⁴.

В тот день в Петрограде появилась Александра Михайловна Коллонтай – прекрасно образованная генеральская дочь, смелая и свободная в словах и поступках, блестящая писательница и оратор, красавица. Она благополучно привезла с собой первое и второе ленинские «Письма издалека». «На северо-шведской пограничной станции Хапаранда мой багаж обыскивают, – вспоминала Коллонтай. – Кроме того, приводят чиновницу-женщину для проведения личного

³²⁰ Такер Р. Сталин: Путь к власти 1879–1929. История и личность. М., 1990. С. 156.

³²¹ Шляпников А. Семнадцатый год. Кн. 2. С. 179–180.

³²² Протоколы и резолюции Бюро ЦК РСДРП(б) (март 1917 г.) С. 143.

³²³ Шляпников А. Семнадцатый год. Кн. 2. С. 182.

³²⁴ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 4. Л. 6–7.

досмотра. Письмо Ленина я предусмотрительно засунула в корсет, но служащая интересуется больше моей пышной прической и распоряжается, чтобы я вынула все заколки. Разумеется, она ничего не находит»³²⁵.

Первое письмо, датированное 7 марта, предостерегало: «Не будем впадать в ошибку тех, кто готов воспевать теперь, подобно некоторым «окистам» или «меньшевикам, колеблющимся между гвоздевщиной-потресовщиной и интернационализмом, слишком часто сбивающимся на мелкобуржуазный пацифизм, – воспевать «соглашение» рабочей партии с кадетами, «поддержку» первую вторых и т. д. Эти люди в угоду своей заученной (и совсем не марксистской) доктрине набрасывают флер на заговор англо-французских империалистов с Гучковыми и Милюковыми с целью смещения «главного вояки» Николая Романова и замены его вояками более энергичными, свежими, более способными»³²⁶.

Второе письмо – от 9 марта – носило еще более резкий характер: «Назначение же русского Луи Блана, Керенского, и призыв к поддержке нового правительства является, можно сказать, классическим образцом измены делу революции и делу пролетариата, измены именно такого рода, которые и погубили целый ряд революций XIX века, независимо от того, насколько искренни и преданы социализму руководители и сторонники подобной политики. Поддерживать правительство войны, правительство реставрации пролетариат не может и не должен»³²⁷.

Но не тут-то было. Новые руководители «Правды» согласились обнародовать только первое письмо с оценкой ситуации, выкинув из него всю критику Временного правительства, а второе не публиковать вовсе. Молотов хлопнул дверью, выйдя из редколлегии газеты, и из президиума Бюро ЦК, и из исполкома Совета. В редакцию «Правды» вошли Сталин и Мария Ильинична Ульянова, в президиуме добавились Сталин и Залуцкий. Места Молотова и Залежского в Исполкоме Петросовета по большевистской квоте заняли Каменев и Сталин.

Редкий случай, Сталин публично покается в том, что «это была глубоко ошибочная позиция, ибо она плодила пацифистские иллюзии, лила воду на мельницу оборончества и затрудняла революционное воспитание масс. Эту ошибочную позицию я разделял тогда с другими товарищами по партии и отказался от нее полностью лишь в середине апреля, присоединившись к тезисам Ленина»³²⁸.

Но это будет потом. А 14 марта Муранов появился в Исполкоме Петроградского Совета, где как раз обсуждался текст воззвания к народам мира. Бюро ЦК и ПК постановили выступить против его оборонческой сущности, но Муранов, восторженно встреченный собравшимися, воззвание поддержал. После чего его тут же избрали не просто в Исполком, а в Бюро Совета. 15 марта новая редколлегия «Правды» заявила о своей позиции программной статьей Каменева, где говорилось, что большевики будут поддерживать Временное правительство, «поскольку оно борется с реакцией и контрреволюцией», а пока германские войска повинуются своему императору, русский народ «будет стойко стоять на своем посту, на пулю отвечать пулей, а на снаряд – снарядом... Всякое «пораженчество», а вернее, то, что неразборчивая печать под охраной царской цензуры клеймила этим именем, умерло в тот момент, когда на улицах Петрограда показался первый революционный полк»³²⁹. В правительственных и советских кругах статья вызвала (словами Шляпникова) «оборонческое ликование»: наконец-то умеренные и благоразумные большевики взяли верх над крайне левыми. Зато даже в ПК, не говоря уже о районных организациях большевиков, стали требовать исключения тройки из партии.

³²⁵ Шиссер Г., Трауптман Й. Русская рулетка: немецкие деньги для русской революции. М., 2004. С. 86.

³²⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 16.

³²⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 30.

³²⁸ Сталин И. В. Сочинения. Т. 6. М., 1947. С. 333.

³²⁹ Правда. 1917. 15 марта. № 11.

Вечером 15 марта в редакции «Правды» на Мойке состоялось экстренное заседание Бюро ЦК. Муранов взял всю ответственность на себя, заявляя, что вопрос о составе редакции и публикации статьи принимал единолично, «так как он находил, что «Правда» всем своим поведением грозила погубить дело революции, и за этот свой поступок даст ответ перед партийным съездом»³³⁰. После перепалки была принята резолюция, «осуждавшая политическую позицию приехавших товарищей, а также их поведение по отношению к нашей газете «Правда»³³¹. Было решено сформировать новую редколлегия, которая принимала бы решения о публикации статей единогласно. Теперь она выглядела следующим образом: Молотов, Каменев, Еремеев, а Сталин – временно до возвращения Еремеева.

В середине марта центр партийной активности переместился из коридоров Таврического дворца и редакции «Правды» в новое помещение – особняк знаменитой балерины Матильды Феликсовны Кшесинской, о романе которой с Николаем II в его юные годы ходили слухи. С первых дней революции в нижнем этаже был расквартирован броневой дивизион, испытывавший пробольшевистские симпатии. Петербургский комитет решил, что верхний этаж вполне подойдет для нужд революционного штаба партии и без какой-либо официальной санкции занял его для себя, ЦК и центрального бюро профсоюзов. Несчастливая Матильда... Когда Совет разрешил ей навестись в собственный дворец, она онемела: «Прекрасная мраморная лестница, покрытая красным ковром, была завалена книгами, в которых копались какие-то женщины... Великолепный ковер, привезенный из Парижа, был залит чернилами, а всю мебель вынесли вниз. Из модного шкафа вырвали дверцу вместе с петлями и вынули все полки, а в шкаф поставили винтовки... В моей ванне было полно окурков... Рояль фирмы «Бехштайн», сделанный из красного дерева, неизвестно зачем перенесли в оранжерею и втиснули между двумя колоннами... Как-то проезжая мимо своего дома, я увидела Александру Коллонтай, прогуливавшуюся по моему саду в моем же горностаевом манто. Говорили, что она носила и другие мои вещи»³³². Революционная целесообразность пожинала свои плоды.

Особняк Кшесинской выступил и центром создания Военной организации большевиков: партия активно взялась за работу в армии. Еще 10 марта на заседании Петербургского комитета была создана комиссия по ведению работы в войсках, в которую вошли Николай Иванович Подвойский, Владимир Иванович Невский, Сергей Николаевич Сулимов и Сергей Яковлевич Багатъев (Багатъян). 31 марта состоялось учредительное собрание Военной организации, на котором присутствовали представители 48 воинских частей Петроградского гарнизона – как большевики, так и сочувствовавшие. Членство было фиксированным, с выдачей членских книжек и ежемесячным взносом в 35 копеек³³³. Во главе были поставлены два большевика, заслуживших высокую оценку Троцкого: «Подвойский – яркая и своеобразная фигура в рядах большевизма, с чертами русского революционера старого типа, из семинаристов, человек большой, хотя и недисциплинированной энергии, с творческой фантазией, которая, правда, легко переходила в прожектерство. Слово «подвойщина» получило впоследствии в устах Ленина добродушно-иронический и предостерегающий характер. Невский, в прошлом приват-доцент, более прозаического склада, чем Подвойский... привлекал к себе солдат простотой, общительностью и внимательной мягкостью. Вокруг этих руководителей собралась группа ближайших помощников, солдат и молодых офицеров, из которых некоторым предстояло в дальнейшем сыграть немалую роль»³³⁴.

³³⁰ Протоколы и резолюции Бюро ЦК РСДРП(б) (март 1917 г.) С. 148.

³³¹ Шляпников А. Семнадцатый год. Кн. 2. С. 185.

³³² Кшесинская М. Воспоминания. Смоленск, 1998. С. 271, 272, 279.

³³³ Сулимова М. Л. О событиях 1917 года // Великая Октябрьская социалистическая революция. Сборник воспоминаний участников революции в Петрограде и Москве. М., 1957. С. 113–114.

³³⁴ Троцкий Л. Д. История русской революции. Т. 2. М., 1997. С. 37.

Во дворце Кшесинской вовсю шла подготовка к Всероссийскому совещанию большевиков, которое, если точно, надо рассматривать как заседание большевистской фракции Всероссийского Совещания Советов рабочих и солдатских депутатов. Фактическая узурпация Петроградским – городским – Советом прав и функций общегосударственного «органа демократии» изначально признавалась исторически неизбежной всеми соцпартиями, но столь же очевидной была необходимость созыва Всероссийского съезда Советов. Приглашение на него были разосланы по всем городам, и в столицу съехались 479 делегатов. Комитет по организации съезда во главе с Богдановым счел представительство недостаточным, поэтому было решено вместо него провести предварительное Всероссийское Совещание.

Большевики, не избалованные широким представительством в Петроградском Совете, полагаю, были немало удивлены, когда на Совещании появилось более сотни ранее незнакомых сторонников из провинции – четверть от всех делегатов. Они-то и стали участниками мартовского Всероссийского совещания большевиков. «Совещание большевиков открылось 27 марта во дворце Кшесинской, а затем продолжалось в помещении большевистской фракции Совещания Советов – на хорах Таврического дворца, – вспоминала секретарствовавшая на всех заседаниях Феодосия Ильинична Драбкина. – Обстановка для работы была самая неподходящая: значительная часть делегатов была участниками Всероссийского Совещания Советов, некоторые из них входили в комиссии, созданные обоими совещаниями. Партийное совещание заседало урывками, во время перерывов на Совещании Советов, само обсуждение вопросов носило порой хаотический характер»³³⁵. ЦК партии на совещании был представлен Сталиным, Шляпниковым, Молотовым, Залуцким и подъехавшей Еленой Дмитриевной Стасовой.

Первым обсуждался вопрос о войне, докладчик – Каменев. Он уже отказался от своих строго оборонческих взглядов, тем не менее прения были исключительно жаркими и длились два дня. Хотя протоколы большевистского совещания за 27 и 28 марта не сохранились (исчезли во время взятия дворца Кшесинской в июльские дни 1917 года сторонниками Временного правительства), картина внутрипартийной борьбы, по воспоминаниям, вырисовывалась следующая: «По вопросу о войне среди участников наметились три течения – пишет Драбкина, – «революционные оборонцы» (Войтинский, Элиава, Севрук и другие) поддерживали оборонческую линию Исполкома Петроградского Совета; другая группа делегатов (Коллонтай, Милютин, Молотов и другие) не допускала никаких уступок оборончеству; наибольшее число депутатов хотя и выступало против поддержки войны, но не решалось полностью порвать с «революционным оборончеством»³³⁶. В результате дебатов родилась компромиссная резолюция, в которой левые могли удовлетвориться тезисом о возможности прекращения войны только с переходом власти в руки пролетариата, а оборонцы – о противодействии дезорганизации армии и необходимости поддержания ее мощи. Ничего другого до открытия Всероссийского Совещания Советов большевистские делегаты обсудить не успели.

29 марта в полном составе делегаты совещания переместились в большой зал Таврического дворца. Доклад о войне делал Церетели, доказывавший необходимость параллельно с борьбой за мир продолжать войну за свободу, тезис, звучавший для левых большевиков как явно оборонческий. Каменев делал содоклад и пытался возражать, но безуспешно. Резолюция Церетели собрала 325 голосов, Каменева – 57. Как видим, даже многие большевики из «мягких» поддержали Церетели.

А между тем в небольшой комнате на хорах Таврического дворца продолжалось партийное совещание большевиков. Было тесно, шумно, сумбурно. Сталин делал доклад об отношении к Временному правительству. Он предлагал рассматривать Совет как орган, контролиру-

³³⁵ Драбкина Ф. И. Всероссийское совещание большевиков в марте 1917 года // Вопросы истории. 1956. № 9. С. 5–6.

³³⁶ Там же. С. 6–7.

ющий Временное правительство, которое, в свою очередь, взяло на себя роль «закрепителя» завоеваний революционного народа. Молотов оппонирует:

– Временное правительство с первого момента своего возникновения является не чем иным, как организацией контрреволюционных сил. Поэтому никакого доверия, никакой поддержки этому правительству оказывать нельзя, наоборот, с ним необходима самая решительная борьба³³⁷.

Позиция Молотова находит поддержку со стороны Владимира Павловича Милютина, сперва меньшевика, а затем – большевика, пять раз сидевшего в тюрьме и дважды в ссылке, а тогда возглавлявшего Саратовский Совет. Резолюцию поручили выработать специальной комиссии. Принятый в результате документ не страдал радикализмом, исходил из необходимости контроля над правительством со стороны Советов, а вовсе не его свержения.

А как же подготовка социалистической революции? А никак. Молотов писал: «Как свидетель тех дней, могу утверждать, что тогда, в первые дни и недели Февральской революции, мысли большевиков еще не отрывались от задач демократической революции... Не приходилось встречаться с теми, кто уже тогда считал бы необходимым поставить в порядок дня вопрос о новом, социалистическом этапе революции»³³⁸.

Большевистское совещание продолжалось 1 апреля обсуждением вопроса о возможности объединения большевиков и меньшевиков. Дискуссия шла вокруг того, идти ли на объединительное собрание с собственной платформой или без оной. Сталин считал достаточной платформой антивоенные принципы Циммервальда и Кинтала, а существовавшие противоречия по другим вопросам предлагал изживать уже в рамках объединенной партии. Молотов, Залуцкий, Скрыпник предлагали «выставить определенную интернационально-социалистическую платформу»³³⁹. Судя по невнятному протоколу, победила третья точка зрения: на собрание с меньшевиками идти, но считать его информационным. Назначили даже комиссию для переговоров, которая должна была 4 апреля приступить к работе. Однако союзу с меньшевиками не суждено было состояться никогда.

В середине дня 3 апреля в секретариате Всероссийского Совещания была получена телеграмма о том, что ожидается еще один участник – ближе к полуночи в Петроград прибудет Ленин. Все предыдущие внутрипартийные споры, борьба, резолюции теряли смысл, обретая характер чисто познавательный.

³³⁷ Пролетарская революция. 1927. № 4. С. 154.

³³⁸ Молотов В. М. О Владимире Ильиче Ленине (к 90-летию со дня рождения (рукопись) // ЛАМ. Пап. 24. Док.1. Ч. 2. С. 2–4.

³³⁹ Мартовское партийное совещание 1917 года // Троцкий Л. Сталинская школа фальсификаций. Берлин, 1932. С. 265.

Глава 2

Революция и государство

Легитимность под вопросом

Революция страдает отсутствием мудрости.
Михаил Михайлович Пришвин

Для любой власти ключевым является вопрос о ее легитимности. И с точки зрения ее формальной законности. И, пожалуй, что еще более важно, с точки зрения восприятия народом власти как законной.

Ханна Аренд в классическом труде «О революции» писала: «Злой рок Французской революции заключается в том, что ни одно из конституционных собраний не располагало достаточным авторитетом для того, чтобы дать стране конституцию; упрек, справедливо адресуемый им, всегда один: они сами не были конституционно оформлены. С теоретической точки зрения роковая ошибка людей революции состояла в некритической вере в происхождение власти и закона из одного и того же источника. И, наоборот, огромной удачей Американской революции было то, что... никогда серьезно не оспаривалась правильность *pouvoir constituant* тех, кто вырабатывал конституции штатов и затем Конституцию Соединенных Штатов»³⁴⁰.

Подобного рода мысли нечасто посещали умы творцов Русской революции, они мало задумывались о Законе, в том числе, и о российской конституции, коей выступали Основные законы Российской империи. Многие революционеры – Гучков, Милюков – были монархистами и не видели проблем с легитимностью, если бы власть просто переходила от одного монарха к другому, чего не случилось. Республиканцы, коим были все социалисты и не только, исходили из идеи народного суверенитета и предполагали обеспечить легитимность новой власти при помощи всенародно избранного Учредительного собрания.

Отречение императора Николая II создало ситуацию правового вакуума. «Царская власть... в России была источником права», – пишет историк Л. С. Фирсов. Именем царя двигалась государственная машина. Камергер двора И. И. Тхоржевский утверждал: «Не он опирался на государственные учреждения, а они им держались»³⁴¹. А между тем с правовой точки зрения отречение было не просто безупречным. Оно было нонсенсом. «Наши Основные законы не предусматривали возможности отречения действующего императора и не устанавливали никаких правил, касающихся престолонаследия в этом случае, – подтверждал один из самых квалифицированных юристов страны Владимир Набоков. – Но, разумеется, никакие законы не могут устранить или лишить значения самый факт отречения или помешать ему... И так как, при таком молчании Основных законов, отречение имеет то же самое значение, как смерть, то очевидно, что и последствия его должны быть те же, т. е. престол переходит к законному наследнику. Отречься можно только за самого себя... Престол российский – не частная собственность, не вотчина императора, которой он может распоряжаться по своему произволу. Основываться на предполагаемом согласии наследника также нет возможности, раз этому наследнику не было еще полных 13 лет... Поэтому передача престола Михаилу была актом незаконным. Никакого юридического титула для Михаила она не создавала»³⁴²

³⁴⁰ Арендт Х. О революции. М., 2011. С. 227.

³⁴¹ Цит. по: Фирсов Л. С. Николай II: Пленник самодержавия. М., 2010. С. С 436.

³⁴² Набоков В. Д. Временное правительство. (Воспоминания). М., 1991. С. 17–18.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.